

**Вестник
Рязанского
государственного
университета
имени *С.А. Есенина***

**Научный журнал
2007 № 2/15**

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал выходит с 1993 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

- Беляева В.А.** Духовно-нравственное воспитание личности педагога в отечественной педагогической культуре..... 3
- Костикова Л.П.** Становление лингвострановедческого компонента обучения в рамках диалогового подхода..... 9

ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

- Лосев Ю.И., Комерова И.В.** Процесс изменения социальной структуры в Саудовской Аравии и роль правительства в классообразовательных процессах во второй половине XX века 36
- Плеханов А.Е.** Внешняя политика и дипломатия Англии и России в канун Первой мировой войны..... 56
- Котляров И.Д.** Разделенные государства и их роль в современной геополитике..... 68

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Шейна И.М. Опыт кросслингвистического сопоставления синонимических рядов с доминантой «человек».....	82
Сафронов А.В. «Правда без прикрас» в жанре «путешествий» и художественной документалистике «из жизни отверженных».....	93
Сведения об авторах	127

ПЕДАГОГИКА

В.А. Беляева

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

«Самый существенный недостаток в деле русского народного просвещения есть недостаток хороших наставников, специально подготовленных к исполнению своих обязанностей», – писал в свое время К.Д. Ушинский в работе «О нравственном элементе в русском воспитании, предвосхищая активно обсуждаемую проблему современной педагогической науки – как достичь высокого профессионально-педагогического уровня¹. Современность, выдвигая новые цели и ценности в образовании, новые требования к профессиональной подготовке педагога, обращается к аналогиям из отечественной педагогической культуры, где профессионализм или педагогическое мастерство учителя понимается как стремление педагога к практическому воплощению неких идеалов. Личностное осознание профессионализма, признание его педагогическим сообществом, обществом и государством, результаты собственной рефлексии педагогической деятельности – все это уровни значимости профессиональной компетентности, проявляющиеся не только сегодня, но и имевшие место в прошлом. Без отслеживания этих составляющих невозможно говорить о состоятельности педагога как профессионала.

В России в середине XIX – начале XX века сложилась определенная традиция взглядов отечественных ученых на роль и свойства личности в идеальной их интерпретации. Идеи Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского, Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, Н.А. Ильина, святителя Феофана Затворника Вышенского, современных ученых-педагогов представляются нам наиболее интересными и весьма актуальными и значимыми для под-

¹ Ушинский, К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Избр. пед. соч. – М. : Педагогика, 1968. – С. 246.

готовки педагога, ориентированного на воспитание учащихся в данной трактовке, но уже в современных условиях.

Объединяющей педагогов-философов отечественной педагогической культуры идеей о сущности подготовки учителя является идея о невозможности стать профессиональной личностью без духовно-нравственного воспитания, без приобщения к духовно-нравственным ценностям бытия (ценности самой личности, признание ее самоценности, служение долгу, истине, красоте, любовь к своему Отечеству, к ближнему, свобода воли, структурированные относительно высших ценностей), без общечеловеческой направленности образования, духовных и национальных традиций отечественной культуры и народа, самосовершенствования и духовного саморазвития путем личностного преодоления собственных негативных проявлений, самообразования и самовоспитания к развитию «чувствований» в глубинах «внутреннего мира» соотносительно «абсолютным ценностям» и другое, а также идея о целостности личности, ее духовной сущности, взаимосвязи физического, психического, социального и духовного. Данные идеи выступают методологическими ориентирами структурирования образовательного процесса, направленного на воспитание и развитие профессиональной и духовно-нравственной сферы личности. Все это предполагает при проектировании образовательного процесса акцентировать методологический принцип целостности: системный анализ знаний о сущности личности, его духовно-нравственном воспитании и профессиональном развитии в философии и истории образования, педагогической антропологии, педагогической отечественной культуре; рассмотрение сущности образовательного процесса, ориентированного на профессиональное воспитание и становление личности педагога, в диалектическом единстве составляющих его компонентов в условиях непрерывного педагогического образования. Кроме того, творчество (духовный и практический уровень) признается всеми представленными в исследовании учеными в качестве мощного фактора развития как самой личности педагога, так и образовательного процесса средством повышения профессионального уровня педагога, позволяющим воплотить в жизнь идеи и идеалы, сделать их действенными и достижимыми. Технология образовательного процесса, ориентированного на формирование творческой профессиональной сферы личности педагога, также строится в соответствии с методологическими принципами, выведенными на основе анализа методологических подходов отечественных педагогов-философов к организации процесса воспитания человека. Так, принцип индивидуально-творческого подхода к организации учебно-познавательной деятельности обучаемых (наиболее ярко выраженный у Н.А. Бердяева и характеризующий процесс самосозидания как процесс свободного творчества) предполагает индивидуализацию процесса обучения не только на уровне личностно-деятельностного подхода, но прежде – на уровне лич-

ностного переживания, что является необходимым условием самореализации личности и интериоризации формируемых знаний и базовых профессиональных ценностей во внутренний мир личности.

В то же время у каждого свое, своеобразное представление об интеллектуальных ценностях: Н.И. Пирогов важным педагогическим средством самопознания и самосознания признает воспитание, К.Д. Ушинский – идентификацию с опытом и культурой своего народа, Н.А. Бердяев – глубокое внутреннее самосозидание, В.В. Зеньковский – целостное мировоззрение, И.А. Ильин – личный духовный и жизненный опыт, Феофан Затворник Вышенский – внутри-пребывание сердца, очищение и самоизменение. Методологический принцип взаимосвязи познавательной и преобразующей учебной деятельности предполагает стимулирование самопознания и самосознания, овладения личностью приемами самоорганизации, самоанализа в целях самоуправления и достижения задач самореализации на уровне личностного и общественного развития. Противоречивыми являются взгляды педагогов о роли социализации: Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, В.В. Зеньковский выступают за учет влияния окружающего общества на личность и использование ее национального, культурного, творческого потенциалов в развитии и воспитании ученика и подготовке профессионального педагога, тогда как взгляды Н.А. Бердяева, И.А. Ильина на свободное волеизъявление личности, ее самоопределение несколько умаляют роль общества в становлении и духовном росте человека либо представляют только негативное, «пагубное» влияние «мира» (Н.А. Бердяев, Феофан Затворник Вышенский) на формирование личности. На наш взгляд, профессиональная нравственная личность педагога формируется в условиях единства и целостности восприятия культуры своего ближайшего социального окружения (прошлого и настоящего в диалектическом представлении) и творческой познавательно-практической деятельности по освоению опыта социокультурной среды на индивидуальном уровне в образовательном и воспитательном процессе.

Несмотря на имеющиеся особенности, акценты в представлениях педагогов-мыслителей об идеальном педагоге, их взгляды объединяет глубокое уважение к личности, приоритет духовных начал и общечеловеческих ценностей в ее профессиональном становлении, признание зависимости от окружающей социокультурной среды.

Единство и взаимосвязь учебно-познавательной, научно-исследовательской и практической профессионально-педагогической субъектной деятельности обучаемых в условиях диалогического общения со всеми участниками образовательного процесса в многообразии его форм и методов определяет активность личности в ее духовно-нравственном самовоспитании и саморазвитии.

Таким образом, ведущей методологической основой исследования процесса профессионального становления и развития личности педагога является идея не просто уважения личности в данном процессе, но и признание ее самоценности (как в христианстве), которое состоит в том, что человек не может и не должен подвергаться никакому насилию, унижению и строить отношения с другими людьми исходя из этого основополагающего положения.

Определяя сущность и содержание характера образовательного процесса, различные ученые-педагоги выделяют наиболее значимые черты характера педагога. Так, священнослужители видят таким идеалом Творца (Бога), а следовательно, стремление педагога приблизиться и соответствовать образу Божьему является основополагающим. Педагоги XIX – начала XX века (Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, Н.А. Бердяев, Н.А. Ильин) делают акцент на то, как ориентировать и воспитывать человека. Педагоги советского периода ориентируют на воспитание человека (И.П. Иванов), где коллектив – ведущее звено в воспитании личности (А.С. Макаренко), либо где личность и коллектив – равнозначны и человек является субъектом воспитания (В.В. Сухомлинский), что развивает гуманистические идеи в педагогике, признавая значимость духовно-нравственного начала. Анализируя характерные черты педагога, выделенные в российской отечественной культуре, можно структурировать их в компонентах личности педагога (см. рис.).

Ядром сущностных сил личности педагога, как видно из рисунка, являются ее духовно-нравственные ценности. Они могут олицетворять собой образ высокодуховной и высоконравственной личности, вобравшей в себя ценности национальной, патриотической культуры, основанные на глубоком уровне внутреннего самосознания человека, для которого высокие духовные ценности и ориентиры по своей сути неизменны и абсолютны (о смысле бытия, доминантности добра, совести, красоты) и служат основой становления и развития личности во всех отношениях: профессиональном, социальном, волевом и др. Все это говорит об актуализации духовных ценностей педагога, о необходимости и значимости целенаправленного внимания и педагогического воздействия на развитие профессиональной сферы личности учителя и подготовке его к воспитанию учащихся, к чему и призывают нас философы-педагоги русской отечественной культуры.

Периферийными по отношению к ядру духовно-нравственной структуры личности являются другие компоненты: интеллектуальный (1), творческий (2), профессионально-действенный (3) и социально-поведенческий (4). Так, содержательная сторона интеллектуального компонента (1) включает: знания и представления о процессе самопознания и самоопределения человека в социокультурном мире, в профессии; знания и умения обращаться к самоанализу и самооценке, владение приемами рефлексии; знания о целостности личности и роли ее самовоспитания и саморазвития.

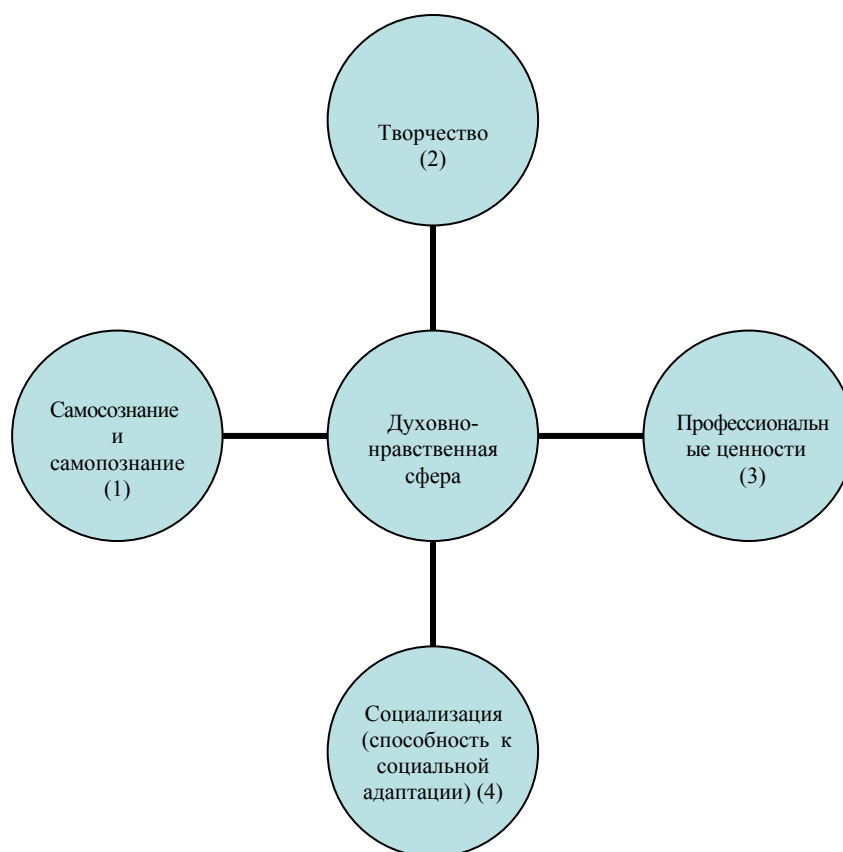

Рис. Структурные компоненты личности педагога-профессионала

Творческая атмосфера образовательного процесса формирования личности педагога (2) создает благоприятную психолого-педагогическую ауру вокруг его личности и как бы впитывается ею и таким образом становится одним из компонентов, составляющих важную созидательную силу обучаемого. Профессиональная деятельность при этом может рассматриваться как специфический вид деятельности, в процессе которой формируются творческие потенциалы личности учителя, формируется мировоззрение и отношение к окружающему миру на субъектном уровне. Состояние социокультурной среды в образовательном пространстве, гуманистическая направленность образовательного процесса (реализация личностно-деятельного подхода в обучении педагогов на уровне творческой поисковой деятельности в многообразии ее видов), духовно-нравственный и творческий потенциал педагогов, организующих образовательный процесс, – все это составляющие данного компонента, который по

своей сути является мощным фактором становления и развития личности педагога.

Профессиональный компонент (3) личности педагога может быть представлен составляющими его структурными единицами педагогической деятельности: образовательными, методическими, технологическими, рефлексивными; способностями и умениями осуществлять педагогическую деятельность на основе ее целесообразности и духовно-нравственной ориентированности.

Компонент социализации (4) предполагает наличие умений прогнозировать и конструировать образовательный процесс с учетом национальных особенностей системы образования региона, взаимодействовать с людьми на основе многообразных технологий обучения и развития человека; умений вступать во взаимоотношения с социокультурной средой, характеризующейся различными культурами и системами ценностей; наличие способностей к самоуправлению в аспекте потребностей национально-образовательной среды (ее регионально-муниципальных запросах).

Механизм функционирования представленных компонентов личности есть процесс определенным образом интегрированной взаимосвязи. И особенности его развития зависят от организации образовательного процесса, который всегда имеет пролонгированную направленность, но в каждый конкретный период представлен теми целевыми установками, которые определяют его протекание в тот или иной момент времени.

В зависимости от имеющейся целевой ориентации организуется педагогическая деятельность по развитию какой-либо определенной сферы личности. Если же такого не происходит, то влияние на эту сферу будет лишь сопутствующим, косвенным и не иметь действительного значения для ее развития. Примером тому может служить преобладающая предметная направленность образовательного процесса в вузах, институтах повышения квалификации и переподготовки работников образования, регионально-муниципальных методических службах, образовательных учреждениях, следствием которой стало отчуждение педагога-методиста от учителя, учителя от ученика, педагога от культуры отечественной педагогики, духовно-нравственной и национальной традиции, утрата культуросообразной функции образования.

Таким образом, процесс профессионального развития может рассматриваться с нескольких позиций, в основе которых может быть социальная сфера жизнедеятельности педагога, либо его самопознание и самосознание, либо творческая активность или профессиональная подготовка, где связующей основой является духовно-нравственная сфера личности.

Процесс профессионального развития личности мы рассматриваем как целостную педагогическую систему, формирующую у личности образ профессиональной деятельности и в то же время преобразующую саму сущность личности, ее профессиональную, творческую, духовную, социальную, рефлексивную структуры. В отличие от традиционного толкования понятия педагогического процесса как целостности, объединяющей и систематизирующей процессы воспитания и обучения, каждый из которых характеризуется своими особыми целями и задачами, в нашем определении они имеют единую общую направленность – формирование желаемого образа педагога, его профессиональной деятельности и преобразование личности в гармоничном соответствии с этим образом.

Л.П. Костикова

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ОБУЧЕНИЯ В РАМКАХ ДИАЛОГОВОГО ПОДХОДА

Новая политическая и социально-экономическая реальность в странах Восточной и Центральной Европы, равно как и общемировая тенденция к интернационализации и глобализации, обусловили появление новых концепций в дидактике и методике преподавания учебных дисциплин, а именно концепций межкультурной дидактики, межкультурного обучения и межкультурной коммуникации.

В России проблема межкультурного обучения приобрела особую актуальность и сложность в 90-е годы XX века, когда в условиях социально-экономических и политических реформ сложилась новая образовательная ситуация, для которой характерны усиление этнизации содержания образования, возрастание роли родного языка обучения, идей народной педагогики, рост влияния религии на формирование самосознания личности. Данные инновации в педагогике не всегда рассматриваются дидактами как благо. В частности, как отмечает В.И. Слободчиков, в настоящее время в отечественной педагогической традиции широкое распространение получили «изоляционистские акции по установлению национально-культурных суверенитетов в образовании, которые часто напоминают попытки повернуть историю вспять, внося свою лепту в дальнейшую феодализацию государственного устройства России. В конечном счете они обо-

рачиваются маргинализацией национальной культуры, отлученной от общечеловеческой»¹. И это в тех условиях, когда общество перестало осознавать себя замкнутым универсумом и идентифицирует себя с частью более широкого универсума, о чем писал еще в 1930 годах А. Тойнби: «В исследованиях последних лет все чаще употребляется термин «глобальная культура», являющийся результатом гомогенизации различных этнокультурных сообществ на базе общего языка – английского, общей идеологии – технического прогресса, и общих социальных институтов, выработанных в процессе интеграции»². Формирование глобальной культуры, однако, не приводит к нивелированию национальных культур, ее слагающих, так как относительно недавние тенденции к формированию глобальной культуры не искоренили многообразие неповторимых региональных, национальных, локальных, этнических, языковых и религиозных культур. Многие из них сформировались задолго до первых предпосылок к глобализации мирового сообщества, а ряд были этим процессом стимулированы. Некоторые этнокультурные общности осознали необходимость мер по защите собственной культурной традиции от обезличивания и «размывания», неизбежных при полном включении в глобальную культуру. В настоящее время мировая макрокультура должна рассматриваться как сосуществование и подчас непростое, небезконфликтное взаимодействие множества составляющих ее микрокультур. И лишь через проникновение в сущность такого взаимодействия, включающего в себя как мирное взаимопроникновение культурных ценностей и ориентиров, так и ожесточенное сопротивление культурной интеграции на уровне языка, традиций, устоев, культурных императивов (иначе говоря, через овладение межкультурной грамотностью), можно глубоко познать как компоненты, слагающие макрокультуру, так и ее саму. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже, но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше»³. Действительно, адекватно понять и оценить преимущества и недостатки собственного восприятия мира можно только посредством сравнения своих культурных ориентиров с ценностями иных культур. Это, в свою очередь, не может не стать стимулом к взаимовыгодному культурному обмену и сотрудничеству.

Императивы глобализации как материальной, так и духовной сфер человеческой деятельности стимулировали зарождение и развитие нового подхода к изучению слагаемых категории «культура» и к внедрению данной категории в образование. В сложившейся ситуации межкультурная ориентация образования, с одной стороны, способствует этнической идентификации и формированию культурного самосознания обучаемых, а с другой стороны, препятствует их этнокультурной изоляции от других стран и народов.

Важная предпосылка межкультурного образования – это становление и развитие в России гражданского демократического общества, в котором усиливается борьба с шовинизмом, расизмом, этническим эгоизмом и в то же время проявляется открытость по отношению к другим странам, народам и культурам, осуществляется воспитание в духе мира и взаимопонимания. В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» постулируется, что одной из тенденций мирового развития, необходимой для учета российской образовательной традиции, является «значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, в связи с чем особую важность приобретают факторы коммуникабельности и толерантности»⁴.

Развитие и практическая реализация идей межкультурного образования в высшей и средней школе следует рассматривать как составляющий компонент новейших гуманистических педагогических концепций, разрабатываемых современными дидактами в контексте демократизации российского общества, а межкультурное образование, в частности, как один из ключевых понятий научной концепции культуросообразного образования, предложенной в рамках комплексной программы Российской академии образования (РАО) «Образование в контексте развития культуры на рубеже 21 века» (научный руководитель – академик РАО И.В. Бестужев-Лада, головная организация – Институт художественного образования РАО).

Важной социально-политической детерминантой развития межкультурного образования является интенсивное развитие интеграционных процессов как составной части развития современного мира, а также стремление России и других стран интегрироваться в мировое и европейское социально-культурное и образовательное пространство, сохранив при этом национальное своеобразие. Интеграционные процессы способствуют превращению Европы в многоязычное пространство, в котором национальные языки имеют равные права. С открытием границ между государствами усиливается мобильность людей, их мотивация к изучению иностранных языков, а также к установлению и поддержанию контактов внутри своей страны и за рубежом. Неслучайно одно из условий повышения качества общего образования отечественные дидакты формулируют в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года»: «...усиление роли дисциплин, обеспечивающих успешную социализацию учащихся, в т.ч. иностранного языка; обеспечение знания выпускниками на уровне функциональной грамотности как минимум одного иностранного языка»⁵.

Наряду с этим, как указывалось выше, усиливается проблема сохранения национально-культурного своеобразия, что наиболее ярко проявляется в понимании межкультурного образования в развивающихся странах.

Поскольку наступление мирового рынка несет с собой не только экономическую зависимость, но и распространение чужой культуры, на первый план в этих странах выходят проблемы формирования культурного самосознания. В культурологии и политологии рассматривается тесная взаимосвязь между сохранением культурной идентичности народа и экономической независимостью страны. При разработке проблем межкультурного образования в педагогике отмечается стремление по-новому осознать свой жизненный стиль, особенности национального мышления, воспитательные традиции и т.д. Усилия педагогов направлены на достижение синтеза культурно-специфических когнитивных стилей, социальных моделей поведения и коммуникационных кодов.

Важнейшей составляющей образования в лингвострановедческом русле, его основополагающей целью является лингвострановедческая компетентность, освоение которой обеспечит формирование поликультурно грамотной многоязычной коммуникативно-ориентированной личности. Успешное овладение лингвострановедческой компетентностью как целью поликультурного образования, как отмечают В.С. Библер, М. Бубер, Л.Г. Веденина, Г.Д. Дмитриев, В.В. Сафонова, А.В. Шафрикова и другие, возможно в случае ориентированности на диалог культур в качестве философского стержня образования и жизненный стиль индивида.

Развитие теории и практики межкультурного обучения дает важные импульсы для интенсивного инновационного поиска в этом направлении в вузах России, а также для сотрудничества отечественных педагогов с зарубежными коллегами. Дидактические концепции лингвострановедческого обучения получили активное развитие за рубежом, например, в работах M.B. Adelman, P. Asse, M. Brandt, L. Bredella, R. Brislin, D. Buttijes, M. Byram, N. Dima, A. Fantini, P. Funke, J. Gumperz, D. Hack, D.R. Levine, E. Murphy и др. Речь идет не о прямом переносе зарубежного опыта межкультурного обучения на российскую почву, а о глубоком осмыслении и использовании наиболее продуктивных идей в сходных социокультурных условиях.

Лингвострановедческие аспекты обучения не сводятся лишь к особенностям преподавания иностранных языков в средней и высшей школе, они даже шире лингводидактики как сферы научного знания и складываются в особую дидактическую концепцию, которая приобретает все более глобальный характер, интегрируясь в учебные программы целого ряда дисциплин на уровне частной дидактики. Разумеется, лингвострановедческую компетентность как цель обучения постулируют многие преподаватели иностранных языков. В частности, Л.Г. Веденина определяет «межкультурное обучение» как «полилог языков и культур, обучение, рассчитанное на интеграцию обучаемого в систему мировой культуры»⁶. Соот-

ветственно лингвострановедческая компетентность представляется не только как достаточная осведомленность в аспектах своей и чужой лингвокультурной среды, но и как знание языка другого народа (народов). Такая интерпретация позволяет говорить о более полном формировании глобально ориентированной личности.

Актуальность этих идей для России связана с ее стремлением к тесному взаимодействию с мировым сообществом в решении глобальных проблем человечества, осуществлении гуманитарных проектов и в других областях международного сотрудничества. Такое взаимодействие обусловило возникновение «языкового бума», что повлияло на статус языка как предмета, дающего возможность воспользоваться преимуществами открытого общества.

Использование иностранного языка как способа постижения мира специальных знаний, приобщения к культуре различных народов, диалог различных культур, способствующий осознанию людьми принадлежности не только к своей стране, определенной цивилизации, но и к общепланетарному культурному сообществу – все эти идеи межкультурного образования имеют важное значение для российской школы, осваивающей гуманистическую парадигму образования.

В настоящее время в качестве цели обучения иностранным языкам выдвигается формирование лингвострановедческой компетентности и создание «целостной культурно-языковой личности»⁷. Такое развитие взглядов на цели обучения предполагает не только овладение соответствующей иноязычной техникой общения, но и усвоение внеязыковой информации, необходимой для адекватного общения и взаимопонимания, так как последнее недостижимо без должного уровня осведомленности участников общения о социокультурных общностях, к которым каждый из них принадлежит. Данные общности, или сферы, не тождественны вследствие различий в материальных и духовных условиях существования соответствующих народов и стран, особенностей их истории, культуры, общественно-экономического строя, политической системы, бытового уклада и т.д.

И все же, на наш взгляд, неверным будет утверждение, что овладение лингвострановедческой компетенцией возможно исключительно в рамках предмета «Иностранный язык». Действительно, приобщение к ценностям иной культуры возможно путем ее рассмотрения с позиций философии, культурологии, педагогики, социологии, этнологии и прочих дисциплин. Понятие «лингвострановедческая компетенция» находится в сфере интересов целого ряда дисциплин, причем они пополняют фонд знаний о данном понятии, следуя своим специальным интересам. Исходя из предмета своего исследования, каждая из них выделяет свою целевую доминанту данной компетенции – будь то языковой компонент либо страновед-

ческий с выхоленной лингвистической составляющей. Философия использует такой аспект лингвострановедческого обучения, как поликультурная грамотность, и рассматривает его как средство современной эпистемологии, как критерий оценки сформированности альтернативной культурной парадигмы, как инструмент анализа вопросов присоединения, диалога, свободы выбора, идентичности, вариативности и т.д. Широкой теоретической проблематикой концепций глобальной культуры, мультикультурализма и межкультурно грамотной личности занимались различные философские школы, как отечественные (работы А.П. Лиферова, В. Малахова и др.), так и в англосаксонской и американской традиции. Можно рассмотреть конгломерат идей традиционной (философия жизни, герменевтика, феноменология) и посттрадиционной (постструктурализм, неотрейдизм) западной философии, западной политической философии, постсоциологии, обращавшихся к мультикультурализму и понятию межкультурно грамотной полиязыковой личности.

Социология рассматривает лингвострановедческую компетенцию как критерий постижения иной социальной культуры, психология – с точки зрения ее влияния на развитие отдельных психических процессов и личности в целом. Для лингвистики в фокусе межкультурной грамотности находится прежде всего языковая компетенция, отражающая уровень владения родным и иностранным языками и выступающая средством получения знаний об изучаемой культуре, в то время как для психолингвистики важным является то, как на языковом и невербальном уровнях реализуется особое, культурно обусловленное видение мира той или иной культурной общностью. Педагогика рассматривает лингвострановедческую компетенцию в контексте организации учебного процесса, ее интересуют и возможность постижения мира специальных знаний средствами иностранного языка, и соотношенность уровня овладения межкультурной грамотностью с общим уровнем образованности и, более того, цельности личности.

Обучение с лингвострановедческих позиций мы понимаем как целенаправленный процесс приобщения к мировой культуре в процессе изучения иностранного языка, постижения мира специальных знаний, усвоения культурно-исторического и социального опыта различных стран (в том числе и собственной) и народов. Данная модель обучения есть способ формирования межкультурно компетентной многоязычной личности, вобравшей в себя ценности родной и иных культур и способной к адекватному, продуктивному общению (межличностному и профессиональному) в особенностях иноязычной и инокультурной среды.

Межкультурное общение – это особая форма общения, когда два участника акта общения принадлежат разным культурам. В соответствии с этим

исследования в данной области касаются в основном трех проблем: воспитания, языка, невербальных процессов.

Как рабочее определение лингвострановедческой компетенции, требующее пересмотра и уточнения, мы понимаем набор знаний о культуре, быте, ментальности страны изучаемого языка, а также должное прагматическое владение культурно-языковым кодом, в сумме дающие обучаемому умение эффективно функционировать в условиях иной языковой и культурной среды.

Предложенные определения обучения в лингвострановедческом аспекте и лингвострановедческой компетенции как критерия успешности данного обучения были сформулированы с позиций одного из ключевых научных подходов – диалогового, находящего все более широкое распространение в настоящее время в целом комплексе учебных дисциплин.

Данный подход используется при рассмотрении понятий «поликультурное образование» и «лингвострановедческая компетенция» и основывается на идеях открытости, диалога культур, культурного плюрализма. Эволюция рассматриваемых понятий обусловлена не только современными историческими и социокультурными предпосылками, но и опирается на ряд традиций отечественной и зарубежной культурологии, философии, психологии и педагогики. Они сформировались в результате продолжительного процесса, явившегося отражением изменений во взглядах на цели и методы обучения. Не претендуя на полное, детальное отражение истории становления понятия «лингвострановедческая компетентность» в диахронии, все же считаем необходимым отметить его глубокую историю и многообразие подходов по его внедрению в обучение.

Пониманию сущности, целей, функций поликультурного образования помогают идеи Н.К. Рериха о «благодетельном синтезе», под которым он понимает «единение культур», создающее благотворное сотрудничество людей, а также идеи выдающихся культурологов, философов и историков современности (Э. Мейлер, А. Тойнби, Ю. Яковец и др.) о целостности культурно-исторического развития человечества и наличии некоторых сходных принципов функционирования культур разных народов. Схожие идеи высказываются в работах Н.А. Данилевского, исследовавшего культурно-исторические типы, или цивилизации, которые обладают характерными узнаваемыми и отличимыми от других чертами, замкнуты и отделены друг от друга, но пребывают в синкретическом единстве, составляя совокупную мировую культуру.

В рамках культурологии и философии сосуществуют несколько школ, постулирующих плюралистическое, мультиплицитное видение культурного пространства и соответственно возможность его постижения только путем сравнительного анализа, проводимого «на стыке» культур и цивилизаций. Это и антропологическая школа (основоположники Э. Тэйлор,

А. Ланг, Дж. Фрейзер в Великобритании, Н.Ф. Сумцов, А.И. Кирпичников, А.Н. Веселовский в России), и символическая школа (создатели Ф. де Соссюр, Э. Кассирер и К. Леви-Строс), постмодернизм и некоторые другие течения. Хронологически наиболее современным из них является мультикультурализм – интеллектуальное движение и стратегия в культурной и образовательной политике развитых индустриальных стран, предполагающая уважение к культуре национальных меньшинств, предоставление равных условий для развития доминирующей и недоминирующих культур. Мультикультурализм призывает к сохранению и развитию культурной и языковой самобытности национальных меньшинств и малых этносов, исследованию малых культур, публикации книг на родных языках и диалектах. В рамках этой культурно-образовательной политики поощряются межнациональные контакты, воспитывается уважение к ценностям чужой культуры и к языку, посредством которого данная культура во многом являет себя миру. Целью построения образования в рамках мультикультурной философской модели является сохранение и рост культурного разнообразия и культурного плюрализма. Оценка мультикультурализма философами и культурологами как интеллектуального движения неоднозначна: его рассматривают и как раздел философии, занимающийся эпистемологией (Дж. Серл), и как отрасль либеральной политической теории (Ч. Тайлор, Р. Рорти). Более перспективной представляется позиция, выводящая мультикультурализм за границы эпистемологии и политической теории и включающая его в более широкий культурный контекст. Рассмотренный таким образом мультикультурализм расширяет традиционные цели культуры и наряду с прочим включается, как уже было отмечено ранее, в контекст образовательной политики. Подобное видение мультикультурализма разделяют, в частности, М. Маруяма, Э. Санковски, Л.А. Коробейникова.

Современная культурология выдвигает тезис о приоритете культуры как ценностного императива современной гуманитарной науки: «...культура стала основой научного мышления и вседневного бытия в их взаимоопределении... В фундаментальной ориентации современного разума и мир, и наука, и человек понимаются... в сфере уникальных произведений культуры»⁸. Культурология оспаривает статус глобальной, всеобъемлющей «общенаучной дисциплины в системе гуманитарного знания, имеющей самое широкое, можно сказать, безграничное исследовательское поле. Обладая междисциплинарным статусом, она все более претендует на роль «метазнания», так как стремится к изучению универсальных смысловых структур и преодолевает возникающие междисциплинарные барьеры и методологические ограничения»⁹. Даже рассматривая данный тезис как недостаточно подкрепленный или спорный, невозможно не при-

нять взаимопроникновение культурологии и других гуманитарных дисциплин, в частности педагогики, как данность. Современные дидакты, например Н.Б. Крылова, постулируют необходимость насыщения всего образовательного процесса разнообразными элементами культуры – так называемую «культуроемкость» образования. Культура признается как «реальный методологический регулятив педагогического знания и ценностный императив педагогического действия»¹⁰. В современной педагогической науке переосмысление и практическую реализацию находит мысль о необходимости изменения содержания и смысла самой идеи образования в контексте идеи культуры, высказанная В.С. Библером.

Есть основания утверждать, что существующие образовательные системы могут рассматриваться с позиций любой из современных философских теорий культуры. На наш взгляд, одной из теорий с наибольшим потенциалом практического применения, на базе которой возможен анализ и совершенствование современных тенденций развития педагогики высшей школы, направленных на формирование средств, условий и механизмов самодетерминации личности, является концепция диалога культур. Данная концепция, разрабатываемая в рамках мультикультурализма, прежде всего характерна для российской педагогической традиции. В отечественной педагогике актуальной является идея о сохранении и обогащении как русской культуры, выступающей в нашей стране в качестве доминирующей, так и национально-культурного своеобразия других народов, населяющих Россию.

Суть данного подхода заключается в пересмотре образования как межкультурного, как способа приобщения обучающихся к различным культурам с целью формирования общепланетарного сознания, позволяющего тесно взаимодействовать с представителями различных стран и народов и интегрироваться в мировое и общеевропейское культурно-образовательное пространство.

Философско-методологической основой данного подхода, высказанной В.С. Библером, является такое понимание диалога, когда все философские системы не отвергаются, а сосуществуют и взаимодействуют: «И в теоретическом, и в художественном мышлении формируется новая всеобщая ориентация разума на идею взаимопонимания, общения через эпохи, общения с эпохами»¹¹. Гуманизм такого взаимодействия заключается в том, что каждый субъект культуры должен пережить неполноту бытия перед бесконечным разнообразием всей мировой культуры. В таких условиях единственно разумной и вместе с тем нравственной дорогой подлинного объединения различных культур может быть признан только диалог между ними. Культура может развиваться исключительно по законам общения «на грани» замкнутых эпох и форм сознания, мировосприятия.

Действительно, представители различных культурных общностей, каждая обособленная социально-культурная группа – все они живут в мире своих правил и норм, обычаев и традиций, которые выражаются в особой манере поведения, религии, системе эстетических взглядов, социальных институтах, языке и т.д. На основе различий в системе нравственных и этических норм, обычаев и традиций как на культурно-этническом, так и на личностном уровне уже в первобытную эпоху появились антитезы: «мы – они», «свои – чужие», «Я – другой», сущность которых и составляет во многом диалоговый подход к культуре, личности и образованию. Человек как субъект и как личность не существует без Другого, той единицы, той точки отсчета, которая дает представление о соразмерности личности в ее сравнении с себе подобной. Философская категория «Другой» и отношения между «Я» и «Другой» рассматриваются в трудах целого ряда философов, психологов и педагогов.

Тема диалога по отношению к культуре впервые возникла в начале XX века в работах К. Яспера, О. Шпенглера, М. Бубера, М. Бахтина.

Так, К. Ясперс возвел способность коммуникации в ранг «гносеологического критерия истины», М. Бахтин перевел понятие «диалог» из литературного жанра в философскую категорию. М.М. Бахтин понимает культуру в контексте диалогического подхода как «форму общения людей разных культур, форму диалога; для него «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой»¹².

Позднее проблема «диалога культур» поднималась в трудах Л. Баткина, М. Кагана; на рубеже 1980–1990-х годов она получила продолжение, была углублена и расширена в работах П. Гайдено, В.С. Библера и др. Феномен культуры, по их утверждению, является неотъемлемой частью все решающих событий жизни и сознания людей современности.

Современный аргентинский философ и теолог Э. Дуссель, подчеркивая этический характер латиноамериканской философии и полагая, что осмыслить существование латиноамериканца в его самобытности можно только с позиции этики, считает, что категория «Другой» отражает специфическое положение Латинской Америки по отношению к Европе. И. Фихте использует собственный вариант данной категории, заключая его в антитезу: «Я есть» – «Это не я», или, как заметил А. Ламартин, «... одной души нет рядом – и весь мир опустел». М.М. Бахтин и его последователи определили потребность в соразмерности «себя с Другим» понятием «значимый Другой»; сущность человека, его самость проявляются лишь в диалоге, во взаимодействии с другим человеком.

Диалог в культуре (по М.М. Бахтину и В.С. Библеру) выходит на уровень важнейшей ее характеристики, универсального принципа, который органи-

зует мышление человека, обеспечивает саморазвитие культуры, воспроизводство личности, способность к коммуникации. Все исторические и культурные явления выступают продуктом общения, взаимодействий, следствием взаимоотношений с самим собой, социумом, с универсумом. «Культура способна жить и развиваться (как культура) только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми «на себя» – на выход за свои пределы – культурами. В таком конечном счете действующими лицами оказываются отдельные культуры, актуализованные в ответ на вопрос другой культуры, живущие только в вопрошаниях этой культуры»¹³.

В ходе историко-культурного процесса диалог вели различные религиозные и идеологические системы, народная и профессиональная культура, диалогичны были взаимоотношения отдельных национальных культур и культурных эпох. Диалог шел во времени и пространстве, он пронизывал ткань истории и культуры по вертикали и горизонтали. Диалог выступал как самостоятельный литературный жанр, как форма научного трактата, а диалогичность – как внутреннее свойство текстов, «произведений», созданных различными искусствами.

Итак, диалог, согласно дидактам рассматриваемого нами диалогического подхода, есть глубинное понятие, форма существования и реализации культуры. Культура есть форма диалога и взаимопорождения культур, форма одновременного бытия и общения людей различных культур – прошлых, настоящих и будущих. Смысл, содержание диалога культур как сосуществования разных возможностей бытия мира в человеке и человека в мире состоит в диалогическом росте, разворачивании возможных культурных смыслов. Возможное бытие культуры XXI века вырисовывается, по мнению сторонников школы диалога культур И.Е. Берлянд, В.Ф. Литовского, А.В. Ахутина, в образе полифонической и диалогической целостности общения целостных (неделимых) смысловых персонажей — культур — сущих, бывших и возможных. Диалогическая культура мыслится поэтому как открытие современного звучания собственного смысла исторических культур, их смысловое продолжение, новое Возрождение или даже впервые рождение в качестве настоящих соучастников бытия по-настоящему. Вступая в диалог, культуры впервые становятся собою, выходят из частного исторического существования, возрождаются, обретают непреходящее бытие уникального смысла, способного к бесконечному росту, разворачиванию, раскрытию в общении с собеседниками в географическом пространстве и историческом времени.

Считаем важным отметить сходство высказанных идей с концептуальными основаниями комплексной программы РАО «Образование в контексте развития культуры на рубеже XXI века», предложенными В.Т. Кудряв-

цевым, В.И. Слободчиковым, Л.В. Школяр, в частности, идеей о недопустимости отождествления в дидактике и методике исторического и историко-культурного рассмотрения предмета изучения с ознакомительными экскурсами в сферу прошлого, когда развитие культуры воссоздается лишь в его ретроспективной проекции. Дидакты высказывают убежденность, что подобная «ознакомительно-ретроспективная» интерпретация истории и культуры лишает культурный аспект в образовании своего актуального смысла и исторически-временной перспективы. Необходимо еще раз отметить, что диалог культур, рассматриваемый в работах М.М. Бахтина, В.С. Библера и их последователей, разворачивается как единение культур прошлого, настоящего и вероятного будущего, то есть протекает не только в диахроническом плане – сквозной диалогической целостности каждой из культур, но и в синхронии – одновременности культур в контексте XXI века. Несмотря на то, что часто в фокусе внимания исследователей оказывается именно синхроническое рассмотрение сущих, активно действующих на данный момент материальных (этнических) культур, считаем необходимым проанализировать и диалог диахронических культур (Античность, Возрождение, Новое время).

Согласно исследованиям культурологов¹⁴, отношения между культурами могут быть различными:

а) отношения одной культуры к другой как к некоему объекту, в результате чего наблюдается чисто утилитарное отношение одной культуры к другой;

б) отношения неприятия одной культуры другой;

в) отношения взаимодействия и взаимообогащения, то есть отношения культур друг к другу как равноценным субъектам.

Следствием культивирования первого типа отношений в обществе является укоренение в общественном сознании представителей культуры, которая выступает в функции объекта, комплекса неполноценности вплоть до самоотречения от своей самобытности, к добровольному подчинению другой культуре – таковы явления англomanии, франкомании, германофильства и др.

В результате культивирования в обществе отношений второго типа возникают эгоцентрические, самовлюбленные, даже шовинистические культуры, замкнутые на себе и не желающие иметь дело с другими культурами, якобы «неполноценными», «низшими», «некультурными».

Истинно межкультурное образование базируется на третьем типе отношений, который нашел отражение в международном документе ЮНЕСКО «Декларация Мехико по политике в области культуры»:

– Любая культура представляет собой совокупность неповторимых и незаменимых ценностей, поскольку именно через свои традиции и формы выражения каждый народ заявляет о себе всему миру.

– Культурная самобытность представляет собой неоценимое богатство, которое расширяет возможности для всестороннего развития человека, мобилизуя каждый народ и каждую группу, заставляя их черпать силы в своем прошлом, усваивать элементы других культур, совместимых со своим характером, и тем самым продолжать процесс самосозидания.

– Ни одна культура не может абстрактно претендовать на право быть универсальной. Универсальность складывается из опыта всех народов мира, каждый из которых утверждает свою самобытность. Культурная самобытность и культурное разнообразие неразрывно связаны друг с другом.

– Культурные особенности не нарушают единство всеобщих ценностей, которые объединяют наши народы, более того, они делают их более плодотворными.

– Многообразие составляет саму основу культурной самобытности там, где одновременно существуют разные традиции. Это требует такой культурной политики, которая бы охраняла, развивала и обогащала самобытность и культурное наследие каждого народа, обеспечивала полное уважение культурных меньшинств и других культур мира. Незнание культуры той или иной группы или ее уничтожение обедняет человечество в целом.

– Все культуры составляют единое целое в общем наследии человека. Культурная самобытность народов обновляется и обогащается в результате контактов с традициями и ценностями других народов. Культура – это диалог, обмен мнениями и опытом, постижение ценностей и традиций других, в изоляции она увядает и погибает.

Таким образом, диалогичность – это особое качество культуры, стремящейся к цельности. Это качество обеспечивает механизм самосохранения и саморазвития культуры, помогает избежать ее стагнации, окаменения и ритуализации. Диалогичность позволяет принять чужие аргументы, чужой опыт, всегда ищет баланса, компромисса.

Следовательно, обязательными, основополагающими компонентами межкультурной грамотности, и соответственно образовательного процесса, являются понимание другой культуры и признание культурного разнообразия. Они должны постулироваться в качестве целей обучения и воспитания.

Важным философско-культурологическим основанием освоения межкультурной грамотности в процессе обучения, ориентированного на идеалы диалога культур, является тезис о культурном плюрализме, призванном отразить в специфически преломленном (аккультурированном) виде многоплановость и противоречивость социальной действительности. Мы

должны признать, что мир – это различие, а поэтому необходимо единение культурного многообразия. Преодоление этноцентризма, религиозных распрей, нивелирование социальных противоречий в рамках учебно-воспитательного процесса представляется не только гипотетически, но и реально достижимым при условии правильного построения обучения и наличия грамотно разработанных педагогических технологий. Диалог, осознаваемый как фундаментальный принцип жизнедеятельности культур, указывает на существенную потребность одной культуры в другой. Эта взаимозависимость и взаимодополняемость должна быть отражена в педагогическом процессе и, более того, признана основополагающим образовательным принципом. Убежденный сторонник «культуры многотонности» М.М. Бахтин писал: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются»¹⁵.

Для осмысления философии современного межкультурного образования и лингвострановедческой компетенции как его компонента определенно интересен подход В.С. Библера к трактовке культуры как целостной человеческой деятельности, на основании которой вырастают сходящиеся грани основных форм духовной самодетерминации нашего сознания и мышления. В понимании диалогической школы Библера, культура приобретает в межчеловеческих отношениях и включает в себя ценностные, знаковые, институциональные составляющие. Кстати, данный взгляд на культуру соответствует общей тенденции современной науки к рассмотрению структурного строения культуры. Как указано в работах А.П. Маркова, Л.И. Орешкиной, А.Н. Марковой, культура имеет два слоя: во-первых, это материальная культура человечества: орудия труда и техника, жилье, памятники архитектуры, литературы, живописи и т.д. Во-вторых, это духовная культура, включающая совокупные знания и методы познания, формы мышления. Сюда относятся также общественное сознание, система образования, правовые нормы, в том числе закрепленные институционально. Есть также формы культуры, находящиеся на стыке данных двух пластов и представляющие собой их органический синтез. К ним можно отнести политическую культуру как единство политического сознания и политической деятельности. Это и художественная культура как мир произведений искусства, каждое из которых несет в себе один или несколько художественных образов, нашедших свое предметное воплощение в книгах, живописи, скульптуре.

Такой подход дает понимание объективного базиса диалогичности, присущей глубинным смыслам культуры. Согласно концепции В.С. Библера, культура есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей различных культур, каждая из которых в свою очередь есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей, причем «в этом общении культур происходит общение индивидов. Именно на грани различных культур индивид видит себя извне, формирует себя в регулятивной идее личности»¹⁶. По В.С. Библеру современное мышление строится по схематизму культуры, когда «высшие» достижения человеческого сознания, бытия вступают в диалогическое общение с предыдущими формами культуры (Античности, Средних веков, Нового времени). Аналогичное положение извечно угадывалось в сфере культуры, той формы культуры, что всегда строится не в процедуре снятия, но в ситуации встречи (и трагического сопряжения) уникальных и неповторимых личностных феноменов. В XX веке даже ценностные и духовные спектры разных форм культуры (Запад, Восток, Европа, Азия, Африка, или в пределах самой западной культуры – античное, средневековое, нововременное мышление) стягиваются в одном культурном пространстве, в одном сознании и мышлении, требуют от человека не однозначного выбора, но постоянного духовного сопряжения, взаимоперехода, глубинного спора в средоточии неких непреходящих точек удивления и «вечных вопросов бытия». И в этом – в диалоге разных культурных смыслов бытия – суть современного понятия, современной логики мышления.

В.С. Библер разграничивает две формы «исторического наследования». Одна форма укладывается в схематизм восхождения по лестнице прогресса или развития. В противоположность этому «культура строится и «развивается» совсем по-другому, по противоположному схематизму. Эта культура способна жить и развиваться (как культура) только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми «на себя», на выход за свои пределы, культурами.

Понимание диалогового подхода к культуре в контексте межкультурного образования можно расширить тезисом отечественного философа Н.О. Лосского о мировой культуре как синтезе лучших достижений национальных культур различных народов, населяющих нашу планету: «Национальная культура приобретает известность во всем мире только тогда, когда ценности, развитые в ней, становятся достижением всего человечества. Культура мира, культура межнационального общения – результаты многовекового развития общечеловеческой истории»¹⁷.

Краткое изложение концепции диалога культур, основных ее констант представляется нам продуктивным для рассмотрения ее значения в теории обучения лингвострановедческой компетенции. Одним из ключевых компонентов данного понятия теория «диалога культур» видит отказ лич-

ности от монологичности в мышлении. С монологом закономерно связываются авторитарность, директивность, нетерпимость к чужому слову и мнению, ритуалы – одним словом, все то, что неприемлемо для межкультурно грамотной личности. Согласно М.М. Бахтину, истинно, а не шаблонно мыслящая личность вообще не может осуществлять мыслительные операции монологично. «Понять чужое высказывание – значит ориентироваться по отношению к нему, найти для него должное место в соответствующем контексте. На каждое слово понимаемого высказывания мы как бы наслаиваем ряд своих отвечающих слов <...> Всякое понимание диалогично»¹⁸.

Диалогическое понимание культуры, как и прочих концептов, в частности личности и образования, предполагает наличие общения с самим собой как с другим. И. Кант определил мышление как разговор с самим собой, внутреннее восприятие (через репродуктивное воображение) себя самого. Внутренний микродиалог является составной частью идеи диалога культур. Общение с другим через произведение, текст предполагает микродиалог в Большом времени культуры.

В.С. Библер предостерегает от примитивного понимания диалога как разных видов диалога, встречающихся в речи человека (научный, бытовой, моральный и т.д.), которые не имеют отношения к идее диалога в рамках диалоговой концепции культуры. В «диалоге культур» речь идет о диалогичности самой истины (...красоты, добра...), о том, что понимание другого человека предполагает взаимопонимание «Я – ты» как онтологически различных личностей, обладающих – актуально или потенциально – различными культурами, логиками мышления, различными смыслами истины, красоты, добра... Диалог, понимаемый в идее культуры, – это не диалог различных мнений или представлений, это – всегда диалог различных культур.

Общение личностей в диалоге происходит благодаря некоторому атому общения – тексту. М.М. Бахтин писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им. Текст, по мнению ученого, может быть представлен в разных формах: как живая речь человека; как речь, запечатленная на бумаге или любом другом носителе (плоскости); как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностная и т.д.)¹⁹.

Совокупность этих форм текста рассматривалась последователями М.М. Бахтина – К.Г. Исуповым, В.Л. Махлиным и другими – как многообразие проявлений культуры. Сравните концепцию Культуры с заглавной и культуры со строчной буквы, иными словами, «культуры достижений и культуры поведенческих моделей», высказанную, в частности, в работах Б. Томалина и С. Стемплески. Таким образом, особенности создания текста-произведения и его интерпретации, понимания есть элементы бытия

культур и их взаимодействия. В любой из своих форм текст может быть понят как форма общения культур. Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими свое миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой своей ипостаси он несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к другому. И эта особенность текста прямо указывает на его контекстное окружение, которое делает текст произведением. В произведении воплощено целостное бытие автора, которое может быть смыслом только при наличии адресата. Произведение отличается от продукта потребления, от вещи, от орудия труда тем, что в них воплощается бытие человека, отстраненное от него. И второй особенностью произведения по М.М. Бахтину является то, что оно возникает всякий раз и имеет смысл только тогда, когда предполагает наличие общения отстраненных друг от друга автора и читателя. И в этом общении через произведение изобретается, создается впервые мир. Текст всегда направлен на другого, в этом его коммуникативный характер. По выражению В.С. Библера, текст, понимаемый как произведение, «живет контекстами <...> все его содержание только в нем, и все его содержание – вне его, только на его границах, в его небытии как текста»²⁰. Текст как произведение имеет смысл только тогда, когда он понятен другим, а это возможно только при выполнении следующих условий:

1. Текст должен иметь внутреннюю логику смыслов, заложенных в нем.

2. Текст должен быть построен в системе общего для общающихся языка и жанровой традиции данной культуры.

3. Текст как произведение должен быть понятен своими контекстами. Только при условии совпадения контекстов автора и читателя (слушающего и интерпретатора) текст понимается без затруднений при наличии одинакового (приблизительно) кругозора личностей, взаимодействующих с текстом.

Текст-произведение понимается как диалогическая встреча двух субъектов, погруженных в бесконечный культурный контекст, требующего особого метода-понимания, включающего в себя четыре акта: 1) восприятие текста; 2) узнавание и понимание значения в данном языке; 3) узнавание и понимание в контексте данной культуры; 4) активное диалогическое понимание, вхождение.

Понимание произведения есть понимание культуры, поскольку произведение есть одно из материальных реализаций культуры.

Понимание, выступающее во взаимодействии своей структуры и контекстов, является основным методом познания с позиций концепции диалога культур в отличие от объяснения. «При объяснении – только одно сознание, один субъект; при понимании – два сознания, два субъекта... Понимание всегда диалогично»²¹.

Понимание произведения по М.М. Бахтину приводит к пониманию смысла бытия личности в контексте культуры в его обращенности, общении и внимании к другому.

Общение различных форм понимания включает в себе стремление к всеобщности, являющейся одной из характеристик гуманитарного мышления, определением которого является диалог.

Постижение глубинных смыслов текстов-произведений как восприятие и постижение культуры в интерпретации М.М. Бахтина оказало существенное влияние не только на современную культурологию, но и в значительной степени на дидактику и прикладную педагогику. Исследователи выстраивают модели постижения межкультурной грамотности (и соответственно этапы межкультурного обучения), оперируя предложенной Бахтиным терминологией. В частности, А.В. Бездухов и В.Г. Рощупкин²² рассматривают овладение мировоззренческой спецификой чужой культуры как три уровня понимания:

1) Понимание-узнавание, включающее узнавание, идентификацию ценностей иной культуры, которые представляют значимость для человека.

2) Понимание-соотнесение, выступающее исходным моментом для приобщения к ценностям культуры другого народа. Происходит понимание ценности как значения. При этом одной из составляющих приобщения к ценностям является их соотнесение в самом себе, условием которого выступает рефлексия, позволяющая осуществить выбор культурных ценностей, познавательно и ценностно выяснить сущность и содержание культуры другого народа, принять ее.

3) Понимание-вхождение, представляющее собой интеграцию в чужую культуру посредством диалога равноправных культур, возникающего при условии общности ценностно-смысловых позиций субъектов различных культурных общностей. При этом общее не отрицает уникальности, неповторимости культуры другого народа, а, наоборот, лишь предполагает и подчеркивает ее самобытность.

В русле диалогового подхода возможен анализ и переосмысление современных тенденций развития педагогики высшей школы, направленных на формирование средств, условий и механизмов самодетерминации личности. Технократические тенденции, определявшие на протяжении многих лет деятельность всей высшей школы, являлись продуктом естественнонаучно ориентированного сознания и системы образования в целом. Проблему же можно решить, перестроив работу высшей школы на другом методологическом основании, а именно на концепции диалога культур.

В контексте диалогового подхода А.В. Шафрикова рассматривает межкультурное образование как современную тенденцию мирового процесса,

утверждающую идею, согласно которой в основе мировой цивилизации лежит множество независимых самостоятельных сущностей²³. Раскрывая сущность лингвострановедческого подхода к образованию, А.В. Шафрикова подчеркивает, что оно направлено на сохранение и развитие всего многообразия языковых и культурных ценностей, норм, образцов и форм деятельности, существующих в данном обществе, и базируется на принципах диалога и взаимодействия различных культур. Межкультурное образование она рассматривает в международном и межнациональном контексте как взаимосвязь различных культурных и языковых сред в сферах образования.

Г.Д. Дмитриев трактует межкультурное образование как образование с целью передачи умения понять свою культуру, роль обобщений и стереотипов в коммуникации между различными культурами, осознать свое «Я».

К диалоговому подходу относится деятельностная концепция овладения лингвострановедческой грамотностью, авторы которой Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин считают, что чужая культура, равно как и иностранный язык, усваивается только в процессе какой-либо деятельности. По их мнению, осуществлению собственно деятельности предшествует этап ориентировки в условиях деятельности: на этом этапе происходит осознание усваиваемых фрагментов языка и через него – чужой культуры, «переформулирование» чужой культуры в терминах своего лингвокультурного опыта. Таким же образом познается не только чужая культура, но и ранее неизвестные фрагменты своей культуры: происходит перенос мыслительных действий, отработанных в одной сфере деятельности, в другую сферу, когда какая-либо задача не может быть решена прежними способами.

В этом же духе высказывается и Г. Поммерин, определяя поликультурное образование как педагогический ответ на реальность мультикультурного и мультиязычного общества, как открытую деятельностно-ориентированную концепцию, воспринимающую все общественные изменения и инициирующую инновационные процессы. Межкультурное образование рассматривает Г. Поммерин как вклад в воспитание в духе мира путем разрешения межкультурных конфликтов. Автор исходит из идеи признания индивидуальных различий каждой личности и считает межкультурное языковое образование деятельностно-ориентированным и открытым новым знаниям и новому опыту²⁴.

Если в России межкультурное образование только зарождается, то в США его практика насчитывает уже несколько десятков лет. Метафизической основой теории межкультурного образования в США являются экзистенциалистские идеи свободного выбора и трансцендентальности понимания человека человеком, а также постулат об относительном характере культуры. В качестве эпистемологической базы служат идеи конструктивизма, деконструктивизма и постмодернизма. Теоретики меж-

культурного и поликультурного образования в США считают, что подходит к концу модернистская эпоха, отторгавшая толерантность к инаковости индивида и его культуры. Наступающая постмодернистская эпоха, напротив, создает необходимые условия для формирования толерантных отношений во всех сферах жизни общества, включая прежде всего культурно-этническую, семейную (новые виды семей и т.д.), религиозную (рукоположение женщин в священники, например, в англиканской церкви). Иными словами, «все больше уважения и толерантности проявляется к личности индивида, его культурной идентичности и правам»²⁵. К практическим аспектам межкультурного образования в США можно отнести следующие:

Право на выбор у обеих сторон учебного процесса своей культурной идентичности, которая гарантируется и защищается повсеместно, то есть не только во время пребывания в школе и вузе. При этом программа обучения и воспитания нацелена прежде всего на создание климата взаимного уважения и толерантности к культурам, носителями которых являются участники образовательного процесса.

Основываясь на эпистемологии конструктивизма, процесс передачи знания учителем ученику состоит в помощи последнему в построении своих знаний об окружающей действительности.

Преподавание гуманитарных наук, в частности истории, ориентировано на усвоение учащимися мысли о том, что не существует науки (истории) объективной, имеются лишь ее различные интерпретации, каждая из которых только часть многоликой истины.

Г.Д. Дмитриев отмечает, что интерпретационный метод обучения обладает как сильными, так и слабыми моментами. Первые состоят в развитии навыков критического мышления, вторые – в моральном и политическом релятивизме. Важным следует признать и факт издания литературы, содержащей большое количество педагогических технологий, ролевых и деловых игр, ставящих своей целью развить у школьников правильное понимание культурных различий, толерантность к ним, умение утверждать своими личными делами и словами культурный плюрализм в обществе.

В современных США поликультурность и межкультурная грамотность превращаются в один из важнейших элементов профессионализма, а ее отсутствие – в барьер для получения престижной работы.

Многие отечественные дидакты также призывают к трансформации российской образовательной модели в соответствии с принципами поликультурности. Воспитание толерантных начал носит многоплановый характер и в условиях полиэтничности, многоязычия, поликультурности и полиментальности населения России не может не приобретать характер поликультурного образования²⁶.

Среди конкретных задач поликультурного образования, как правило, выделяются следующие задачи:

– Глубокое и всестороннее овладение учащимися культурой своего собственного народа как неперемное условие интеграции в иные культуры.

– Формирование у учащихся представлений о многообразии культур в мире и России, воспитание положительного отношения к культурным различиям, способствующим прогрессу человечества и служащим условием для самореализации личности.

– Создание условий для интеграции учащихся в культуры других народов.

– Формирование и развитие умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур.

– Воспитание учащихся в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения²⁷.

Решение этих задач возможно посредством соответствующего изменения таких учебных курсов, как «Обществознание», «Иностранные языки», «Всеобщая история», «Права человека», предметов естественнонаучного цикла, «Искусство», а также «Трудовое обучение», «Техника» и «Технология».

Содержание общеобразовательных учебных курсов должно давать студенту возможность усвоить основные понятия и категории поликультурного образования: самобытность, уникальность, культурная традиция, духовная культура, этническая идентификация, национальное самосознание, российская культура, мировая культура, общие корни культур, многообразие культур, различия между культурами, взаимовлияние культур, межкультурная коммуникация, культурная конвергенция, культура межнационального общения, конфликт, культура мира, взаимопонимание, согласие, солидарность, сотрудничество, ненасилие, толерантность и др.²⁸

В аспекте обучения лингвострановедческой грамотности интерес представляет зарубежная концепция мультиперспективного образования. Ее авторы Х. Гепферт и У. Шмидт требуют пересмотра образовательных программ школ и вузов с целью преодоления монокультурной и моноязычной ориентации. Новые образовательные программы должны предоставлять обучаемым возможность расширения границ их миропонимания, возможность осознания ими относительности мнений и суждений, учить критически подходить к господствующим в обществе представлениям. Иной угол зрения на актуальные для мира и мирового сообщества вопросы могут представить прежде всего точки зрения иноязычных, следовательно инокультурных, сред. Преподаватель при этом выступает в качестве образца, демонстрируя рациональное и открытое мышление, но не

отказываясь от собственной позиции в комментариях сведений, полученных из инокультурных источников.

У. Шмидт призывает к мультиперспективному анализу системы мира. Развитые общества должны, по его мнению, осознать кризис своих культур и по-новому определить свое отношение к традиции и современности. Автор указывает на «необходимость восстановления миролюбивого общества, что возможно только на уровне личных языковых контактов с представителями других культур, на уровне интеграции и трансформации знаний, полученных о других языках и культурах и из других языков и культур»²⁹.

В рамках глобального подхода к образованию лингвострановедческую компетенцию следует рассматривать в качестве одной из целей. Философ глобального образования Р. Хэнви назвал лингвострановедческую компетенцию в числе пяти междисциплинарных «измерений» данного образовательного подхода. Под ней он видит общее понимание учащимися определяющих характеристик языков и культур мира с упором на проникновение в сущность их сходств и различий³⁰. Это измерение является пограничным с измерением «неоднородность в восприятии мира», под которым подразумеваются знание и эмпатическое восприятие учащимися разнообразных картин мира, в том числе и свойственных другим лингвокультурным средам. О роли лингвострановедческой компетенции в образовании со схожей позицией пишут многие западные дидакты, пропагандирующие идеи глобального подхода. В частности, Р. Кейс считает универсальные культурные ценности одним из основных элементов субстантивного (действительного) измерения глобального мировидения и призывает к их освоению. Наряду с субстантивным измерением, он вычленяет перцептивное (ощутимое), развитие которого включает обучение такому восприятию мира, которое стимулирует эмпатию, свободно от стереотипов и не окрашено предрассудками. В качестве составляющих частей перцептивного измерения Р. Кейс предлагает знание иностранных языков как социально-культурных кодов, а также сопутствующие характеристики личности, неизменно следующие за открытием индивидуумом для себя иного лингвокультурного взгляда на мир, а именно открытость мышления, понимание сложности мира, сопротивление стереотипам, способность к эмпатии и отсутствие шовинизма. В. Книп также постулирует необходимость расширения ценностей носителя одной культуры и языка аксиологическими ориентирами мировой культуры и элементами других этно- и лингвокультур. Н. Дима утверждает, что «если человеку удастся отдалиться от культуры, породившей его, он будет крайне удивлен, осознав, насколько иначе и богаче один и тот же мир видится с другой перспективы. <...> Стимулировать подобный взгляд на мир – цель обучения на современном этапе»³¹. Схожей точки зрения на значимость меж-

культурной грамотности для глобального образования придерживаются в своих работах А.П. Лиферов и Я.М. Колкер, переосмыслившие западные наработки по теории глобального образования в рамках отечественной философской и педагогической традиции. А.П. Лиферов характеризует процесс сближения и взаимопроникновения культур не как «пагубную вестернизацию», а как естественное условие взаимно культурного обогащения. Концепция культурного образования, по убеждению дидакта, предполагает, что межкультурная грамотность является непреложным условием становления личности нового века и выступает как вектор развития «от глубокого знания своей культуры – к постижению культуры иной»³². А.П. Лиферов и Я.М. Колкер характеризуют привнесение идей глобализма в отечественную педагогику как один из наиболее органичных способов включения России в интегрирующееся мировое сообщество и образовательное пространство. Одновременно исследователи утверждают, что отечественная педагогика вследствие этого не лишится национальных устоев. Опираясь на лучшие традиции российского образования, идеи глобального подхода обогатят ее более глубоким пониманием картины мира, позволив воспитывать у молодых граждан столь необходимую направленность на анализ ситуации, прогнозирование, поиск решений и просчет их возможных последствий, прежде всего в ситуациях межкультурного общения.

В трудах Дж. Пайка и Д. Селби по глобальному образованию межкультурно ориентированному образованию отводится заметная роль в интеграции мирового сообщества. Лингвострановедческая компетенция определяется в качестве одного из разделов образования «новой формации» наряду с медийной, гражданской грамотностью, изучением прав человека, гендерного равноправия и грамотностью в вопросах окружающей среды³³.

С позиций глобального образования лингвострановедческая компетенция рассматривается как одна из основных целей. Дж. Пайк и Д. Селби³⁴, формулируя цели глобального образования, в секции «Осознание перспектив» выделяют такие положения:

– понимание ограниченности мировосприятия, то есть «перспективы» студентов;

– восприимчивость к другим моделям восприятия, «перспективам».

Иными словами, студенты должны понимать, что их собственная перспектива восприятия и интерпретации реальности не является ни единственным, ни единственно правильным. Подобные суждения могут вызвать сложности и опасности при попытке интерпретации и суждения о стилях жизни и моделях поведения, ценностях и видении мира представителями иных культур. Поэтому необходимо прививать студентам эмпатию

к носителям иных культурных ценностей и взглядов, стимулировать гибкость, многоплановость их мышления.

Итак, концепция холистского восприятия мира, постулированная американскими дидактами глобального образования (Р. Хенви, Дж.Л. Такер, К.А. Тай, В.М. Книп), предполагает создание целостной картины мира личности путем открытия для нее в процессе обучения многообразия углов зрения на явления мировой культуры. Эти углы зрения, или «перспективы», «измерения», как отмечают Дж. Пайк и Д. Селби, следует рассматривать как частные культурные среды, вступающие в контакт и в совокупности своей создающие глобальную мировую культуру. Таким образом, сформировать понятие о глобальной культуре, обозначенной как одна из целей глобального образования, возможно только в результате формирования межкультурной грамотности личности посредством включения учащегося в диалог культур.

У. Шмидт, разрабатывающий философию глобального образования на базе германской образовательной традиции, также рассматривает выработку лингвострановедческой компетенции как основную цель межкультурного обучения и определяет ее как понимание личностью происходящих в мире разносторонних культурных обменных процессов, осознание огромной ценности, неповторимости каждой культуры и сложности ее многоуровневой структуры.

Данное понимание скорее относится к культурной составляющей лингвострановедческой компетенции и затрагивает основы общего образования, поскольку речь идет об изменении отношения молодых людей к миру и тем самым к самим себе, о расширении понятия идентичности личности в содержательном плане.

Таким образом, изучение психолого-педагогической литературы, анализ практики внедрения межкультурного обучения в образовательный процесс в вузе позволяют утверждать, что на настоящий момент в образовательном пространстве существует целый ряд предпосылок становления лингвокультурного обучения, причем наиболее прогрессивные из них сформулированы с позиций диалога культур, о чем свидетельствуют труды М.М. Бахтина, В.С. Библера, Л.Г. Ведениной, Г.Д. Дмитриева, В.Т. Кудрявцева, А.П. Лиферова, В.В. Макаева, А.В. Шафриковой, В.М. Книп, Дж. Пайка, Д. Селби, К.А. Тая, Р. Хенви, Дж.Л. Такера.

Одной из важнейших составляющих лингвокультурного обучения является лингвострановедческая компетенция, освоение которой обеспечит формирование поликультурно ориентированной многоязычной личности, владеющей иностранными языками как набором социокультурных кодов, способной к пониманию языковых особенностей другого народа, его

культуры и позитивному к ним (языку и культуре) отношению, осмыслению ее сквозь призму собственной культуры и родного языка.

Диалоговый подход является одним из ключевых современных подходов к рассмотрению культуры во всем ее многообразии. Он основывается на идеях диалога культур, культурного плюрализма. Диалоговый подход рассматривает культуру как множество этнических культур, вступающих в равноправное взаимообогащающее взаимодействие. В русле диалогового подхода возможно переосмысление тенденций развития педагогики высшей школы. Суть диалогового подхода к образованию заключается в его переосмотре лингвокультурного обучения как способа приобщения обучающихся к различным культурам через язык с целью формирования общепланетарного сознания, преодоления монокультурной ориентации.

С позиций лингвокультурного обучения лингвострановедческая компетенция является одной из ключевых компетенций человека новой формации, живущего в культурно интегрированном пространстве мира будущего. Под ней подразумевается достаточное владение иностранным языком как социальным кодом, общее понимание учащимися определяющих характеристик культур мира, проникновение в сущность их сходств и различий, в том числе через язык, знание и эмпатическое восприятие учащимися разнообразных картин мира, осознание ценности и неповторимости каждой лингвокультурной общности. Данное понимание лингвострановедческой компетенции предусматривает расширение идентичности личности в содержательном плане и тем самым затрагивает основы общего образования.

Итак, подводя итог, можно утверждать, что в условиях социально-экономических и политических реформ на фоне общемировой тенденции к интернационализации и глобализации в России сложилась новая образовательная ситуация, которая, с одной стороны, требует сформировать этническую идентификацию и культурное самосознание обучаемых, с другой же – препятствовать их этнокультурной изоляции. Одним из способов решения данной дидактической задачи явилась концепция лингвосоциокультурной ориентации обучения.

Одним из ключевых современных дидактических подходов к рассмотрению культуры во всем ее многообразии, но прежде всего как дидактической категории, служит диалоговый подход, основывающийся на идеях открытости, диалога культур, культурного плюрализма. Его цель заключается в сохранении и развитии всего многообразия культурных ценностей, норм, образцов и форм деятельности, существующих в мире. Диалоговый подход к культуре в рамках образования рассматривает ее как множество этнических культур, вступающих в равноправное взаимодействие, способствующее их взаимообогащению. В случае построения мирового

культурного пространства по описанной модели возможно предложить термин «глобальная культура», или «мировая культура», под которым подразумевается равноправный синтез лучших достижений различных национальных культур.

В русле диалогового подхода возможен анализ и переосмысление современных тенденций развития педагогики высшей школы, направленных на формирование средств, условий и механизмов самодетерминации личности. Суть диалогового подхода к образованию заключается в его пересмотре как межкультурного, как способа приобщения обучающихся к различным культурам с целью формирования общепланетарного сознания, позволяющего тесно взаимодействовать с представителями различных стран и народов.

Важнейшей составляющей лингвосоциокультурно ориентированного обучения в рамках диалогового подхода является лингвострановедческая грамотность, освоение которой обеспечит формирование межкультурно и коммуникативно ориентированной личности, способной к пониманию культуры другого народа, позитивному к ней отношению, осмыслению ее реалий, морали и ценностей сквозь призму собственной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Слободчиков, В.И. Культуросообразное образование: концептуальные основания / В.И. Слободчиков, В.Т. Кудрявцев, Л.В. Школяр // Известия РАО. – 2001. – № 4. – С. 5.
- ² Anderson, L.F. A Rationale for Global Education // *Global education: From thought to Action*, ASCD. – L., 1993. – P. 16.
- ³ Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – С. 23.
- ⁴ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Народное образование. – 2002. – № 4. – С. 255.
- ⁵ Там же. – С. 261.
- ⁶ Веденина, Л.Г. Межкультурное обучение как полилог языков и культур // Межкультурная коммуникация : тез. докл. – Иркутск, 1993. – С. 43.
- ⁷ Фурманова, В.П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков : дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1994. – С. 24 .
- ⁸ Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры (два философских введения в 21 век). – М. : Изд-во политической литературы, 1991. – С. 282.
- ⁹ Никонова, А.А. «Ущербность» дисциплинарного пространства культуры // Формирование дисциплинарного пространства культурологии : материалы научно-методической конференции, 16 января 2001 года, Санкт-Петербург / Санкт-Петербургское философское о-во. – СПб., 2001. – Вып. 11. – С. 218. – (Серия «Symposium»).
- ¹⁰ Кудрявцев, В.Т. Культуросообразное образование: концептуальные основания / В.Т. Кудрявцев, В.И. Слободчиков, Л.В. Школяр // Известия РАО. – 2001. – № 4. – С. 5.

- ¹¹ Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры... – С. 271.
- ¹² Библер, В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. – М. : Прогресс, 1991. – С. 5.
- ¹³ Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры... – С. 286.
- ¹⁴ См.: Иванова, И.Н. Социологический аспект понимания ценностей культуры // Диалог в культуре. – М., 1989. – Вып. 5. – С. 52–58.
- ¹⁵ Бахтин, Н.Н. Указ. соч. – С. 215.
- ¹⁶ Библер, В.С. Диалог культур и школа 21 века // Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы. – Кемерово : Алеф, 1993. – С. 25.
- ¹⁷ История русской философии. – М., 1991. – С. 19.
- ¹⁸ Иванов, В.В. Значение идей М.М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // М.М. Бахтин: pro et contra. – С-Пб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. – С. 280.
- ¹⁹ См.: Библер, В.С. Михаил Михайлович Бахтин...
- ²⁰ Там же. – С. 76.
- ²¹ Бахтин, Н.Н. Указ. соч. – С. 289–290.
- ²² См.: Рощупкин, В.Г. Формирование кросскультурной грамотности студентов в процессе обучения в педуниверситете : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Самара, 2002. – 26 с.
- ²³ См.: Шафрикова, А.В. Мультикультурный подход в обучении и воспитании школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Казань, 1998. – 23 с.
- ²⁴ См.: Pommerin, G., Migrantenliteratur und ihre Bedeutung für die interkulturelle Erziehung // In: Zielsprache Deutsch. – Н. 3. – S. 106.
- ²⁵ Дмитриев, Г.Д. Теоретико-практические аспекты многокультурного образования в США // Педагогика. – 1999. – № 7. – С. 112.
- ²⁶ Шалин, В.В. Толерантность. – Ростов н/Д, 2000. – 140 с.
- ²⁷ См.: Макаев, В.В. Поликультурное образование — актуальная проблема современной школы / В.В. Макаев, З.А. Малькова, Л.Л. Супрунова // Педагогика. – 1999. – № 4. – С. 6.
- ²⁸ См. там же.
- ²⁹ Schmidt, U. Interkulturelle Kommunikation und interkulturelles Lernen // Pädagogik: Dritte Welt : Jahrbuch / Kulturelle Identität und Universalität. – Frankfurt a/M., 1987. – S. 134.
- ³⁰ См.: Hanvey, R. An attainable Global Perspective / The American Forum for Global Education. – N.Y., 1977.
- ³¹ Dima, N. Cross-cultural communication. Institute for the Study of Man. – N.Y., 1996. – P. 8.
- ³² Лиферов, А.П. Философию и практику глобального образования – российской школе // Теория и практика глобального образования. – Рязань : Изд-во Ряз. гос. пед. ун-та, 1994. – 61 с.
- ³³ См.: Pike, G. Reconnecting: From National to Global Curriculum, Hodder & Stoughton / G. Pike, D. Selby. – N.Y., 1993. – P. 14.
- ³⁴ Pike, G. Global Teacher, Global Learner, Hodder & Stoughton./ G. Pike, D. Selby. – N.Y., 1997. – P. 216.

ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Ю.И. Лосев, И.В. Комерова

**ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
В САУДОВСКОЙ АРАВИИ
И РОЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА В КЛАССОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Вторая половина XX столетия для Саудовской Аравии ознаменовалась значительными социально-экономическими переменами и ростом внешне-политической значимости. В результате обнаружения в первой половине XX века богатых месторождений нефти проникновение иностранного капитала и развитие нефтедобывающей, а затем и нефтеперерабатывающей промышленности привело к появлению капиталистического сектора, который если в первое время был инородным телом в архаичном экономическом организме Королевства, то затем вокруг него и под его влиянием начался процесс развития и переориентации торгового капитала, создания первых национальных капиталистических предприятий.

Быстрое, основанное на огромных и все возрастающих нефтяных доходах экономическое развитие Саудовской Аравии вызвало ряд социальных метаморфоз, таких, как возникновение в кратчайшие с исторической точки зрения сроки новых классов и слоев общества, причем глубокие изменения претерпевали старые, традиционные. Формирование рынка труда в Саудовской Аравии имело свою, ярко выраженную специфику.

Проблема дефицита рабочей силы, характерная для Саудовской Аравии и ряда других Арабских стран, сосредоточивших в своих руках огромные богатства от продажи нефти, являлась одним из наиболее серьезных препятствий на пути их дальнейшего экономического развития. Основным средством устранения этого недостатка в рассматриваемых

странах стало массовое привлечение иностранной рабочей силы. Несмотря на национальные и языковые различия, разный уровень квалификации, десятки и сотни тысяч иностранных рабочих объединяло одно – от них зависело функционирование и развитие экономики этих стран.

В Саудовской Аравии для обслуживания нефтяных предприятий иностранных компаний и местных мастерских сначала привлекалась своя рабочая сила: крестьяне, ремесленники и обедневшие бедуины, в основном из кочевых племен, составлявшие неквалифицированную часть рабочих. Квалифицированных рабочих сначала нанимали за границей, в основном в западных странах, а позже, в конце 1940-х годов, стали готовить на специальных курсах непосредственно при нефтяных компаниях ¹.

Формирование рынка труда проходило медленно. Саудовское общество всем ходом своего общественного развития не было подготовлено к принятию новых экономических отношений. В связи с этим формирование и становление местного рынка рабочей силы было возможно в основном через переход оседлого населения к наемному труду. Во второй половине XX столетия этому стало способствовать дальнейшее имущественное расслоение в саудовской деревне.

Первые саудовские рабочие отвечали таким нормам капиталистической рабочей силы, как юридически свободная личность, имеющая возможность свободно передвигаться, распоряжаться своей рабочей силой и продавать ее на рынке труда. Аравийские рабочие были лишены средств производства, но большинство из них сохранили средства существования или были связаны с ними через родственников либо, что чаще, через соплеменников: кочевников (скот), крестьян (кочок земли), ремесленников (орудия труда). Тем самым их занятость на современном капиталистическом предприятии становилась, как правило, основным, но не единственным средством существования.

К началу 1960-х годов большинство рабочих АРАМКО составляли: выходцы из феллахов – 44,8 процента; местные жители, связанные с племенами (полуоседлое население), – 23,4 процента; представители бедуинов (собственно кочевники) – 4,6 процента; обедневшие рыбаки, ловцы жемчуга, ремесленники – 27,2 процента ². Неудивительно, что при этом экономика Саудовской Аравии страдала от большой текучести кадров. Так, для неквалифицированной рабочей силы текучесть в течение одного года составляла 73 процента общего числа. Помимо непопулярности физического труда среди племенного населения, заметную роль здесь играла привязанность к своему клочку земли в среде оседлых жителей. Рассматривая часто свою работу в городе как отхожий промысел, саудовские крестьяне стремились вернуться к работе на своей земле, сменить арендаторов либо выкупить свой проданный или заложенный участок. Младшие члены семьи, отправлявшиеся на заработки, могли делать это только

с разрешения главы семейства, поскольку только ему принадлежало право решать, как долго продлится их пребывание в городе.

Текучесть квалифицированной рабочей силы была значительно ниже – до 20 процентов – из-за поисков главным образом лучшей оплаты труда, а также сезонности работы некоторых предприятий (например, фабрик по изготовлению безалкогольных напитков). Категория инженерно-технических работников давала минимальную текучесть – 4 процента, что объясняется сменой иностранных специалистов, работающих по контрактам³.

Доля местного населения среди квалифицированных рабочих постепенно стала возрастать, чему немало способствовал принятый в 1957 году правительством Саудовской Аравии указ «Правила об иностранных инвестициях». Согласно этому указу местные жители должны были составлять не менее 75 процентов всех рабочих и служащих иностранных предприятий, за исключением АРАМКО и других компаний, чья деятельность признавалась жизненно важной для государства. Но уже с конца 1940-х годов иностранные нефтяные компании организуют курсы для подготовки местной квалифицированной рабочей силы. Это объяснялось тем, что оплата труда саудовских рабочих, причем почти поголовно неграмотных, обходилась в несколько раз дешевле, чем американских или европейских. К тому же условия труда местного рабочего были в то время намного тяжелее⁴.

В Саудовском Королевстве местные рабочие были заняты во всех сферах нефтегазовой промышленности. Со временем в нефтяных компаниях сформировался постоянный контингент местных квалифицированных рабочих-нефтяников – автономного ядра аравийского рабочего класса. Так, например, в АРАМКО в 1959 году из 11 682 саудовских рабочих стаж до 4 лет имели 2118 человек, от 5 до 9 лет – 5083, 10–14 лет – 3279, 15–19 лет – 916 и свыше 20 лет – 286⁵.

К концу 1960-х годов перед правительством Саудовской Аравии жизненно остро стояла проблема дефицита квалифицированных и неквалифицированных кадров. Попытки решить ее собственными силами с привлечением местного населения не были реализованы из-за изложенных выше причин, поэтому единственным возможным решением стал импорт рабочей силы.

Общее число иностранных граждан, проживавших в Саудовской Аравии в конце 1960-х годов, составляло 2,13 миллиона человек из общего населения страны в более чем 6 миллионов человек. Причем подавляющая часть были йеменцы, число которых варьировалось от 1 до 1,5 миллиона человек. Экономически активного населения Королевства в это время насчитывалось более 1,5 миллиона человек, из которых 580 тысяч

были иностранцы. Из иностранного экономически активного населения большинство также были йеменцы. Однако следует указать, что как саудовские, так и некоторые зарубежные источники относят рабочих, выходцев из Народной Демократической Республики Йемен и Йеменской Арабской Республики, к национальной рабочей силе, каковой они на самом деле никогда не являлись. По некоторым оценкам, вместе с саудовскими рабочими они составляли около 85 процентов всех рабочих, занятых в промышленности Саудовской Аравии ⁶.

Иностранцев, работавших в Саудовской Аравии, следует разделить на несколько групп согласно их месту в общественном производстве, системе социальных отношений и национальности. Первую группу можно лишь условно отнести к собственно рабочей силе в традиционном понимании этого термина. Эта категория работников представляла собой в основном специалистов, имевших среднее техническое образование, или квалифицированных рабочих, в основном выходцев из стран Европы и Северной Америки.

Другая, более многочисленная группа иностранных рабочих – выходцы из развивающихся стран, в основном азиатских. Эта категория иностранцев – неквалифицированные, полуквалифицированные и редко квалифицированные рабочие – составляла большую часть работников, непосредственно занятых в производстве ⁷.

Следующую крупную группу иностранных рабочих представляли азиатские национальности – около 8 процентов, большинство из которых были филиппинцы, корейцы, тайванцы. Среди представителей арабских национальностей, не считая йеменцев, большую часть – около 4 процентов – составляли египтяне и иорданцы. Европейские национальности – около 1 процента – представлены большей частью англичанами и греко-итальянцами.

За пределами нефтегазового сектора в наиболее растущих областях промышленности численность иностранной рабочей силы (в процентном отношении) во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов представлена в таблице 1.

Последующие сдвиги в сфере материального производства, имевшие место в 1970-х – первой половине 1980-х годов, вызвали новые потоки иностранной рабочей силы. Всего в этой сфере, включая промышленность, строительство, сельское хозяйство, транспорт, связь, занятость возросла с 1260 тысяч человек в 1975 году до 1360 тысяч в 1980 году, несмотря на падение числа занятых в сельском хозяйстве ⁸.

Как уже отмечалось, этот рост происходил главным образом за счет иностранцев. На это же указывает, в частности, и их доля в общем числе работников всех отраслей производственной сферы. В 1980 году доля иностранцев в Саудовской Аравии приближалась к 85 процентам ⁹.

Важной проблемой для правящих кругов Королевства являлось определение государственной политики в отношении сотен тысяч иммигрантов. С одной стороны, осознавалась необходимость массового притока иммигрантов, без которых невозможно функционирование экономики аравийских обществ; с другой стороны, монархические семьи усматривали в массовой иммиграции потенциальную для себя опасность, возможность неуправляемых социальных и политических перемен и поэтому считали ее сохранение в перспективе нежелательным.

Таблица 1

Численность иностранной рабочей силы различных категорий в наиболее растущих областях промышленности во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов, %

<i>Отрасль промышленности</i>	<i>аппарат Административный</i>	<i>работники Инженерно-технические</i>	<i>работчие Квалифицированные</i>	<i>работчие Неквалифицированные</i>	<i>Другие</i>	<i>По всем категориям</i>
Пищевая	51,5	74,2	65,1	76,7	45,3	70,3
Текстильная, кожевенная	33,3	86,7	42,3	21,4	–	41,6
Деревообрабатывающая	45,2	92,1	76,5	72,5	70,5	75,0
Издательское дело	46,8	76,6	67,8	35,2	1,8	50,9
Химическая	52,1	65,3	60,9	54,6	46,5	47,8
Железнодорожный транспорт	25,0	46,1	4,1	–	–	9,3
Металлообрабатывающая	53,2	70,5	67,7	48,3	42,6	62,2
Прочие	62,0	100,0	80,2	76,9	100,0	86,9
Итого	49,8	67,5	61,2	55,6	40,3	58,1

Составлено по: Middle East Economic Digest. – L., 1974. – N 11, 12.

В качестве основных направлений политики государства в отношении иммигрантов можно выделить следующие: меры по ограничению масштабов иммиграции и установлению контроля над ней; дискриминацию

большинства иностранцев, проживавших в регионе; регулирование национального состава иммигрантов.

Особенно остро стояла проблема, связанная с незаконной и огромной по масштабам иммиграцией, масштабы которой трудно определить. Так, например, по некоторым данным, лишь 20 процентов египетских рабочих прибыли в начале 1980-х годов в Саудовскую Аравию легально¹⁰.

Один из путей нелегального пополнения саудовской и аравийской рабочей иммиграции – использование мусульманами из бедных стран своего вероисповедания в качестве «входного билета» на аравийский рынок труда. Они получают визу и остаются в Аравии в поисках работы. «Но, – как замечает обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Д. Саттон, – Саудовская Аравия и ее соседи – это не те страны, где каждый может бездельничать, и эти поиски работы на свой страх и риск быстро заканчиваются финансовыми или другими трудностями»¹¹.

Решение этой сложной проблемы в плане регулирования ситуации на рынке труда в большей мере зависит от того, в какой степени правительствам Саудовской Аравии, на территории которой в Мекке и Медине находятся исламские святыни, а также соседних эмиратов, по территории которых пролегают традиционные пути хаджа, удастся поставить под свой контроль нескончаемый поток паломников.

В связи с этим был принят ряд законодательных мер, возлагающих на гидов, официально отвечающих за пребывание паломников в стране, личную ответственность за возвращение в полном составе вверенных им групп. Чтобы облегчить гидам исполнение этих указаний, с 1963 года паспорта паломников стали изыматься при въезде в Саудовскую Аравию, а вместо них выдавать временные удостоверения личности¹². Так, например, летом 1985 года для незаконно въехавших иностранцев истек очередной двухмесячный срок амнистии, которая была объявлена с целью дать им возможность официально оформить свое пребывание в стране. После этого все иностранные граждане, не имевшие приглашения из Саудовской Аравии, должны покинуть страну, а если они не сделают это добровольно, то будут высылаться на родину насильно (практика, ставшая постоянной). Такой поворот событий, как отмечает «Файнаншиал таймс», не раз приводил к серьезным нарушениям нормальной работы многих компаний, которые потеряли часть своей рабочей силы часто в ущерб завершению строительства важных объектов в намеченные сроки. Хотя наиболее серьезно это решение отражается на рабочих, но касается и административного персонала, и квалифицированных рабочих из европейских стран, поскольку многие из них приезжали в страну с гостевыми визами и оставались работать так и не позаботившись о получении разрешения на жительство

¹³

С точки зрения государственных интересов ограничение импорта рабочей силы необходимо также из-за все возрастающего оттока денег за границу, так как большую часть заработной платы иностранные рабочие посылают на родину. Так, корейцы отсылают домой до 80 процентов заработной платы, а египтяне, работающие в Саудовской Аравии, по расчетам Каира, должны были перевести значительную часть тех 1,6 миллиарда долларов, которые египетские власти рассчитывали получить из-за рубежа в 1982 году¹⁴.

Таковы законные действия властей Саудовской Аравии и соседних стран по отношению к нелегальной иностранной рабочей силе. Однако более важным и показательным является узаконенная государственная система дискриминации ко всей трудовой иммиграции. Все делается для того, чтобы утвердить привилегированное положение подданных по сравнению с иностранными рабочими.

Таким образом, процесс формирования саудовского пролетариата и широкого привлечения иностранной рабочей силы, анализ соотношения этих двух групп, необходимых для нормального функционирования саудовской экономики, показывает, что решение проблемы трудовых ресурсов было поставлено в зависимость от многих реалий социально-экономической жизни страны.

Развитие капиталистических форм хозяйствования предполагало наличие широкого рынка труда, где осуществляется купля-продажа рабочей силы. Этот фактор является результатом развития товарно-денежных отношений и в то же время необходимой предпосылкой дальнейшего развития капитализма. Однако сильное влияние докапиталистических пережитков обусловило узость внутреннего рынка саудовской рабочей силы, что в свою очередь привело к широкому привлечению в Королевство иностранных рабочих. А привлечение иностранной рабочей силы, решая экономические задачи, ставило проблемы социальные. Правящие круги, понимая, что обойтись без иностранных рабочих невозможно, делали на них ставку в целях экономического развития страны. Но парадокс заключается в том, что такое большое число иностранцев в Саудовской Аравии способствовало размыванию старых порядков, таило в себе множество опасностей для монархического режима, могло подорвать строгий «моральный кодекс», действующий в Королевстве. А такая перспектива ставила перед правящим кланом дилемму как неразрешимую. Не разрешена она и по сей день.

В 1950–1960-е годы в Саудовской Аравии начала образовываться специфическая социальная группа – верхушка формирующейся национальной буржуазии, ставшая значительной и весьма консервативной силой не только в ара-

вийских монархиях и во всем арабском мире, но и новым, быстро растущим отрядом международной финансовой олигархии.

В Аравийских монархиях возник очень своеобразный государственно-монополистический капитализм. В то же время, что очень характерно, надстройка в большой мере обладала всеми чертами, присущими докапиталистическим структурам. Наиболее ярко эти черты проявились в Саудовском королевстве.

В чем же особенности складывания и функционирования государственно-монополистического сектора в Саудовской Аравии? Государственно-монополистический капитализм развился здесь не в результате обычных процессов концентрации капитала и централизации производства, не через появление монополий и их сращивание с государством, а был сознательно создан в силу объективной необходимости феодально-монархическим режимом и используется одновременно для капиталистического развития базиса и сохранения феодальной надстройки. Оказалась перевернутой вся схема прохождения последовательных ступеней капиталистического развития и их социальное содержание. Все это дает основание полагать, что в Королевстве складывается нечто вроде своеобразного феодально-монополистического капитализма, который одновременно тесно связан с государственно-монополистическим капитализмом империалистических держав.

Зарождение современной промышленной буржуазии в Саудовской Аравии связано также с развитием нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Этот процесс начался в 1940-х годах. Саудовские капиталисты вышли из купцов, контрабандистов, хозяев рыболовных и жемчужных промыслов, ростовщиков. Вслед за членами правящих семей и родоплеменной аристократией они спешили использовать благоприятные возможности привнесенного в их страны иностранного капиталистического производства; начинали обслуживать иностранные нефтяные концессии как подрядчики в сфере услуг и подсобных работ, создавали небольшие предприятия по производству различных материалов, снабжали персонал концессий продовольствием и т.д. Строительство городов, коммуникаций и предприятий невероятно обогатило владельцев земли – шейхов оседлых бедуинских племен, владельцев поместий, купцов, занимавшихся морской торговлей и добычей жемчуга, так как государство выкупало у них земли, а цены на нее постоянно и быстро повышались. Кроме того, развитию капиталистического предпринимательства способствовали выгодные условия, созданные в стране. Правительство и государственные банки представляли беспроцентные кредиты, оплачивали половину стоимости оборудования, распространяли государственные акции.

Другим источником обогащения послужило общепринятое законодательство, по которому иностранцы имели право создавать в Королевстве лишь смешанные предприятия путем уступки 51 процента акций местным жителям. В результате многие представители традиционного торгово-финансового капитала – купцы, ростовщики – нажили целые состояния на посреднических операциях.

Активизация местных предпринимателей, прежде всего в торговле, объясняется историческими и религиозными традициями, отсутствием опыта в промышленном бизнесе, привычкой к вложению капитала в предприятия, приносящими самый быстрый доход. Поэтому преимущественными сферами деятельности, помимо торговли, стало размещение денег за границей и участие в строительном буме и сельском хозяйстве.

Местным предпринимателям и финансистам, однако, до сих пор недостает опыта западных бизнесменов. Они нередко проигрывают в конкуренции с ними. Об этом говорит, в частности, крах кувейтской биржи Сук аль-Манак в 1982 году, устроенный западными финансистами. Эта операция, если бы государство не взяло на себя огромные убытки, грозила разорением ряду торговых саудовских, кувейтских и других аравийских компаний, которые были вовлечены в сомнительные сделки¹⁵.

И, тем не менее, местные предприниматели начинали вкладывать свои средства в промышленность. К концу 1982 года они получили на эти цели займы на общую сумму в 3 миллиарда долларов. С 1970 по 1982 год число компаний выросло в 5 раз – до 3806, а совместные с иностранным капиталом – до 1260. Общий инвестированный капитал частных фирм увеличился в 52 раза – до 15,6 миллиарда долларов. В 1982 году было распределено среди населения, обладающего средствами, 20 процентов акций «Са-бик». В стране насчитывалось более 500 частных компаний только в обрабатывающей промышленности, выпускавшей 200 наименований продукции. Доля частного сектора промышленности на 1984 год составляла 5 процентов по данным западной и 12 процентов по данным саудовской статистики¹⁶.

Таковыми являлись наиболее яркие тенденции развития государственного и частного предпринимательства, а вместе с ним и формирования национальной буржуазии в Саудовской Аравии. Видимо, большей активности в недалеком будущем следует ожидать от крупной и средней буржуазии. Процесс ее формирования и становления так же, как и процесс развития в Королевстве капиталистических отношений, далеко не завершен. В ходе дальнейшего социально-экономического развития страны неизбежны конфронтации между теперешней правящей элитой и представителями крупной и средней буржуазии, не являющимися выходцами из правящих

семей и родоплеменной знати, то есть так называемой «нетитулованной буржуазии».

Еще одной, совершенно новой социальной реалией Саудовской Аравии стали так называемые новые группы средних слоев городского общества, начавшие формироваться в послевоенное время. Это понятие в западной и отечественной литературе определяется далеко не однозначно. Однако общим является применение этого термина для обозначения групп населения, занимающих промежуточное положение в обществе. Различия заключаются в том, на какие промежуточные общественные группы этот термин распространяется и какими критериями пользоваться для их выделения.

Если говорить о традиционных средних слоях городского общества, то к ним чаще всего причисляют мелкого промышленника, мелкого торговца, ремесленника и т.п., то есть в принципе те непривилегированные городские слои, которые нельзя отнести к городским низам. Эти группы населения остаются в Саудовской Аравии и в «постнефтяной» период, но капиталистическое развитие способствует появлению новых, более значимых и активных промежуточных групп. Прежде всего это интеллигенция, включая многочисленные отряды учащейся молодежи, новое, не связанное с феодалами (разночинное) офицерство (как правило, не занимающее высших постов) и такая же по происхождению бюрократия, не причастная к бюрократической элите, в основном из феодалов. Хотя новые средние городские слои начали формироваться относительно недавно (со времен развития нефтедобывающей промышленности), сам процесс их складывания проходил довольно быстрыми темпами.

Развитие капиталистических отношений в основном за счет роста экспорта нефти вызвало острый спрос на квалифицированную и неквалифицированную рабочую силу. Этот спрос привел к созданию отчасти новых социальных моделей и к широкому привлечению в страну иностранных специалистов, что предоставило в свою очередь для жителей страны много новых возможностей по освоению новых специальностей, исполнению нового рода обязанностей.

К 1949 году более 5 тысяч иностранцев, из которых 2231 был американцем, состояли на службе в АРАМКО, выполняя квалифицированную работу, которая была тогда не по силам саудовцам. Но уже к 1959 году две трети саудовских служащих этой компании выполняли квалифицированные или полуквалифицированные виды работ.

Еще более резко картина меняется к началу 1970-х годов. О количественном росте местных служащих в управленческом штате АРАМКО говорят цифры, представленные в таблице 2.

Итак, если в 1949 году в «высшем» штате АРАМКО не было вообще саудовцев, а в «промежуточном» – лишь 80 человек, то в 1971 году подавляющее большинство (1207) участвовало в работе «высшего» штата и 4944 – в «промежуточном», сильно потеснив американцев и совершенно вытеснив представителей других стран.

Возросли также доходы этих двух групп квалифицированных жителей Саудовской Аравии. К 1971 году среднегодовая зарплата саудовцев, служащих АРАМКО, возросла на 17 800 саудовских риалов, или на 3956 долларов.

Таблица 2

О количественном росте местных служащих
в управленческом штате АРАМКО, чел.

Штат АРАМКО	Количество		
	1949 г.	1959 г.	1971 г.
<i>«Высший» штат</i>	2 231	2 565	2 143
Американцы	2 201	2 464	935
Саудовцы	0	44	1 207
Представители других стран	30	57	0
<i>«Промежуточный» штат</i>	364	5 013	4 944
Саудовцы	80	3 017	4 944
Представители других стран	284	1 986	0
Все служащие	16 909	16 257	15 051

Составлено по: *Aramco 1966. – Dammam, 1967. – С. 22–26; Aramco 1975. – Dammam, 1976. – С. 12–18.*

Большинство должностей в государственном аппарате Королевства, а также должности менеджеров, технических специалистов, учителей, инженеров и других профессий в течение ряда лет занимали иностранцы, тысячами приезжавшие в страну. В 1950-х годах среди этих иностранных специалистов появились первые саудовцы, получившие, кроме традиционного, еще и светское образование. Эти процессы повсеместно отражали и изменение социально-экономических реалий, о чем уже говорилось, и целенаправленную политику монархии, роль ее правительства в классообразовательных процессах. Само государство выступало и выступает в качестве крупнейшего работодателя по отношению к широкому в количественном и социальном отношении кругу лиц. В государственном секторе сосредотачиваются и растут, помимо большого числа рабочих, различные категории служащих, кото-

рые вместе с аналогичными работниками частного сектора формируют разные группы средних слоев городского населения.

Социальный конгломерат служащих – один из самых многочисленных социальных образований (после пролетариата и наемных рабочих), но среди местных жителей Саудовской Аравии он достигает особо впечатляющих размеров.

Таким образом, служащие разных рангов и разной квалификации являются одной из самых больших социальных групп саудовского общества. Это важная черта и очевидное отличие социальных структур Королевства от структур большинства развивающихся стран, где в 1980 году служащие составляли не более 15 процентов трудящихся освободившихся государств¹⁷.

Разумеется, служащие не являются единым общественным классом, а в Саудовской Аравии представляют собой социальный конгломерат, в составе которого можно выделить отдельные группы. Но прежде чем перейти к анализу дифференциации средних слоев городского общества и появлению среди них новых групп, следует остановиться на другом новом и важном аспекте, сыгравшем решающую роль в их становлении и количественном росте, – появлении и распространении в монархии светского образования.

В 1950-х годах в Королевстве среди служащих появились первые саудовцы, которые получили светское образование. В те годы система обучения в стране не претупала традиционных религиозных рамок и контролировалась консервативными ваххабистскими улемами. Однако стали открываться первые средние школы, где преподавали не только религиозные дисциплины. Сначала это были частные школы, финансируемые предпринимателями Хиджаза¹⁸. Несколько выпускников этих школ поступили в иностранные университеты, и четверо первых саудовских выпускников Каирского университета в 1945 году вернулись в страну. С тех пор быстро росло количество саудовцев, получающих высшее образование за границей, а позже высшее, среднее и профессиональное у себя в стране. Многие из них поступали на государственную службу, занимали должности, требующие высокой и средней квалификации в частных фирмах, пополняя контингент средних слоев городского общества.

Впоследствии система светского образования – среднего, высшего, профессионально-технического – расширялась быстрыми темпами. В Саудовской Аравии к 1980 году функционировало 6 крупных университетов, ежегодный выпуск которых в 1980 году составил 28 052 студента. В этих университетах работало в рассматриваемый период около 200 преподавателей из наиболее прогрессивной части саудовской интеллигенции.

Огромные доходы от нефти позволили Королевству не только вводить систему бесплатного образования, но и выплачивать стипендии, обеспечивать учебниками и т.д.

Одной из форм международного сотрудничества в области образования является обмен студентами и оплаченная государством подготовка национальных кадров за рубежом. Свидетельство об окончании средней школы в своей стране дает возможность саудовской молодежи поступать в зарубежные высшие учебные заведения. Анализ материалов ЮНЕСКО позволяет заключить, что Саудовская Аравия в основном направляет студентов в США и Западную Европу. Так, к началу 1980-х годов из 5,5 тысячи студентов Саудовской Аравии, обучавшихся за рубежом, 4,5 тысячи находились в США, 272 – в Великобритании, 38 – в ФРГ и т.д. Интересно, что студенты, обучающиеся в США и Западной Европе, получают главным образом инженерно-техническое образование, изучают естественные и медицинские науки и управленческое дело.

Таким образом, на базе быстро развивающегося в Саудовской Аравии профессионально-технического, среднего специального и высшего образования формируются различные группы средних слоев городского общества. Это современная интеллигенция, к которой относятся инженерно-технические работники, крупные отряды педагогов, врачи, юристы, определенная часть профессионально-технических работников, административно-управленческие работники и в силу местной специфики огромная масса служащих.

Следует подчеркнуть, что служащие не представляют собой единой прослойки и их можно разделить на 3 группы: 1) собственно служащие – работники средней и низкой квалификации с соответствующим материальным и жилищным положением; 2) крупные чиновники и менеджеры; 3) «неруководящая» интеллигенция. Этим качественно разнородным трем категориям служащих примерно соответствуют принятые в статистике ООН понятия: 1) конторские работники, а также часть работников торговли и сферы обслуживания; 2) административно-управленческие кадры; 3) профессионально-технические работники.

Хотя представители средних слоев не оказывают заметного влияния на государственную политику, однако они участвуют в решении некоторых экономических и социальных вопросов, являющихся довольно важными для страны. Они не только участвуют в работе Совета министров, но могут решать многочисленные вопросы на среднебюрократическом уровне и даже имеют некоторое влияние на общественную жизнь через интеллигенцию, ученых, учителей, юристов, врачей и т.п. В целом появление новых групп средних слоев вместе с их наиболее активной частью – интеллигенцией – как ничто другое иллюстрирует глубину социальных перемен в монархиях.

Формирование и рост интеллигенции в Саудовской Аравии является ярким показателем формирования той новой социальной среды, которая станет активно участвовать в разработке и реализации стратегических направлений внутренней и внешней политики государства. Свидетельством глубоких социальных изменений является также формирование бюрократической элиты, поскольку экономические изменения, ускоренное развитие капитализма делало невозможным сохранение прежних форм управления, диктовало необходимость создания не только современного бюрократического аппарата, но и адекватной ему элиты.

Современные сторонники концепций правящей элиты среди западных историков и социологов придерживаются той точки зрения, что «элита» – это специфическая социальная общность и группа, представители которой обладают особыми, исключительными духовными и политическими качествами, и наличие этих качеств обуславливает их привилегированное положение и руководящую роль в обществе.

Приведенное выше слишком общее и расплывчатое определение конкретизирует видный американский социолог, профессор Колумбийского университета Р. Миллс. К элите он относит людей, которые обладают властью в основных институтах современного американского общества, и именно поэтому элита эта властвующая. Именно данная прослойка, по его мнению, узурпировала власть в обществе, сведя почти на нет роль средних органов власти, которые теперь не выражают воли низов и не определяют решений верхов. Другой известный американский экономист и социолог У. Ростуо подразумевает под политической и бюрократической элитой «узкий круг людей, имеющих доступ к образованию, информации, деньгам и институтам, с помощью которых фактически осуществляется политическая власть»¹⁹. Аналогичной точки зрения придерживается и американский историк Т. Боттомор, который к политической элите относит «тех людей, которые фактически осуществляют политическую власть в обществе в определенный отрезок времени»²⁰.

В нашей работе бюрократической элитой Саудовской Аравии мы считаем прежде всего бюрократическую верхушку, правящую прослойку этой страны, включающую в себя министров, их заместителей, губернаторов и вице-губернаторов как лиц, принимающих наиболее важные решения и осуществляющих исполнение этих решений на высоком уровне.

Современная бюрократическая элита Королевства Саудовской Аравии сложилась и приняла в основе своей нынешний вид в течение 1960–1970-х годов. Феодалная родоплеменная верхушка Саудовской Аравии, состоящая из разветвленной королевской семьи и шейхов наиболее могущественных бедуинских племен, стала приобретать дополнительные, новые черты. Огромные доходы нефтяных концессий определили ее положение

в обществе не столько теми или иными традиционными привилегиями, сколько концентрацией крупных капиталов. Уже в конце 1950-х годов фигура обуржуазившегося принца или шейха стала типичной для Саудовской Аравии, а в конце 1960-х годов она настолько преобразилась, что в ней трудно стало обнаружить первоначальные черты. Так, многие члены королевского дома вкладывали свои капиталы в новые отрасли хозяйства, основывали химические и электрические компании, являлись членами и представителями правлений различных акционерных обществ. И если раньше главной опорой королевского дома, как экономической, так и социальной, были бедуинские племена, то с дальнейшим укреплением государственной власти, процессом централизации, ростом нефтяной промышленности и общим упадком кочевого хозяйства роль племен становится иной. Благодаря щедрым субсидиям, распределяемым через давно осевших в столице шейхов племен, кочевники превратились в «королевских нахлебников» и служат источником пополнения городской рабочей силы и формирования частей бедуинского ополчения, называемого «белой армией». Новой силой, приобретающей все большее значение в социальной жизни страны, становится торгово-финансовая и промышленная буржуазия, заставившая в последнее время несколько потесниться членов королевского дома у кормила государственной власти²¹.

Особый интерес представляет вопрос, каким образом и в какие сроки происходил процесс проникновения в государственный аппарат представителей крупной национальной буржуазии, завоевавшей свои экономические позиции в послевоенный период.

Уже в течение 1950-х годов выходцы из кругов промышленной и финансовой буржуазии занимали достаточно высокие посты в государственном аппарате, но еще не участвовали в принятии важнейших государственных решений и не делили министерские портфели с представителями королевского дома и высших аристократических кругов. Все высшие должности государства оставались в этот период в руках королевской семьи. Лишь один из девяти существовавших в то время министерских постов – пост министра торговли – был занят не принцем и не лицом, от него зависимым. Министром торговли с 1954 по 1958 год был представитель хиджазской торговой семьи, получивший образование в Ливане. Шесть министров были членами королевского дома, а два – министр здравоохранения и министр финансов – доверенными лицами и советниками еще первого короля Саудовской Аравии Абд-аль-Азиза, к тому же связанными брачными узами с шейхскими семьями²².

В 1956–1964 годах политическая обстановка в стране была достаточно напряженной. Большая часть принцев-саудидов, являвшихся одновременно владельцами больших предприятий, банков и компаний, была недовольна

внутренней политикой короля Сауда, мало способствовавшей экономическому развитию страны. Их интересы как крупных предпринимателей диктовали необходимость модернизации всей системы управления по западному образцу, сокращения непроизводительного использования концессионных платежей и создания лучших условий для финансовой и промышленной активности. Кризис разрешился тем, что в 1958 году королевская семья передала исполнительную власть в стране наследному принцу Фейсалу, а в 1964 году провозгласила Фейсала королем. И хотя национальная буржуазия в силу объективных условий этого этапа социального развития не представляла и не могла представлять политической силы, способной оказать какое-либо влияние на ход борьбы, последующая деятельность короля Фейсала и его окружения открыла перед ней возможности для постепенного проникновения в высшие сферы бюрократического аппарата.

В начале 1960-х годов представители торгово-финансовых и промышленных кругов заняли некоторые ключевые посты в государственном аппарате, возглавив четыре министерства: торговли, финансов, юстиции, а также нефти и полезных ископаемых. Трое из новых министров в 1940-х годах получили образование в Каирском университете, а четвертый, возглавивший только что образованное Министерство нефти и полезных ископаемых, после Каирского университета в течение трех лет изучал юриспруденцию в Нью-Йорке и Гарварде.

До 1974 года высшую исполнительную власть в стране осуществляли 14 министров (внутренних дел, обороны, иностранных дел, просвещения, нефти и полезных ископаемых, труда, торговли, связи, информации, хаджа, юстиции, сельского хозяйства, здравоохранения, финансов) и 3 главы департаментов (охраны короны, управления расследований, государственного планирования). Административно страна делилась на 4 провинции: Хиджаз, Эль-Асир, Неджд и Эль-Хаса, возглавляемые губернаторами. В таблице 3 представлены сведения о социальном происхождении и характере образования министров, глав департаментов, губернаторов и их заместителей.

Таблица 3

Социальное происхождение и образование бюрократической элиты
в Саудовской Аравии до 1975 года

Должность	Общее кол-во	Происхождение		Образование	
		королевская семья	буржуазное	традиционное	заграничное
Министры	14	4	10	12	2

Первые заместители министров	14	4	10	4	10
Вторые заместители министров	5	–	5	–	5
Главы департаментов	3	1	2	1	2
Заместители глав департаментов	3	1	2	1	2
Губернаторы	4	4	–	4	–
Вице-губернаторы	4	4	–	–	4

Составлено по: Sayt at-Talia. – Bagdad, 1969–1974; Umm-al-Kura. – Мекка, 1969–1974.

Таким образом, с конца 1960-х годов до 1975 года из 17 министров и директоров департаментов, осуществлявших исполнительную власть в стране, лишь пять принадлежали к королевскому дому. Правда, возглавляемые ими четыре министерства (иностраных дел, внутренних дел, обороны, финансов) и один департамент (охраны короны), несомненно, являлись главнейшими в государственном аппарате. Образование этих четырех министров и директора одного департамента было традиционным.

Из 10 оставшихся министров и двух директоров департаментов 8 имели традиционное образование. К правящей бюрократической элите следует отнести также губернаторов четырех главных провинций страны. Все они – члены королевского дома и также имели традиционное образование.

Из всех известных нам 26 заместителей министров, директоров департаментов и вице-губернаторов 9 являлись представителями королевского дома и 17 – представителями торговых, финансовых и промышленных кругов, 21 из них имел университетское заграничное образование и лишь 5 – традиционное.

Таким образом, согласно данным «Sayt at-Talia» за 1969–1974 годы, 29 из 47 человек, составлявших в конце 1960-х – начале 1970-х годов ядро бюрократической элиты страны, были представителями буржуазии, причем 25 из них получили высшее заграничное образование. Это свидетельствует о том, что уже в те годы представители торговых, финансовых и промышленных кругов занимали посты высшей исполнительной власти в стране и даже численно стали преобладать в составе ядра бюрократической элиты.

В ходе реорганизации кабинета министров, проведенной в 1975 году, новым королем Халедом ибн Абд-аль-Азизом после смерти короля Фейсала ибн Абд-аль-Азиза были внесены следующие изменения: ликвидированы три департамента, количество министерств доведено до 20. Новыми

министерствами стали: министерство высшего образования; промышленности; городского и сельского устройства; коммуникаций; министерство промышленных работ. В Совет министров вошли также три министра без портфеля.

В приведенной таблице 4 отражено социальное происхождение и характер образования чиновников высшего ранга с 1975 по конец 1977 года.

Из 23 министров, осуществлявших к 1978 году высшую исполнительную власть в стране, 6, возглавлявших главнейшие министерства (обороны, внутренних дел, иностранных дел, финансов, национальной экономики и общественных работ, а также городского и сельского устройства), принадлежали к правящему дому Саудидов. Характерно, что лишь 1 из них – министр иностранных дел Сауд аль Фейсал – имел высшее университетское образование, 5 остальных – лишь традиционное религиозное образование. Из 17 министров, не принадлежавших к королевской семье, 16 получили высшее образование в Саудовской Аравии или за рубежом и только 1 (министр высшего образования Хасан ибн Абдаллах аш-Шейх) – традиционное.

Таблица 4

Социальное происхождение и характер образования чиновников высшего ранга с 1975 по конец 1977 года

Должность	Кол-во	Происхождение		Образование		
		королевская семья	буржуазное	средние слои городского населения	традиционное	высшее университетское
Министры	23	6	12	4	6	17
Заместители министров	20	2	18	–	–	20
Губернаторы	4	4	–	–	3	1
Вице-губернаторы	4	4	–	–	–	4

Составлено по: *Who is who in Saudi Arabia 1973–1979. – Jeddah; L., 1978; Sayt at-Talia. – Bagdad, 1976–1977.*

По данным «Sayt at-Talia» за 1979 год, из 4 губернаторов – братьев или племянников короля – 3 имели традиционное образование, 1 – высшее. Все заместители министров и вице-губернаторы окончили университеты и лишь 6 из них принадлежали к королевскому дому.

На первый взгляд, больших изменений по сравнению с началом 1970-х годов не произошло: важнейшие министерства и губернаторская власть, то есть все командные позиции, остались в руках королевского дома, остальные министерства возглавляли представители крупной буржуазии. Однако в рядах высшей бюрократической элиты появились представители еще одного социального слоя. В качестве примера рассмотрим биографии четырех новых и самых молодых членов кабинета. Это министр торговли Сулейман аль-Салим (р. 1941), министр информации Мухаммед Абдалах Ямани (р. 1940) и два министра без портфеля Абдалах аль-Сирин (р. 1935) и Мухаммед Алтиф аль-Мудхим (р. 1936). Политические биографии и социальное происхождение резко выделяло их из числа остальных членов кабинета. Будучи выходцами из семей мелких служащих или преподавателей начальных школ, то есть средних слоев городского населения, до получения заграничного университетского образования за государственный счет они служили мелкими клерками или учителями начальных школ. После получения университетских дипломов и ученых степеней в течение ряда лет занимали должности профессора в Риядском университете, совмещая в последние годы преподавательскую деятельность с государственной службой в качестве советников в различных министерствах²³. Лишь один из названных четырех министров – министр торговли Сулейман аль-Салим – продолжил исполнение своих обязанностей в кабинете нового короля и премьер-министра Фахда.

В следующем правительстве Саудовской Аравии министерские портфели распределялись следующим образом: из 28 членов правительства к королевскому дому принадлежало 6 человек, включая короля – премьер-министра. Они занимали посты заместителей главы правительства, министра обороны, министра внутренних и иностранных дел, а также общественных работ и жилищного строительства. Показательно, что 2 имели традиционное религиозное образование, 8 других министров являлись выходцами из аристократических кругов феодально-наемной знати, 2 из которых также имели традиционное религиозное образование, а 6 – заграничное. Из оставшихся 14 представителями старых торгово-финансовых кругов являлись 9, а 5 вместе с упоминавшимся министром торговли (министр информации, министр здравоохранения и два государственных министра) – выходцами из новых групп средних слоев городского общества. Как те, так и другие получили высшее отечественное и иностранное образование.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что в рассматриваемый период в результате сдвигов в социально-экономической структуре Саудовской Аравии выявились серьезные изменения в высших сферах

государственного управления. Если раньше вся высшая исполнительная власть в стране осуществлялась исключительно представителями королевского дома Сауидов, то уже с 1970-х годов подавляющее большинство министерских постов в кабинете министров Саудовской Аравии заняли выходцы из торгово-финансовых и промышленных кругов страны и даже представители средних слоев городского общества. В этой связи возникает важный вопрос: могло ли включение представителей буржуазии и средних слоев городского общества в государственный аппарат на его высшем уровне как-то изменить характер власти в стране.

В Саудовской Аравии прослеживалась тенденция к уменьшению числа выходцев из правящих семейств в высших рядах бюрократического аппарата. Очевидно, что монархи, принцы и шейхи, сохраняя за собой важные места в правительствах, все-таки вынуждены были вручать часть министерских портфелей представителям крупной и средней буржуазии и, более того, «технократам», способным и опытным специалистам – выходцам из новых групп средних слоев городского населения, получившим хорошее образование и доказавшим свою лояльность.

Все это позволяет сделать вывод, что, несмотря на то, что в рассматриваемый период (как и в настоящее время) классовый состав бюрократической элиты был подвержен большим изменениям и в ее составе, наряду с представителями правящих семей, появились выходцы из других слоев населения, роль ее как послушного орудия в руках монархических кланов оставалась и остается неизменной. Тем не менее, сам факт их присутствия и даже преобладания в кабинете министров достаточно многозначен, особенно ввиду неуклонного численного роста и увеличения экономического могущества национальной буржуазии. Примером тому могут служить семьи миллиардеров Аль-Госейби, Олаянов, Хашоги, играющих заметную роль в экономической и политической жизни Саудовской Аравии.

Уже тогда правящие круги начали опасаться, что буржуазия при поддержке некоторых других общественных слоев потребует политической власти в стране и в борьбе за эту власть роль ее представителей в высших слоях бюрократического аппарата Королевства будет представляться совсем в ином свете.

Таким образом, в 1950–1980-е годы Саудовское Королевство в основном завершило глубокую социально-экономическую трансформацию. Сохранив прежние феодальные надстройки, эта страна приобрела совершенно иной, модернизированный вид. Основными движущими социальными силами стали новые классы и группы общества, а традиционное и прежде всего когда-то доминирующее племенное население сдавало свои позиции, перемещаясь как бы на периферию современной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Arab Political Documents. – Beirut, 1985. – С. 28.
² См.: Родригес, А.М. Нефть и эволюция социальных структур аравийских монархий. – М., 1989. – С. 15.
³ См.: Middle East Economic Digest. – L., 1979. – № 8. – С. 13.
⁴ См.: Родригес, А.М. Указ. соч. – С. 18.
⁵ См. там же. – С. 23.
⁶ См.: Sayt at-Talia. – Bagdad. – 1970. – № 7. – С. 8.
⁷ См. там же. – № 6.
⁸ См.: Annual Statistical Abstract. – Kuwait, 1985. – С. 8.
⁹ См. там же. – С. 9.
¹⁰ См.: The Middle East and North Africa. – L., 1985. – С. 85.
¹¹ См.: New York Times. – N.Y., 1985. – 6 Jan.
¹² См.: Al-Hadj. – Мекка, 1985. – 1 Juli.
¹³ См.: Financial Times. – L., 1985. – 29 Juli.
¹⁴ См.: Al-Ahbar. – Каир, 1982. – 11 Mart.
¹⁵ См.: As-Siyasa. – Эль-Кувейт, 1982. – 16 Nov.
¹⁶ См.: Middle East Economic Digest. – L., 1985. – № 14; Saudi Economic Survey. – Джидда, 1985. – 9 Febr.
¹⁷ См.: Human Resources, Employment and Development. 7-th d Congress of the International Economic Assoc. 1983. – L., 1985. – С. 77.
¹⁸ См.: Gaury, de G. Feisal: King of Saudi Arabia. – L., 1966. – С. 43.
¹⁹ Rostow, D.A. ОПЕС: Success and Prospects. – N.Y., 1976. – С. 8.
²⁰ Bottomor, T.B. Eletes and Soziety. – N.Y., 1964. – С. 18.
²¹ См.: Birks, I.S. International Migration and Development in the Arab Rigion / I.S. Birks, G.A. Sinclair – Geneve, 1980. – С. 36.
²² См.: Umm-al-Kura. – Мекка, 1974. – № 4. – С. 45.
²³ См.: Ar-Riyadh. – Рияд, 1981. – 18 Jul.

А.Е. Плеханов

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ АНГЛИИ И РОССИИ
 В КАНУН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Перед Первой мировой войной на англо-русские отношения все в большей степени начинала влиять сложная международная ситуация. Несмотря на то, что Антанта как военный блок уже сложилась, ее участники – Англия и Россия – все еще не могли достичь компромиссных решений по многим вопросам. Усилилась напряженность в отношениях с Турцией, что было вызвано ее стремлением к союзу с Германией.

Турция была объектом давнего соперничества держав. Борьба велась за контроль над ее вооруженными силами, в которых великие державы видели средство воздействия на внешнюю политику этой страны. В ноябре 1913 года Германия заключила соглашение с Турцией о направлении в Турцию военной миссии с широкими полномочиями. Миссия имела цель не только укрепить турецкую армию, ослабленную в результате Балканских войн, но и обеспечить военно-политический контроль Германии над Османской империей. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов 10 ноября 1913 года дал предписание российскому послу в Берлине С.Н. Свербееву заявить германскому правительству, что направление военной миссии в страну, граничащую с Россией, является недружелюбным по отношению к России актом. Но протест российского правительства был оставлен без внимания. Находящийся в это время в Берлине проездом из Парижа председатель Совета министров В.Н. Коковцов добивался от германского правительства перевода Лимана фон Сандерса из Константинополя в другие, не соседние с Россией провинции Турции. Но его переговоры не привели к положительным результатам. В некоторой степени в этом была повинна Франция, недовольная тем, что Россия без ее ведома вступила в непосредственные переговоры с берлинским кабинетом.

23 декабря 1913 года немецкий генерал Лиман фон Сандерс был назначен командующим войсками Константинопольского военного округа, куда входил и пролив Босфор. В России к этому отнеслись негативно. С.Д. Сазонов направил Николаю II письмо, в котором интересовался решением данного вопроса.

Акция Германии вызвала дипломатический конфликт. Англия искусственно маскировала свою позицию и старалась показать, что выступает в нем в роли миротворца, хотя участвовала в реорганизации турецкого флота, в Константинополе находилась ее военно-морская миссия, в состав которой входило 72 человека¹, а Турция закупала у нее военные суда².

31 декабря 1913 года в России было созвано особое совещание под председательством главы правительства В.Н. Коковцова. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов предлагал найти компромиссное решение, вступить в доверительные отношения с Англией и Францией о возможности давления на Турцию. Крайними допустимыми мерами он считал финансовый бойкот Турции державами Тройственного соглашения и временное занятие ими Трапезунда и Бейрута, а также усиление войск Кавказского военного округа³.

Англия стремилась усилить турецкий флот, чем вызывала беспокойство русского правительства. Противоречия между Россией и Англией затрудняли их совместную борьбу против политики Германии в Тур-

ции. Это проявилось и в кризисе, вызванном миссией Лимана фон Сандерса в Турции. Германо-турецкое соглашение относительно миссии серьезно задевало интересы членов Антанты и Тройственного соглашения в целом. Однако известие об этом вызвало немедленную реакцию лишь со стороны России. Англия и Франция предпочли занять выжидательную позицию. Переговоры России с Германией ни к чему не привели. Германская дипломатия умело воспользовалась сходством положения Лимана фон Сандерса и английского адмирала, возглавлявшего британскую миссию. Против назначения английского адмирала Россия не протестовала.

С.Д. Сазонов обратился за помощью к партнерам, предлагая совместно потребовать от Турции компенсаций. Обменявшись мнением с Францией, Министерство иностранных дел Англии направило в Петербург предварительный ответ. Грей отвергал требование компенсаций, считая невозможным совершить такую операцию без раздела Турции, и советовал России продолжить переговоры с Германией. Он считал удовлетворительным исходом перемещение немецкого командования в Адрианополь⁴.

Английский дипломат А. Никольсон сделал пометку на телеграмме русского посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа, адресованную С.Д. Сазонову 9 января 1914 года, где выразил опасение, что С.Д. Сазонов считает безусловным, будто Франция и Англия примут активное участие в любых мерах, которое русское правительство может наметить, и что это слишком смелое предположение⁵. Неудовлетворенный таким ответом, С.Д. Сазонов предложил другую форму коллективного выступления – совместный протест трех держав в Константинополе. Он заявил английскому поверенному в делах О'Берну, что дело о миссии Лимана фон Сандерса является испытанием крепости Тройственного соглашения и что перед совместным выступлением трех держав Турция не сможет устоять, поскольку не сможет игнорировать возражения России и Франции и, кроме того, ей придется опасаться английского флота⁶.

Решительные требования России заставили Форин Оффис внимательней отнестись к ее инициативам. Англия и Франция согласились вручить Турции тождественные ноты, в которых запрос сочетался бы с протестом, и предложили России продолжить переговоры⁷.

Действия Англии, не уверенной в том, как далеко Россия пойдет в своих требованиях, показывают, что она шла на уступки России, но делала это осторожно, оставляя для себя путь к отступлению.

Западные партнеры России предлагали в качестве компенсаций потребовать свободный проход через пролив военных судов всех стран, и особенно России. Но это предложение последняя считала невыгодным и даже не стала его обсуждать.

Пока державы договаривались о содержании нот Турции, последовал указ султана, утвердивший Лимана фон Сандерса главой армейского корпуса, размещенного в столице. В связи с немедленным обращением С.Д. Сазонова в Берлин с запросом, державы отложили свой демарш в Константинополе. С.Д. Сазонов не верил в успех объяснений с Германией и 7 декабря пригласил к себе поверенного в делах Англии в России О'Берна. Он изложил ему свою точку зрения, согласно которой причиной их неуспеха являлось то, что державы ни разу совместно не выступали с абсолютной решительностью. Но в случае с миссией Лимана фон Сандерса уступать было нельзя, и С.Д. Сазонов предложил начать с совместного требования в Константинополе, а если это не поможет, подействовать на Турцию финансовым бойкотом, повышением таможенных пошлин, отзывом послов. Из беседы с С.Д. Сазоновым О'Берн сделал вывод, что русский министр хочет, чтобы Англия заняла такую же позицию, как и Россия⁸.

Дипломатическое ведомство Англии подозревало Сазонова в том, что он ведет двойную игру и сомневалось, что Россия пойдет на риск военного конфликта из-за миссии Лимана фон Сандерса. Министр иностранных дел России считал, что для достижения цели вполне достаточно всем державам Антанты занять твердую позицию по отношению к Турции⁹. Нежелание России воевать сразу охладило действия британской дипломатии в отношении Турции и Германии. И после неудачных переговоров в Берлине С.Д. Сазонов вернулся к идее запроса протеста трех держав к Турции. Однако оказалось, что Форин Оффис изменил свою политику – Э. Грей стал настаивать на смягчении формы заявления держав¹⁰.

Такое решение английской дипломатии не устраивало С.Д. Сазонова, посчитавшего это провалом запроса трех держав, и он хотел отказаться от дальнейших попыток изменить условия контракта с Лиманом фон Сандерсом и вернуться к идее компенсации. Однако, хотя этот путь был нежелателен для Англии и Франции, ограничиться негативным отношением к инициативе Сазонова было невозможно.

Э. Грей выдвинул свой план решения конфликта: запросить у Турции точные условия контракта с Лиманом фон Сандерсом, по получении ответа перенести переговоры в Берлин и добиваться уступок на базе одновременного изменения условий контракта с адмиралом, руководившим английской военной миссией, вплоть до перевода последней в другой порт и иные изменения в ее статусе¹¹.

Инициатива Э. Грея сводилась к тому, чтобы выиграть время и выяснить окончательно намерения Германии и России в конфликте. Английское предложение не вызвало у С.Д. Сазонова оптимизма. Дополнительный запрос был сделан. Россия продолжила переговоры с Германией,

в которых стала участвовать и Англия. Однако ее вмешательство в переговоры насторожило Германию. Она решила изолировать Россию и заявила о своем желании добиться соглашения и предложила избрать местом переговоров Константинополь. Россия приняла это предложение. После недели переговоров стало ясно, что Германия тянет время. России предстояло в связи с этим решить: примириться или пойти на решительные меры и на риск войны.

Еще 19 декабря 1913 года, вернувшийся из отпуска посол Англии в России Дж. Бьюкенен поинтересовался у С.Д. Сазонова относительно того, как Россия намерена поступить в данном вопросе. Министр указал на несколько возможных вариантов: от официального заявления Турции до временного занятия русскими войсками Баязета и Эрзерума. Прочитав донесение Бьюкенена, в Форин Оффисе решили, что если Россия захочет договориться с Германией, то Англия не пойдет дальше дружеского обмена мнениями с Германией, если же Россия пойдет на решительные меры и будет твердой до конца, тогда она может рассчитывать на активную поддержку партнеров¹².

8 февраля 1914 года в Петербурге прошло совещание, в котором приняли участие представители трех ведомств – дипломатического, военного и морского. Большинство его участников высказались против военных акций в районе проливов, аргументируя эти соображения неподготовленностью России к войне на два фронта¹³.

В результате переговоров российского правительства и Германии было принято компромиссное решение о переводе генерала Сандерса на должность инспектора турецкой армии, которая не имела прямого отношения к проливам. С.Д. Сазонов отмечал по этому поводу, что назначение Лимана фон Сандерса очевидно не уменьшило его роли как высшего начальника турецкой армии. Но дальше достигнутого успеха России нельзя было идти без риска обострения отношений с Германией¹⁴. К тому же правительство России было удовлетворено формальной уступкой Германии. Англия ограничилась дипломатической поддержкой русских усилий в Берлине. Борьба вокруг миссии Лимана фон Сандерса вновь подтвердила, что, хотя Англия и не всегда поддерживала политику России, но при определенных условиях все же принимала вызов противника и поощряла Россию к твердости. Англия добивалась права определять форму действия Тройственного согласия и тем самым влиять на его политику.

Вопрос о проливах во внешней политике России занимал важное место. Однако «демарш Чарыкова» ясно показал, что постановка вопроса о пересмотре режима проливов встретила противодействие не только Германии и Австро-Венгрии, но и союзников России. Англия и Франция

рассматривали возможную уступку в данном вопросе с целью обеспечить участие России в войне на своей стороне. В то же время ведя борьбу против ближневосточной агрессии австро-германского блока, они не допускали усиления позиций России на Балканах и в Турции. Эта тенденция проявилась как в период Балканской войны, так и во время конфликта из-за миссии Лимана фон Сандерса. Англо-французская дипломатия практически не препятствовала укреплению положения Германии в Турции, надеясь использовать в своих интересах обострение русско-германских противоречий. Международные позиции России накануне войны осложняла напряженность ее отношений с Англией, вызванная трениями в Персии, где английские предприниматели проявляли большую активность, осваивая зону, которая по соглашению 1907 года признавалась нейтральной.

Потери, понесенные русской дипломатией во время событий 1908–1914 годов на Ближнем Востоке, явились одним из следствий усиления зависимости России от ее западных союзников в связи с миллиардными займами у французских и английских финансистов. Финансовая слабость России была фактором общей экономической и политической отсталости, что сказалось на внешней политике России.

Во время Балканских войн проявилось быстрое нарастание противоречий между Россией, с одной стороны, и Германией и Австро-Венгрией – с другой. Австро-Венгрия дважды пыталась напасть на Сербию, и третий австро-сербский военный конфликт 1913 года свидетельствовал, что австрийская правящая верхушка не отказалась от агрессивной политики в отношении Сербии. Во время второй Балканской войны Сербия, попытавшаяся еще раз добиться выхода к Адриатическому морю и захватившая часть Албанского княжества, под угрозой нападения Австро-Венгрии и по совету России приняла австрийский ультиматум и вывела свои войска из Албанского княжества.

Открытая поддержка Германией провокационной политики Австро-Венгрии, создавшей на Балканах очаг военной опасности, объяснялась стремлением германских руководящих кругов, используя Австро-Венгрию, установить свое господство на Балканах. Ближневосточное направление в политике Германии приобрело первостепенное значение. Германия рассматривала Османскую империю как сферу своего экономического и политического влияния и как возможного союзника в войне со странами Антанты. После Балканских войн наступательная политика Германии приобрела еще более интенсивный характер. Поощряя сближение младотурецкого правительства с Болгарией и направляя их на путь захватнической войны, германская дипломатия боролась за создание балканской коалиции под своим руководством. Предполагалось, что

участвовать в этой политике будет Турция, Болгария и Румыния. В период Балканских войн германская дипломатия, используя противоречия стран Антанты, пыталась добиться ее раскола. Основным желанием Германии было посорить Россию и Англию, так как политика Англии давала известную для этого почву. Однако Англия, реагируя в ряде случаев благожелательно на действия германской дипломатии, в решающие моменты заявляла о своей солидарности с Францией и Россией. Несмотря на противоречия стран Антанты и разногласия в лагере центральных держав, в период Балканской войны обнаружилось противоборство двух военно-политических блоков, которые готовились к войне за передел мира.

Международные отношения накануне Первой мировой войны характеризовались возросшей конфликтностью, целой серией острых столкновений интересов держав, в особенности когда в Европе образовались две противостоящие группировки государств – Тройственный союз и Тройственное согласие. Любой конфликт между ними мог перерасти во всеобщую войну.

Россия, сознавая свою неподготовленность к военным действиям, прибегала к компромиссному урегулированию спорных вопросов. Так было в момент Боснийского кризиса, во время Балканских войн 1912–1913 годов. Такая политика России давала уверенность державам Тройственного союза в достижении бескровного успеха и в дальнейших событиях. Но этот путь постепенного отступления и уступок вызывал недовольство не только партнеров по Антанте, но и общественности в самой России, выступившей в защиту великодержавного престижа с критикой дипломатии за инертность и уступчивость¹⁵.

Пресса назвала компромисс весны 1909 года в Боснийском кризисе дипломатической «Цусимой» и продолжала крикливую патриотическую кампанию относительно других дипломатических конфликтов предвоенных лет. Немного более сдержанные речи звучали в Государственной думе в ответ на выступление министра иностранных дел по разъяснению вопросов внешней политики России. Хотя определение внешнеполитической линии являлось прерогативой императора, российский МИД использовал патриотизм печати и Думы в своей международной игре, поскольку серьезный разлад мог ослабить позиции дипломатии. Еще большее значение, чем позиция общественных кругов, имела для официального Петербурга реакция партнеров по Соглашению. Западные державы неодобрительно отнеслись к поспешному и несогласованному отступлению 1909 года и недостаточно решительным действиям России.

С конца 1912 года после заключения военно-политического соглашения, Франция и Англия чувствовали себя достаточно уверенно и поэто-

му уступки русской дипломатии в кризисах 1912–1913 годов вызвали у них разочарование, в особенности нерешительность, проявленная русским правительством в ходе борьбы вокруг миссии Лимана фон Сандерса. Это отлично понимал министр иностранных дел С.Д. Сазонов и 23 ноября 1913 года обратился к императору с докладом, в котором содержалась информация о том, что в случае согласия военного и морского министров следует договориться с Францией и Англией занять наконец твердую позицию, примирение же с успехом Германии равносильно крупному политическому поражению и может иметь самые тяжелые последствия, тем более что возрастают притязания Германии и ее союзников, которые начинают усваивать все более неуступчивый тон во всех вопросах, затрагивающих их интересы. С другой стороны, во Франции и Англии окрепло убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира. С.Д. Сазонов указывал, что если сохранится такое мнение у союзников России, то не очень сплоченное Тройственное согласие может быть окончательно расшатано и каждая из них будет стараться искать обеспечение своих интересов в соглашениях с державами противоположного лагеря¹⁶.

Предложение С.Д. Сазонова 31 декабря 1913 года рассматривалось на совещании министров. Хотя все его участники сошлись во мнении о нежелательности и даже опасности вовлечения России в большую войну, представители военных ведомств считали вполне допустимым пойти на риск.

Вскоре на пост премьер-министра был поставлен И.Л. Горемыкин, который в дела внешней политики не вмешивался, но в правительстве все яснее стала преобладать более твердая линия в международных делах.

В начале 1914 года русская дипломатия выступила с предложением превратить Тройственную Антанту в союз. Речь шла о развитии и оформлении связи России и Франции с Великобританией. Инициатива России положила начало новой ступени в развитии русско-английского согласия. Военно-политические переговоры между Россией и Англией проходили с февраля по июль 1914 года. Стремление России заключить союзный договор с Англией было вызвано внутренним и международным положением.

С точки зрения военной подготовки 1912–1913 годы принесли России некоторые успехи. В 1913–1914 годах принимаются программы усиления армии и флота, выполнение которых способствовало бы росту сил и влияния России на международной арене.

Международная обстановка становилась все более напряженной. Германия завершала подготовку к войне и стремилась к развязыванию конфликта. Державы Тройственного союза вели переговоры по уточнению взаимных военных обязательств. В руководящих кругах России возникла идея превратить Антанту в союз. Этот шаг должен был оказать сдерживающее

влияние на Германию, а в случае если конфликт все-таки возникнет, то можно будет обеспечить России и Франции всемирную поддержку.

Николай II при встрече с послом Англии в России Дж. Бьюкененом подчеркнул, что он хотел бы видеть тесную связь между Англией и Россией в виде союза чисто оборонительного характера. На замечание Дж. Бьюкенена, что в настоящее время это неосуществимо, император указал, что во всяком случае можно было бы заключить договор вроде того, который существует между Англией и Францией. Хотя Николай II не был знаком с подробностями этого договора, но он, видимо, все же оговаривал, как должно поступать каждое правительство при возникновении конфликта. Бьюкенен сказал, что он ничего не знает о соглашении с Францией, но по чисто материальным причинам Англия не сможет посылать войска для помощи русской армии. Император отметил, что такая помощь не требуется, но можно было бы заранее договориться о сотрудничестве британского или российского флотов¹⁷.

К этой мысли подталкивали не только внешнеполитические соображения, но и все увеличивающаяся финансовая и экономическая зависимость России от Франции и Англии. Руководители Форин Оффис были серьезно заинтересованы в дальнейшем укреплении связей с Россией. Английские дипломаты считали ее своим союзником в надвигающейся войне с Германией. Кроме того, их тревожили германофильские круги в России, что могло привести к смене ее ориентации¹⁸.

Что касается специальной военной стороны взаимоотношений с Россией, то развитие франко-русских обязательств в 1912–1913 годах в основном обеспечивало использование вооруженных сил России в соответствии с интересами ее западных партнеров – Англии и Франции. Между Англией и Россией речь могла идти о согласовании военных усилий на море. Но руководители английской внешней политики скептически оценивали силы русского флота и перспективы сотрудничества с ним на ближайшее время¹⁹.

На пути дальнейшего сближения России с Англией имелись разногласия в форме, которую должны были принять стороны: русская дипломатия предпочитала открытый оборонительный союз, в Англии, где союз с Россией был непопулярен, министерство иностранных дел привлекало секретные условные соглашения по типу англо-французского. Генеральные штабы Англии и Франции разработали секретное соглашение о сотрудничестве вооруженных сил обеих стран в войне против Германии. Формально считалось, что это соглашение было закреплено письмами между дипломатическими ведомствами Англии и Франции в ноябре 1912 года. В них говорилось, что соглашение не связывает два правительства и оно будет иметь силу лишь в случае, если Англия

и Франция после консультаций решат выступить в начинающейся войне совместно²⁰.

Еще более серьезные трудности создавало обострение англо-русских отношений в Персии. Русский посол в Лондоне А.К. Бенкендорф в конце февраля 1914 года доносил, что министр иностранных дел Англии Э. Грей отказывается от официального союза с Россией, ссылаясь на антирусские настроения в Англии, однако это не помешало Э. Грею заявить, что такой союз осуществим, если Россия пойдет на уступки в Персии и Тибете²¹.

19 мая 1914 года Э. Грей и французский посол в Англии Поль Камбон передали А.К. Бенкендорфу копии писем, которыми они обменивались в ноябре 1912 года. Э. Грей сообщил о согласии английского правительства на переговоры между русским и британским адмиралтействами и на заключение соглашения. Хотя в течение всей беседы не было сказано ни слова о других делах, А.К. Бенкендорф сделал вывод, что это скорее подчеркивает, чем уменьшает значение переговоров²².

Большое упорство проявила русская дипломатия, защищая свои позиции в Персии. Английские дипломаты хотели затянуть переговоры, чтобы добиться новых уступок. Было предложено перенести переговоры на август 1914 года в Петербург. Потребовалось упорное настояние С.Д. Сазонова и А.К. Бенкендорфа, вмешательство императора и новые уступки в Персидском вопросе²³.

Первым результатом возобновления переговоров ввиду надвигавшейся войны явилось сообщение первого лорда адмиралтейства Англии принца Луи Баттенбергского о предполагаемых действиях английского флота и об англо-французском морском сотрудничестве. Сведения содержали прогноз английского Морского генштаба относительно предполагаемой позиции Греции и Испании. Далее следовало изложение задач морских сил в Средиземном и Северном морях. В заключение сообщалось, что в случае войны английские суда могут пользоваться всеми французскими портами и наоборот²⁴.

Русским представителям на переговорах не сообщили полного текста англо-французской морской конвенции. Англия и Франция не считали нужным знакомить Россию с деталями военных соглашений. Предлогом служило неучастие Франции в переговорах. Но полученная информация давала общую картину предполагаемого сотрудничества Англии и Франции на море. К сожалению, проследить шаг за шагом развитие переговоров в последние предвоенные недели не представляется возможным.

Английский посол в Петербурге и русский военный представитель в Англии просили английское адмиралтейство скорее выслать предварительный текст условного соглашения с Россией, чтобы ознакомить с ним министра иностранных дел С.Д. Сазонова.

Эта телеграмма является важным документом, доказывающим, что к двадцатым числам июля проект условного морского соглашения между Россией и Англией был готов, благодаря оперативности правительств обеих стран. Однако независимо от того, был послан проект соглашения в Россию или нет, очевидно, что он не мог получить утверждения до начала войны. Приезд принца Луи Баттенбергского в Петербург для подписания конвенции намечался на 23–30 августа ²⁵.

Не мог иметь место и обмен письмами между Э. Греем и С.Д. Сазоновым, поскольку такой обмен должен был основываться на договоренности морских ведомств.

Однако это не означало, что русско-английские переговоры не имели никакого практического значения. Готовность обеих партнеров заключить морское и политическое соглашение служила для каждого из них подтверждением, что другая сторона намерена действовать заодно в разворачивающемся конфликте. С военной точки зрения переговоры имели гораздо меньшее значение, поскольку практически свелись лишь к обмену сведениями о планах флотов обеих держав и о намерениях противника.

Переговоры – важное свидетельство того, что накануне войны они явились новым шагом в развитии русско-английского согласия, принимавшее те же формы, что и англо-французская Антанта. Страны Согласия в отличие от германского блока не успели ко времени войны завершить организацию политической подготовки. Решение укрепить Согласие в наиболее удобной для Лондона форме и уступки России Англии в азиатских делах наглядно показывают, кто являлся наиболее сильным партнером.

Затягивание переговоров по соглашению давало возможность Англии получить новые уступки от России в Персии, ибо там Россия успешно вела наступательную политику, укрепляла свои позиции, скупая земли местных феодалов и расселяя на них русских поселенцев. Это вызывало недовольство английской администрации.

Англия, понимая, что кризис с Германией обостряется, должна была пойти на укрепление Согласия и по праву старшего партнера хотела, чтобы инициативу проявила Россия. Несмотря на то, что проект соглашения не был подписан и не произошел обмен письмами между Э. Греем и С.Д. Сазоновым, Франция и Англия считали Россию своим союзником по Согласию.

Таким образом, Россия на рубеже 1913–1914 годов должна была сделать решительный шаг по присоединению к англо-французской Антанте. В Петербурге знали, что партнеры России по Согласию не одобряют нерешительности России при решении международных вопросов. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов серьезно опасался, что они как союзники могут разочароваться в России и пойти на сговор с Германией.

Международная обстановка становилась все более напряженной. Германия раньше соперников завершила подготовку к войне. Страны Тройственного союза вели переговоры по уточнению взаимных обязательств.

Вмешательство великих держав превратило Балканский полуостров во взрывоопасный район Европы. При этих обстоятельствах в руководящих кругах России возник план превратить Тройственное согласие в союз. Факт заключения такого союза, который носил бы официально открытый характер, оказал бы сдерживающее влияние на Германию. Если бы война все-таки возникла, Россия имела бы надежных союзников в лице Франции и Англии. В мирных условиях рост сплоченности придал бы большую силу дипломатическим действиям стран Антанты.

Дипломатическим усилиям России способствовала увеличивавшаяся финансовая и экономическая зависимость России от Франции и Англии. В то же время принятое решение свидетельствовало о склонности России проводить впредь политику, не останавливаясь даже перед войной. Этому соответствовали перемены в правительстве, где вместо осторожного В.Н. Коковцова пост председателя Совета министров занял И.Л. Го-ремыкин. Россия склонна была добиваться от партнеров определенных гарантий военной поддержки и энергичных мер в наращивании вооружений.

Руководители Форин Оффис были заинтересованы в дальнейшем укреплении политических связей с Россией. Английская дипломатия прежде всего учитывала рост военной мощи партнера, а следовательно его ценность как союзника. В то же время ряд обстоятельств позволял Англии представить инициативу сближения государств России и даже потребовать от нее ряд уступок за свое согласие на оформление военно-политических обязательств. Опыт международных отношений 1908–1913 годов подтверждает то, что Россия дорожит Антантой как гарантией успеха во внешней политике, а ее зависимость от франко-английских займов и инвестиций служит гарантией неизменности ее внешнеполитического курса.

Россия стояла за заключение открытого военного союза, что не устраивало правительство Англии. По этой причине Форин Оффис больше подходила форма секретных соглашений о сотрудничестве вооруженных сил двух стран. Еще более серьезную причину создавали англо-русские противоречия в Персии, где России удалось добиться значительных успехов в области торговли. В свою очередь Англия, переведя свой флот на жидкое топливо, хотела превратить Персию в свою важнейшую нефтяную базу. Имелись противоречия и в Афганистане. Русская дипломатия надеялась, что заинтересованность двух держав в сближении по военно-политической линии поможет сгладить их противоречия в зависимых странах на

базе взаимных уступок. Однако английская дипломатия хотела добиться от России уступки всей нейтральной полосы.

Таким образом, речь шла о расширении английской сферы влияния в Персии. Сильный нажим Англии заставил Россию пойти на уступки. Признав в целом приемлемыми притязания Англии в Тибете и Афганистане, русская дипломатия, тем не менее, проявила большое упорство, защищая позиции России в Персии. Но в конце концов и здесь пошла на уступки.

Переговоры о заключении морской конвенции велись с февраля по июль 1914 года. Текст конвенции был подготовлен, но партнеры не успели его подписать – началась война. Однако эти переговоры свидетельствуют, что к лету 1914 года Россия все увереннее рассматривала Англию как союзницу в будущей войне против Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Bartlett, C.J. *British Foreign policy in the twentieth century*. – N. Y., 1989. – P. 95.
- ² См.: Архив внешней политики Российской империи (Далее АВПРИ). – Ф. 133. – Оп. 470. – Д. 26. – Л. 274.
- ³ См.: Lutz, H. *Lord Grey and the world war*. – N. Y., 1928. – P. 310.
- ⁴ См.: *British Documents on the Origins of the War (BD)*. 1898–1914 / Ed by G.P. Gooch, H. Temperley. – Vol. 10. – Pt. 1. – N 385.
- ⁵ См. Ibid.
- ⁶ См.: *The Times*. – 1914. – 20 Jan.
- ⁷ См.: *British Documents on the Origins...* – N 406.
- ⁸ См. Ibid. – N 439.
- ⁹ См.: АВПРИ. – Ф. 134. – Оп. 473. – Д. 1. – Л. 53.
- ¹⁰ См.: Bartlett, C.J. *British Foreign policy...* – P. 119.
- ¹¹ См. Ibid. – P. 132.
- ¹² См. Ibid.
- ¹³ См.: Сазонов, С.Д. *Воспоминания*. – Минск, 2002. – С. 148–151.
- ¹⁴ См.: *Россия, государственные приоритеты и национальные интересы*. – М., 2000. – С. 192.
- ¹⁵ См.: Service, R. *A history of twentieth-century Russia* // Penguin press. – 1997. – P. 32.
- ¹⁶ См.: Бьюкенен, Дж. *Мемуары дипломата*. – М. : Минск, 2001. – С. 113–114.
- ¹⁷ См.: Bartlett, C.J. *British Foreign policy...* – P. 140.
- ¹⁸ См. Ibid. – P. 141.
- ¹⁹ См.: Игнатъев, А.В. *Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.)*. – М., 1962. – С. 197.
- ²⁰ См.: Ерофеев, Н.А. *Очерки по истории Англии*. – М., 1959. – С. 216.
- ²¹ См.: Mac Kenzie, D. *Imperial dreams and harsh realities. Tsarist Russian Foreign Policy 1815–1917* // Harcourt Brace College Publishers. – 1994. – P. 176.
- ²² См. Ibid.
- ²³ Игнатъев, А.В. *Русско-английские отношения...* – С. 214.
- ²⁴ См. там же. – С. 216.
- ²⁵ См. там же. – С. 217.

И.Д. Котляров

РАЗДЕЛЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА И ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Под разделенными государствами мы понимаем де-факто и де-юре независимые государственные образования, имеющие общую историческую традицию легитимации суверенного статуса и восходящие к одному территориальному и/или этническому источнику. Сопряженными разделенными государствами мы будем называть такие государства, по крайней мере одно из которых не может (хотя и стремится) сформировать полноценную (как максимум – имперскую) государственность в отрыве от остальных разделенных государств этой группы. Традиций имперской государственности может быть несколько (национальная, историческая, религиозная и т.д.), и все они в той или иной пропорции делятся (расщепляются) между сопряженными разделенными государствами. По этой причине ни одно из сопряженных разделенных государств не может самостоятельно построить империю, так как не является единственным наследником имперской традиции и у него всегда будут конкуренты из числа сопряженных с ним разделенных государств. Наконец, отделенными государствами будем называть такие разделенные государства, контроль над которыми не является обязательным для формирования имперской государственности у других разделенных государств этой группы.

Очевидно, что при возникновении разделенных государств имперская традиция расщепляется в неравных пропорциях: одно из государств может унаследовать основную часть территории исконного проживания народа-носителя имперской традиции, хотя отдельные части этой территории могут перейти к другим разделенным государствам этой группы; другому государству достается историческая столица и/или исторические религиозные центры; третьему – наиболее важные экономические регионы, на которых основывалось благополучие прежней империи. Соответственно в группе разделенных государств, как правило (хотя и не всегда), можно выделить государство-лидера, которое остальные разделенные государства этой группы и внешний мир воспринимают как основного правопреемника имперской традиции, имеющего право, а нередко и возможность, претендовать на доминирование в своей группе, и прочие государства, которые могут пытаться конкурировать с лидером за первенство, могут стремиться войти в орбиту его влияния, или обособиться от него, или же быть объектом поглощения со стороны лидера (обычно в политике

этих государств указанные выше варианты геополитической стратегии сочетаются в той или иной форме).

Отдельно уточним, почему полноценной государственностью мы считаем имперскую: государство может эффективно защищать собственные интересы, устраняя противодействие других государств, только будучи долгосрочным глобальным лидером или входя в число глобальных лидеров. Специально добавим, что под империями мы понимаем государства, являющиеся ядром той или иной цивилизации в том смысле, который вкладывает в понятие «цивилизация» С. Хантингтон¹. Страны, не являющиеся долгосрочными глобальными лидерами, то есть не имеющие историко-географических предпосылок к долгосрочному доминированию, даже став благодаря выгодным экономико-политическим условиям на короткое время империями (в традиционном историческом понимании этого термина), не воспринимаются другими участниками геополитических процессов как долгосрочные лидеры и имеют тенденцию быстро утрачивать свой имперский статус. Примером может служить Испания, пытавшаяся быть лидером в XVI веке (от открытия Америки Христофором Колумбом в 1492 году до разгрома «Непобедимой Армады» в 1588 году²; после 1588 года Испания продолжала обладать огромной колониальной империей (здесь слово «империя» употреблено в территориальном, а не геополитическом смысле), но эта сеть колоний не служила опорой для имперского статуса Испании, она была всего лишь источником богатства). Наоборот, страны, имеющие историко-географические предпосылки к долгосрочному лидерству, продолжают восприниматься другими государствами как ключевые игроки мировой геополитики даже в эпоху крайнего ослабления суверенитета, например СССР и Россия в период 1989–2000 годов – от падения Берлинской стены до начала второй Чеченской кампании и прихода к власти В.В. Путина.

Как явствует из самих определений терминов «разделенные государства» и «сопряженные разделенные государства», страны, некогда бывшие частью одного государства, не обязательно являются сопряженными разделенными государствами, поскольку, помимо бывшего территориального единства, для вхождения в категорию разделенных государств необходимо также иметь общую имперскую традицию и желание ее продолжать. В качестве примеров разделенных несопряженных государств можно привести следующие страны:

1. Государства, ни по отдельности, ни в случае объединения не могущие претендовать на формирование имперского государства, как, например, Швеция и Финляндия, строящие «государство социального благополучия» и не стремящиеся к роли региональных, а тем паче глобальных лидеров. Иными словами, государства, не обладающие потенциалом долго-

срочного глобального лидерства и не имеющие имперской традиции (упрощенно говоря, расщепляться было нечему; даже если предшественники этих государств на короткое время становились региональными или глобальными державами, то к становлению имперской традиции это не привело). Такие государства имеют общие культурные традиции, сходные традиции политической и экономической организации общества, часто тяготеют к той или иной форме союза друг с другом, но не стремятся к слиянию в рамках одного государственного образования, то есть эти страны являются хотя и разделенными, но самодостаточными (автономными) и не нуждаются в объединении с другими представителями своей группы разделенных государств для достижения стоящих перед ними целей (поскольку такое объединение является необходимым лишь для построения имперской государственности, а именно эту цель данные государства перед собой не ставят).

2. Государства, для одного из которых строительство империи не требует обязательного объединения, несмотря на общность исторической традиции. Например, Китай и Тайвань (для строительства Китайской империи обладание Тайванем совершенно не обязательно) и Россия и Белоруссия (Российская империя вполне возможна и без Белоруссии). В этом случае одно из государств, возникших на территории государства-источника, получило лишь право на юридическую или, как Тайвань, фактическую независимость, но не на какую-либо часть имперской традиции и было вынуждено (или само решило), несмотря на формальную принадлежность к древней системе государственности, самостоятельно выстраивать собственную традицию легитимации своего суверенного статуса. Относясь, на первый взгляд, к китайской имперской традиции, восходящей, как минимум, ко временам Цинь Шихуанди (III в. до н.э.), Тайвань на самом деле с этой традицией фактически порвал и возводит свою легитимность к Синьхайской революции 1911 года. Аналогична ситуация с Белоруссией: при провозглашении независимости эта страна не унаследовала ничего от российской имперской традиции, и свою суверенную традицию ей приходится выстраивать заново. Очевидно, что в предложенных выше терминах Тайвань и Белоруссия по отношению к Китаю и России соответственно являются отделенными государствами. Отсюда следует еще одно определение отделенного государства: это государство, которое, возникнув вследствие распада предшествующей имперской традиции, от продолжения этой традиции отказывается и строит собственную традицию суверенитета, на нее не опирающуюся.

К неразделенным («самодостаточным») государствам мы будем относить страны, в которых в процессе территориального распада страны-источника не произошло расщепления суверенной традиции. Как правило,

это имеет место при распаде многонациональных государств, при этом каждый из составляющих его этносов имеет свою традицию легитимации суверенитета. При развале таких стран образовавшиеся новые национальные государства закрепляют за собой свою исконную форму суверенной традиции. И в силу достаточно существенных культурно-исторических различий, хотя и могут поддерживать добрососедские отношения друг с другом, не осознают себя членами некой исторической общности (территориальная общность происхождения этих государств не подкреплена историко-этнической общностью) и не нуждаются друг в друге для выстраивания собственной государственности, в том числе и имперской, благодаря наличию собственной – как имперской, так и неимперской – суверенной традиции. Именно поэтому эти государства не являются разделенными. В качестве примера можно привести Прибалтийские республики Латвию, Литву и Эстонию, которые после отделения от СССР не претендовали на наследование российской имперской традиции, они лишь восстановили свою, европейскую, традицию государственности. Россия же в свою очередь не нуждается в контроле над странами Балтии для выстраивания своей имперской государственности. Другим примером могут служить Индия и Великобритания: во время сосуществования в рамках единого государства – Британской империи – эти традиции были объединены (король Великобритании носил также титул императора Индии), но после распада каждая из стран-правопреемниц осталась со своей собственной традицией государственности – расщепления ни индийской, ни британской традиций не произошло.

В настоящее время, на наш взгляд, существуют три блока сопряженных разделенных государств потенциально имперского уровня (три расщепленные имперские государственные традиции):

Франция и Германия. Эти страны являются историческими преемниками империи Карла Великого, которая в свою очередь видела себя преемницей Западной Римской империи. Таким образом, эти государства имеют общую, восходящую к Риму традицию имперской легитимности, за право быть единственным наследником которой они вели практически постоянные войны с 843 года (Страсбургский договор о разделе империи Карла Великого между его внуками ³). Сейчас эти страны положили конец многовековой вражде и общими усилиями формируют новую совместную конфедеративную империю – Европейский союз (ЕС).

Формирование новой империи сопряжено с рядом трудностей. Очевидно, что оно наталкивается на противодействие других имперских государств, прежде всего США и России, не заинтересованных в появлении глобального конкурента на мировой политической арене (в качестве примера такого противодействия можно привести стремление России поста-

вить Европу в зависимость от поставок энергоносителей). Не заинтересованы в консолидации Евросоюза и ряд входящих в него стран из опасений чрезмерного усиления роли Франции и Германии. К таким странам относятся Великобритания и государства Восточной Европы, выбравшие в качестве ориентира своей политической деятельности не Францию и Германию, а США (можно вспомнить недавний раскол Европы по поводу войны в Ираке, когда Франция и Германия выступили против интервенции США, а Великобритания и Восточная Европа единодушно поддержали Америку и даже отправили контингенты своих войск в Ирак). Такая раскольническая позиция ряда государств-членов ЕС значительно подрывает консолидационный потенциал Евросоюза и замедляет процесс построения общеевропейской идентичности, который и так идет с большим трудом, что показывает провал референдума по европейской Конституции в 2005 году. Наконец, в самой Европе отсутствует единое видение будущего Евросоюза, при этом громоздкая брюссельская бюрократия занимается решением частных задач, не уделяя внимания стратегическим вопросам развития ЕС. Нет единства и по вопросам дальнейшего расширения. Например, большие опасения у европейцев вызывает возможность вхождения в состав ЕС Турции, тогда как совершенно очевидно, что, несмотря на все сложности, с которыми, вне всякого сомнения, будет связан процесс интеграции Турции в Европу, это могло бы стать уникальной возможностью объединения в рамках конфедеративного государственного образования всех основных территорий Римской империи и обеих восходящих к ней имперских традиций – западно-римской и византийской. Именно поэтому необходимым шагом для Брюсселя является поэтапная интеграция Турции в Евросоюз.

Насущной задачей франко-германской имперской политики, таким образом, является активное сопротивление попыткам США и России противодействовать консолидации Европы (в случае России, например, очевидной европейской стратегией должно быть требование расчленения «Газпрома» и присоединение России к Энергетической хартии, что избавит Европу от риска превращения поставок российских энергоносителей в энергетическое оружие). Евросоюз должен добиваться также изменения сепаратистской политики Великобритании и восточноевропейских государств. Очевидный приоритет при этом должен отдаваться воздействию на Великобританию в силу ее несоизмеримо более высокого по сравнению с Восточной Европой экономического и военно-политического статуса. Одним из вариантов может стать более глубокая интеграция Великобритании в Евросоюз через ее присоединение к зоне Евро. Если таковая интеграция невозможна, хотя вероятность этого довольно велика, поскольку Великобритания обладает собственной «морской» имперской традицией, отличной от европейской «континентальной», а Восточная Евро-

па всегда была источником нестабильности для всех формально контролировавших ее государств ⁴, то Франции и Германии следует сосредоточиться на выстраивании конфедеративной империи без Великобритании и Восточной Европы (Великобритания в этом случае переходит под контроль США, а страны Восточной Европы станут буфером между Евросоюзом и Россией). Другим вариантом может стать негласное содействие Франции и Германии шотландскому националистическому движению, которое стремится к провозглашению независимости Шотландии и вхождению ее в состав ЕС и в зону Евро. В этом случае экономическое и военнополитическое положение Великобритании будет подорвано. Она лишится как расположенных на шотландском шельфе нефтяных месторождений, так и базы подводных лодок с ядерными ракетами в Шотландии, что в перспективе может повлечь к отказу Великобритании от ядерной программы и тогда единственной страной в Европе, обладающей ядерным оружием, станет Франция ⁵. Великобритания лишится также общевеликобританской национальной идентичности. В итоге Соединенное Королевство утратит всякий вес на международной арене и не сможет эффективно препятствовать консолидации Европы под эгидой Франции и Германии.

Разумеется, к насущным задачам также относятся строительство общеевропейской идентичности и оптимизация работы общеевропейских властных структур, а в идеале – создание европейского центрального правительства.

Сильным ходом со стороны Евросоюза могла бы также стать интеграция в Европу Израиля. Его сильная армия, мощная экономика, богатый интеллектуальный потенциал были бы весьма полезны для Европы, которая в таком случае распространила бы свое влияние и на христианскую Святую землю, что крайне важно с геополитической точки зрения: Европейский союз объединил бы под своей эгидой как все исконно христианские земли, что стало бы дополнительной опорой для европейской государственности, имеющей христианские корни, так и одновременно основные территории бывшей Римской империи, став таким образом ее территориальным преемником и дополнительно подтвердив свои претензии на преемственность по отношению к римской государственной традиции. Однако такое развитие таит в себе и большие опасности: Европейский союз окажется непосредственным участником арабо-израильского конфликта, что чревато ростом политической нестабильности для Европы. Особенно это опасно сейчас, когда процесс развития объединенной европейской конфедеративной империи только начинается и идет с большими трудностями. Евросоюз в этом случае в еще большей степени будет вынужден считаться с мнением проживающего в нем мусульманского, а точнее арабского, меньшинства. Приход же Европы в Палестину будет с высокой

степенью воспринят арабами как продолжение Крестовых походов со всеми вытекающими из этого последствиями.

Россия и Украина. Обе эти страны видят себя наследницами Древнерусского государства – Киевской Руси, претендуя таким образом на историческую традицию имперской легитимности. И в этом Украина имеет известное преимущество перед Россией: столица Древнерусского государства – Киев – является столицей и современной Украины, тогда как второй центр Древней Руси – Новгород – не играет в современной России какой-либо важной политико-экономической роли, а рассматривать в качестве его правопреемника Санкт-Петербург было бы чрезмерной натяжкой.

Украина и Россия являются также и претендентами на религиозную традицию легитимности: Киев был православным центром Руси вплоть до середины XIV века, но именно Московский предстоятель стал Патриархом в конце XVI века. Сейчас этот спор принял форму раскола между Русской и Украинской (непризнанной и раскольнической) православными церквами.

Наконец, только Россия может претендовать на преемственность от римской имперской традиции через Византию (через Софию Палеолог, племянницу последнего византийского императора, ставшую женой Московского князя Ивана III (1462–1505) и матерью его наследника).

Таким образом, после развала Советского Союза традиции российской имперской легитимности оказались раздроблены между Россией и Украиной. При этом Россия желает быть империей в долгосрочной перспективе. На ее стороне историческая (Россия всегда была независимым и значительную часть своей истории имперским государством), географическая (большая географическая протяженность и исключительное богатство природных ресурсов), религиозная (Россия всегда, за исключением коммунистического периода своей истории, сохраняла верность православию и продолжительное время выступала его хранительницей и защитницей православных народов) и национальная (большинство населения страны русские, при этом другие народы, составляющие неотъемлемую часть России, имеют возможность, осознавая себя россиянами, хранить свою национальную культуру) традиции. Кроме того, Россия через Золотую Орду является преемницей азиатских традиций государственности, будучи таким образом не европейской, а евразийской империей.

Украина же не может претендовать на имперский статус: большую часть «украинского» периода своей истории, условно с середины XIV века, времени оккупации этих территорий Литвой и Польшей, она входила в другие государства и не обладает собственной имперской традицией, ее экономико-географическое (зависимость от поставок энергоносителей) и этно-географическое (четкое разделение страны на русский Восток

и украинский Запад) положение также ограничивает ее геополитический потенциал. Украина отказалась от православной традиции, заключив унию с католической церковью в Бресте в 1596 году и учредив раскольническую Украинскую православную церковь Киевского Патриархата после провозглашения независимости в 1991 году. Наконец, Украина отказалась от своей русской («малороссийской») идентичности и стала искусственно выстраивать собственное украинское национальное самосознание ⁶, построенное прежде всего на противостоянии России (из недавних событий вспомним перевод на украинский русских фамилий (sic!) или же признание Голодомора геноцидом). Украина использует свою часть российского имперского наследия исключительно и только для выстраивания собственной неимперской государственности, для легитимации своих прав на независимость, ослабляя таким образом общероссийскую имперскую традицию. При этом Россия не может стать империей, не подчинив себе Украину: российская имперская традиция расщеплена между Россией и Украиной, и строительство российской «либеральной империи» нуждается в повторном объединении этой традиции в рамках единого государственного (или надгосударственного) образования. Теоретически можно было бы предположить вероятность того, что лидером такого объединения пожелает стать Украина (и тогда Россия займет подчиненное положение), но у Украины для этого не хватит ни экономических, ни, как было показано выше, историко-геополитических ресурсов, да и цели, заявленные в политике этой страны, предполагают направление на интеграцию не с Россией, а с Европой. Таким образом, инициатором и локомотивом строительства этого гипотетического (над)государственного образования должна стать Россия. Следует отметить, что на данном этапе исторического развития подчинение Украины является для России не просто вопросом строительства империи ⁷, но вопросом сохранения своего суверенного статуса: без контроля над Украиной России угрожает опасность скатывания на уровень государства с ограниченным суверенитетом (наподобие других осколков бывших империй – например, Австрии), что в условиях сильного ослабления экономики и политики России угрожает самым основам российской государственности.

Из этого с необходимостью следует вывод о незамедлительном вовлечении Украины в российскую зону влияния, разумеется используя только мирные средства. Идеальным вариантом было бы создание конфедеративного Российско-Украинского государства с его возможной последующей централизацией. Путем к этому могло бы быть дальнейшее развитие единого экономического пространства с более плотной экономической привязкой Украины к России и с поэтапным переходом от исключительно экономического к политическому сотрудничеству. Однако с учетом доста-

точно сильной националистической настроенности украинской правящей верхушки нельзя исключать, что России придется прибегнуть и к более жестким средствам воздействия: от установления экономической зависимости Украины от России через блокирование поставок газа, что станет возможным после завершения строительства Северо-Европейского газопровода, до негласного содействия развалу Украины на Восток, включая Киев и Крым, и Запад с вхождением восточно-украинских областей в состав Российской Федерации в качестве отдельных субъектов.

Напротив, первоочередной задачей других имперских государственных образований, не заинтересованных в усилении России, является оказание поддержки независимости Украины (точнее, независимости Украины от России) и активное противодействие попыткам России установить контроль над Украиной.

Политика же Украины в принципе может развиваться в разных направлениях. Важнейшим препятствием для становления Украины как самостоятельного государства следует признать раскол страны на русскоязычные (и российско-ориентированный Восток) и украиноязычный (европейско-ориентированный Запад). Украина представляет собой редкий пример государства, в пределах которого сталкиваются две этнотектонические плиты – евразийская и римско-европейская. Соответственно приоритетной задачей Украины как суверенного государства является выстраивание украинской национальной идентичности, объединяющей всех ее жителей независимо от родного языка и национального происхождения. Если такая идентичность не будет выстроена, этнолингвистический раскол страны вполне может трансформироваться в раскол территориально-политический и аннексией украинских земель Россией и Евросоюзом (не будем забывать о вероятности того, что содействие такому расколу может оказываться и извне, в том числе и из России). Впрочем, следует отметить, что постепенно происходят позитивные для Украины подвижки в построении этой идентичности.

Кроме того, Украина должна наращивать свою сырьевую независимость, что, впрочем, представляется крайне затруднительным, поскольку основными поставщиками газа на Украину являются Россия и Туркмения, причем экспортные объемы туркменского газа уже выкупаются «Газпромом» и Украина на них претендовать не может, то есть фактически Россия превратилась в единственного поставщика газа. К тому же если сейчас у России нет технической возможности отключить Украину от газоснабжения, так как при полном прекращении подачи газа пострадают прежде всего европейские потребители, а при частичном Украина будет воровать газ из объемов, предназначенных для Европы, то после ввода в строй Северо-Европейского газопровода ситуация полностью изменится: Украина

перестанет быть транспортным монополистом по поставкам российского газа в Европу и можно будет прогнозировать возможность приостановки снабжения ее газом в случае возникновения политических разногласий между Россией и Украиной, закупать же газ у других поставщиков она не сможет по причине слишком высокой цены (Россия продолжает поддерживать льготные цены) и критичные для Украины металлургические производства окажутся убыточными, не говоря уже о взрывном росте социального недовольства, который неизбежно произойдет при переходе к другому поставщику и резком повышении цен на газ. Таким образом, Украина оказывается в геоэкономическом тупике. С одной стороны, ей необходимо стать независимой от поставок газа из России, с другой – по экономическим и техническим причинам это невозможно. Без решения же данной проблемы Украина не сможет построить собственную полноценную государственность.

Великобритания и США. Обе эти страны являются частью англосаксонской протестантской атлантической традиции и обе в разное время пытались претендовать на мировое господство (на наш взгляд, Великобритании нельзя считать частью европейско-римской этнотектонической плиты, хотя, разумеется, принадлежность Соединенного Королевства к европейской цивилизации бесспорна; Великобритания и США формируют отдельную этнотектоническую плиту – атлантическую). Как нам кажется, стать глобальной империей эти государства смогут только вместе. США обладают необходимыми политическими и экономическими ресурсами, Великобритания же, при всей своей обособленности, также может претендовать (хотя и очень косвенно) на причастность к западноевропейской (римской) имперской и христианской традиции. Получив свой плацдарм в Европе в виде Великобритании, США смогут также приобщиться к этой традиции и получить возможность для легитимации – как исторической, так и религиозной – своего имперского статуса. Великобритания к тому же достаточно сильно отстоит от остального Евросоюза, где на лидерство претендуют прежде всего Франция и Германия, и для нее естественным шагом было бы объединить усилия не с чуждым ей Евросоюзом, а с близкой по духу англосаксонско-протестантской страной – США. Как нам кажется, в ближайшее время следует ожидать все большего и большего отдаления Великобритании от Европы и вовлечения ее в орбиту США.

Соответственно естественной политикой Великобритании была бы стратегия, обратная описанной выше предполагаемой стратегии Франции и Германии, а именно: отказ от включения Британии в зону Евро, противодействие попыткам отделения Шотландии, поддержание курса на приоритетность связей с США, а не с Европой.

Пока трудно строить прогнозы, в какой конкретной форме может состояться объединение США и Великобритании. В настоящее время международный статус Великобритании отличается определенной двусмысленностью: будучи мощной экономической и военной державой, одним из немногих официальных обладателей ядерного оружия, лидером Британского Содружества Наций, она в то же время довольно давно стала сателлитом США и поддерживает Америку при принятии всех стратегических решений. Можно предполагать, что в случае весьма вероятного отделения Шотландии, которое способно подорвать экономическую мощь Великобритании и лишить ее обладания ядерным оружием, США предпримут все меры, чтобы поставить Великобританию под свой контроль вплоть до размещения на ее территории собственных военных баз, включая базы носителей ядерного оружия. Разумеется, вряд ли будет идти речь о политическом объединении США и Великобритании, но де-факто Соединенное Королевство в этом случае станет американским протекторатом, а США – полноценной атлантической империей. Если же отделения Шотландии не произойдет, то США будут стремиться наращивать свое экономическое и политическое влияние на Великобританию. США и Великобритания будут совместно противодействовать попыткам интегрировать Соединенное Королевство в Европейский союз и в зону Евро, как и стремлению России закрепиться в Великобритании (достаточно вспомнить недавнюю попытку «Газпрома» приобрести газораспределительную компанию в Великобритании, закончившуюся провалом).

Можно также рассмотреть еще Корею, Индию, Пакистан и Арабские страны. Вне всякого сомнения, Северная и Южная Корея представляют собой сопряженные разделенные государства: без объединения они не смогут стать серьезными игроками на мировой политической арене. Южная Корея будет обречена оставаться, как и Япония, экономическим гигантом и политическим карликом, тогда как Северная Корея, по крайней мере при условии отсутствия радикальных политических и экономических реформ, станет государством-изгоем с мощным военным потенциалом и с перспективой обладания ядерным оружием. Однако даже в случае объединения она вошла бы в зону влияния Китая, России или США и не смогла бы претендовать на роль глобального политического лидера. Именно поэтому она не была включена в предложенный выше список сопряженных разделенных государств с имперским потенциалом.

Ситуация с Индией и Пакистаном представляется более сложной. С одной стороны, эти государства были сформированы по религиозному признаку (индуизм и ислам соответственно), поэтому речь может идти о самостоятельных государственных традициях. Кроме того, Индия является самостоятельным цивилизационным центром, тогда как Пакистан

тяготеет к исламской цивилизации. С другой стороны, обе эти страны связаны с индийской традицией государственности, что предполагает наличие сильной геополитической зависимости между ними, хотя и, по всей вероятности, недостаточной для признания их сопряженными разделенными государствами; тем не менее, отдельные признаки сопряженности просматриваются, что вкупе с наличием неурегулированных территориальных споров между Индией и Пакистаном ослабляет позицию этих стран (прежде всего Индии; Пакистан намного менее стабилен политически и значительно слабее в военном отношении) как потенциальных глобальных лидеров.

Арабские страны представляют собой группу разделенных государств, восходящих к единой халифатско-исламской имперской традиции. Ни одна из них сейчас в одиночку не может претендовать на глобальное лидерство; лидером в своей группе можно считать Египет. Сопряженными государствами, на наш взгляд, являются Египет, Сирия и Саудовская Аравия. Именно эти страны аккумулируют основную часть арабской имперской традиции: они включают в себя исконную территорию проживания арабского этноса, находятся в геополитически важном регионе и обладают большей частью ресурсов арабского мира, на их территории находятся основные святыни ислама. Эти страны смогли бы восстановить арабскую империю в форме более или менее традиционного халифата, если бы объединение проходило под эгидой Саудовской Аравии или современной более или менее жесткой управляемой демократии и если бы локомотивом объединения стал Египет. Сирия ввиду нехватки ресурсов на лидерство в гипотетическом панарабском проекте претендовать не может. Тем не менее, в силу больших различий в политических целях и уровне развития общества такое объединение следует считать крайне маловероятным, что подтверждается провалом предыдущей попытки объединения в 1958–1961 годах созданием Объединенной Арабской Республики на основе Египта и Сирии. Следовательно, арабская имперская традиция будет пребывать расщепленной, а арабский мир вряд ли в обозримом будущем сформирует традиционный геополитический центр силы. В настоящий момент арабо-исламская цивилизация пытается выстроить центр силы альтернативного – сетевого террористического – типа, но пока трудно спрогнозировать, насколько эта попытка окажется успешной.

Вывод из всех этих наблюдений довольно неожиданный: единственным из потенциальных мировых центров силы с нерасщепленной имперской традицией является Китай (Тайвань не унаследовал ничего от китайской имперской традиции; легитимность Тайваня основывается на традициях Синьхайской революции 1911 года и Гоминьдана, но никак не на имперской традиции Китая). С учетом бурного экономического роста Ки-

тая и наличия диаспор во всем мире это ставит Пекин в выигрышное геополитическое положение по сравнению с другими потенциальными империями. Остальные империи для эффективного противостояния натиску Китая на мировой арене нуждаются в незамедлительной интеграции. По сути дела, сейчас можно наблюдать два процесса: консолидацию евроцентричных имперских государств и экономико-технологический рост Китая. Без такого роста у Китая нет шансов создать современную армию, способную эффективно противостоять внешним угрозам. У евроцентричных империй есть большой технологический задел, над ликвидацией которого работает Китай. У Китая есть нерасщепленная имперская традиция, империи же Европы сейчас пытаются консолидировать свои. Кто выйдет победителем из этой гонки, тот и окажется долгосрочным политическим лидером мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М. : АСТ, 2003.

² См.: Дэвис, Н. История Европы. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2006.

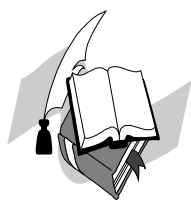
³ См. там же.

⁴ Вишне夫斯基, Р. Восточная Европа – Троянский конь мировой геополитики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rvish.chat.ru/Troja.htm>.

⁵ См.: Кокшаров, А. Разъединенное королевство // Эксперт. – 2007. – № 14.

⁶ См.: Орлов, А. Украинская матрица. Перезагрузка. – М. : Поколение, 2006.

⁷ Бжезинский, З. Великая шахматная доска. – М. : Международные отношения, 1999.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И.М. Шеина

ОПЫТ КРОССЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ С ДОМИНАНТОЙ «ЧЕЛОВЕК»

Предлагаемая нами методика и результаты кросслингвистического анализа русских и английских единиц, обозначающих человека в разных аспектах его существования и являющихся частичными эквивалентами в двух языках, может способствовать решению двух актуальных в настоящее время проблем. Во-первых, она открывает для исследователя один из каналов проникновения в культурную картину мира народа, раскрывая его отношение к важным культурным ценностям, в данном случае к человеческой личности. Во-вторых, проведенный нами анализ позволил выявить семантические и концептуальные механизмы, используемые языком для «высветления» или усиления роли отдельных признаков в семантической структуре слова, а также «затемнения» других признаков.

Прежде чем перейти к описанию нашего исследования приведем результаты концептуального анализа концептов «человек» и «личность» в русском языке, проведенного Р.И. Розиной в работе «Человек и личность в языке», опубликованной в книге «Логический анализ языка» (М. : Наука, 1991). По ее мнению, содержание, вкладываемое носителями русского языка в слово «человек», шире, чем его словарные дефиниции. Автор выделяет следующие концептуальные характеристики человека:

- обладает способностью воздействовать на предметы;
- может быть субъектом интеллектуальных и творческих действий;
- обладает даром речи;
- может быть субъектом и объектом физических и социальных действий;
- может испытывать эмоции;
- обладает рядом этических норм;
- способен себя полноценно проявить только в обществе себе подобных.

Кроме того, слово «человек» до сих пор во многих контекстах ассоциируется с мужчиной.

Слово «личность», по результатам анализа Р.И. Розиной, соотносится со словом «человек» как видовое понятие с родовым. Личность – это человек как носитель каких-либо свойств и человек как член общества, это совокупность духовных и социальных свойств человека. Функционирование слова «личность» ограничено научными и общественно-политическими контекстами. При оценке личности учитывается факт полной реализации индивидуальных особенностей человека в социуме, при оценке человека – соответствие этическим нормам. Таким образом, слово «человек» является центральным словом языка и служит фоном для представления других слов, принадлежащих к данной лексико-семантической группе.

Соглашаясь в последнем выводе Р.И. Розиной, отметим, что проведенный нами анализ до некоторой степени опровергает тезис о недостаточной содержательности словарных дефиниций.

Методика кросслингвистического анализа синонимических рядов с доминантой «человек» включает следующие этапы:

1. Выявление семантических признаков, общих для синонимического ряда в одном языке.
2. Выявление семантических признаков, отличающих каждую отдельную единицу ряда.
3. Кросслингвистическое сопоставление рядов с целью выявления различий в распределении семантических признаков между единицами в разных языках.
4. Подбор контекстов, иллюстрирующих наиболее частотные случаи употребления каждой единицы.

5. Перевод русских контекстов на английский язык и английских на русский.

6. Анализ переводческих решений с точки зрения подбора эквивалента в рамках синонимического ряда и реализации необходимых для данного контекста семантических признаков.

Для анализа были выбраны в основном контексты, приводимые в русских и английских толковых словарях, а также в англо-русских и русско-английских словарях, где обычно приводятся наиболее частотные случаи употребления единицы, лишенные авторской интерпретации. Реализуемые в контексте признаки сопоставлялись с результатами компонентного анализа словарных дефиниций.

Анализируя семный состав значений отобранных единиц, мы пришли к выводу о необходимости применения несколько отличающейся от общепринятой классификации признаков. Принятая нами классификация выглядит следующим образом:

- интегрирующий признак, включающий конкретизирующие признак семы;
- различительные признаки для каждой единицы;
- противопоставляющие признаки, высвечивающие те семы, которых у данной единицы быть не может (показаны со знаком «-»);
- нерелевантные признаки, которые никогда не реализуются в контекстах;
- имплицитные признаки.

Интегрирующим признаком для каждого ряда является признак «человек» или «*homo sapiens*», который в свою очередь раскладывается на ряд конкретизирующих сем. В таблице 1 приводятся результаты сопоставительного анализа слов «человек» и «*man*» в значении «*homo sapiens*». Здесь необходимо отметить, что, по данным английских и русских толковых словарей (Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова и *Oxford English Dictionary*), для русского слова «человек» это значение является главным, в то время как для английского слова «*man*» это значение в данное время является менее употребительным, чем значение «мужчина». Вместе с тем имплицитно сема «*male*» присутствует и в значении русского слова.

Таблица 1

Сопоставительный анализ слов «человек» и «*man*»
в значении «*homo sapiens*»

<i>Вид признака</i>	<i>Английское слово «man»</i>	<i>Русское слово «человек»</i>
Интегрирующий конкретизирующие семы	<i>Homo sapiens</i> – живой – речь	<i>Homo sapiens</i> – живой – речь

	– абстрактное мышление – способность создавать	– абстрактное мышление – способность создавать
Различительные	Свойства личности Любой Мужской пол	Свойства личности Любой
Имплицитные		Мужской пол

На первый взгляд семантические структуры этих двух единиц почти одинаковы. Однако анализ контекстов и их перевод показывает, что сема «мужской пол» значительно сильнее проявляется у английской единицы даже в значении «*homo sapiens*», тем более что, как уже говорилось выше, в этом значении английское слово сейчас употребляется редко. Вместе с тем сема «свойства личности» чаще реализуется у русской единицы «человек».

Для анализа были выбраны в основном контексты, приводимые в русских и английских толковых словарях, а также в англо-русских и русско-английских словарях, так как в словарях обычно приводятся наиболее частотные случаи употребления единицы, лишенные авторской интерпретации. Русские контексты со словом «человек» и их переводы на английский язык можно сгруппировать следующим образом.

Первая группа включает употребление слова «человек» в философском, историческом, культурологическом контексте:

Человек разумный.	<i>Homo sapiens</i> .
Человек – разумное существо.	Man is a rational being.
Первобытный человек.	Primitive (pre-historic) man.
Биологическая природа человека.	Man's (a human being's) biological features.
Духовный мир человека.	A person's spiritual world.
Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.	I am human and I'm not devoid of any human features.
Человек отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью...	A human being is different from an animal as he/she possesses reason and will, moral values and conscience...

Как видим, английское слово «*man*» все еще сохраняет семантическое ядро «*homo sapiens*», но во многих случаях его заменяет единица «*human being*» и реже слово «*person*». В таблице 2 приведем для сравнения семный состав этих слов.

Таблица 2

Сопоставительный анализ слов «человек» и «human being»
в значении «homo sapiens»

<i>Вид признака</i>	<i>Английское слово «human being»</i>	<i>Русское слово «человек»</i>
Интегрирующий конкретизирующие семы	Homo sapiens – живой – речь – абстрактное мышление – способность создавать	Homo sapiens – живой – речь – абстрактное мышление – способность создавать
Различительные		Свойства личности Любой
Имплицитные		Мужской пол
Противопоставляющие	– божественная сущность – сверхчеловеческая сущность – животное	

Согласно словарной дефиниции в единице «human being» не выражена сема «мужской пол», но высвечивается противопоставление человека боже-ству или иной сверхчеловеческой сущности. Анализ контекстов в то же вре-мя показывает, что «human being» противопоставлен также и животному (см. последний пример), поэтому в список противопоставляющих сем мы доба-вили еще один противопоставляющий признак «– животное». Таким об-разом, в английской единице «human being» «человек» предстает в первую очередь как совокупность чисто человеческих духовных и биологических характеристик. Именно этим объясняется использование этой единицы в приведенных выше контекстах для перевода русского слова «человек».

Сопоставим теперь единицу «человек» с единицей «person» (см. табл. 3).

Таблица 3

Сопоставительный анализ слов «человек» и «person»
в значении «homo sapiens»

<i>Вид признака</i>	<i>Английское слово «person»</i>	<i>Русское слово «человек»</i>
Интегрирующий конкретизирующие семы	Homo sapiens – живой – речь	Homo sapiens – живой – речь

	– абстрактное мышление – способность создавать	– абстрактное мышление – способность создавать
Различительные	Свойства личности Любой	Свойства личности Любой
ИмPLICITные		Мужской пол
Нерелевантные	Пол Возраст	
Противопоставляющие	– неодушевленный объект – животное	

Наличие у слова «person» признака «свойства личности», а также нерелевантность пола и возраста и противопоставление неодушевленным объектам и животному миру обусловило его использование для перевода слова «человек» в контексте «духовный мир человека».

Эти же признаки реализуются в переводах второй группы контекстов, где «человек» используется в значениях «носитель каких-нибудь внутренних качеств, свойств личности», «обладатель лучших моральных и интеллектуальных свойств» (Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова). Однако, помимо слова «person», в ряде контекстов вполне уместно переводить русское слово «человек» в зависимости от пола словами «man» и «woman». Выбор единицы в данном случае будет зависеть от более широкого контекста.

Ученый человек.	A learned person (man).
Человек с большой буквы.	A person of high moral standards (man of men).
Обыкновенный человек.	An ordinary/average man (woman).
Красивый человек, рослый человек.	A handsome man/ a beautiful woman; a tall man/woman.
Ему ничего не стоит обидеть человека.	He thinks nothing of hurting a person's feelings.
Человек не должен ронять себя.	A human being (person) should never lose self-respect.
Служил он у нас и был человек честный и непьющий.	We worked together, and he was an honest man, not a drunkard..
Человек с характером.	A strong-willed person.
Человек настроения.	A person of many moods.

Рассмотрим ряд примеров перевода слова «man» с английского языка на русский. Мы выбирали только те контексты, в которых сема «мужской пол» не реализуется явно в английском слове «man».

Man must change in a changing world. Человек меняется в меняющемся мире.

We'll send a man to look at your phone tomorrow. Мы пришлем кого-нибудь проверить ваш телефон.

The man in the street. Человек с улицы.

The television reporter interviewed the man in the street about the elections. Телерепортер интервьюировал людей на улицах по поводу выборов.

A man of one's word. Человек слова.

No man can be sure that it has the same appearance to him as it has to another man. (Контекст датирован 1764 г.) Никто не может быть уверен, что его восприятие совпадает с восприятием другого человека.

Inward man, outer man. Духовная сфера человека, физическая сфера человека.

Man lives in almost all parts of the earth. Человек населяет почти всю территорию Земли.

Как видим, помимо интегрирующей семы «homo sapiens» в этих контекстах реализуется сема «любой». В этом случае перевод «человек» также адекватен, но часто «man» в этом значении переводится как «никто, кто-то».

Рассмотрим английские контексты с концептом «person» и их переводы на русский язык.

There was just one person in the restaurant. В ресторане сидел только один человек.

No one may carry a concealed weapon on his or her person without a license. Никто не имеет права носить при себе оружие без лицензии.

Would you call a week-old baby a person? Вы назвали бы младенца, которому неделя от роду, личностью?

I like her as a person, but not as a secretary. Она нравится мне как человек, но не как секретарь.

Any person wishing to lodge a complaint should contact the manager in writing. Желающие подать жалобу должны обратиться к менеджеру с письменным заявлением.

Переводы ясно показывают, что в контекстах реализуются такие семантические признаки концепта, как «нерелевантность пола и возраста», «уникальные свойства личности» и «любой». В случае явной реализации первого из перечисленных признаков адекватным переводом является русское слово «человек», при «высветлении» семы «свойства личности» «person» переводится как «личность», если же в контексте в фокус попадает сема «любой», то слово «person» не переводится как отдельная единица. В этом случае его семантические признаки включаются в обобщающую единицу русского языка («any person wishing» – «желающие») или перевод осуществляется за счет адекватных местоимений («on his person» – «при себе»).

Кросслингвистическое сопоставление других единиц данной синонимической группы приводится в таблицах 4 и 5.

Таблица 4

Сопоставительный анализ слов «личность» и «personality»
в значении «homo sapiens»

<i>Вид признака</i>	<i>Английское слово «personality»</i>	<i>Русское слово «личность»</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Интегрирующий конкретизирующие семы	Homo sapiens – живой – речь – абстрактное мышление – способность создавать	Homo sapiens – живой – речь – абстрактное мышление – способность создавать

Окончание таблицы

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Различительные	Свойства личности	Свойства личности
Нерелевантные	Пол Возраст	Пол Возраст

Анализ контекстов, однако, в отличие от анализа словарных дефиниций показывает, что эти слова не всегда являются эквивалентами.

She has a warm, lively personality.

Она – теплый, живой человек.

He is fun to be with, because he has a lot of personality.

С ним интересно, он – очень яркая личность.

The drug changed her whole personality.

Наркотик очень сильно (до неузнаваемости) изменил ее личность.

Роль личности в истории.

The role of an individual in his-

Подозрительная личность, светлая личность.	tory. Suspicious (suspicious-looking) person, pure soul.
Переходить на личности.	Become personal.

Как видим, русское слово «личность» может быть эквивалентно трем английским единицам: «personality», «person», «individual».

Таблица 5

Сопоставительный анализ слов «индивид» и «individual»
в значении «homo sapiens»

<i>Вид признака</i>	<i>Английское слово «individual»</i>	<i>Русское слово «индивид»</i>
Интегрирующий конкретизирующие семы	Homo sapiens – живой – речь – абстрактное – способность	Homo sapiens – живой – речь – абстрактное мышление – способность создавать
Различительные	Единичный Уникальный	Единичный Уникальный
Нерелевантные	Пол Возраст	Пол Возраст
Противопоставляющие	– другие homo sapiens	

Будучи заимствованием из английского языка, русское слово «индивид», судя по словарной дефиниции, имеет тот же самый набор семантических признаков. Однако анализ контекстов показывает, что в ряде случаев эквивалентом английской единицы являются исконные слова «личность» и «человек».

Three individuals walked away from the crowd.	Три человека отошли от толпы.
The rights of an individual are perhaps the most important rights in a free society.	Права личности, вероятно, самые важные права в свободном обществе.
Do social pressures make it hard for us to become individuals?	Давление со стороны общества затрудняет процесс становления личности?
A bad-tempered individual.	Человек с дурным характером.

Два других эквивалента – «individuality» и «индивидуальность» – демонстрируют свою эквивалентность по контекстуальному употреблению, хотя словарные дефиниции показывают несколько разный набор семантических признаков.

Таблица 6

Сопоставительный анализ слов «индивидуальность» и «individuality» в значении «homo sapiens»

<i>Вид признака</i>	<i>Английское слово «individuality»</i>	<i>Русское слово «индивидуальность»</i>
Интегрирующий конкретизирующие семьи	Homo sapiens – живой – речь – абстрактное мышление – способность создавать	Homo sapiens – живой – речь – абстрактное мышление – способность создавать
Различительные	Единичный Уникальный Член общества	Единичный Уникальный
Нерелевантные	Пол Возраст	Пол Возраст
Противопоставляющие	– другие homo sapiens	

Her individuality shows in her colorful scarves and interesting jewelry. Ее индивидуальность проявляется в том, что она носит яркие шарфы и интересные украшения.

A dull woman, who lacks individuality. Скучная женщина, лишенная индивидуальности.

Кросслингвистический концептуальный анализ показывает, что у концептов, являющихся частичными эквивалентами в двух языках, происходит «высветление» различных семантических признаков. Суммировав результаты анализа, мы можем показать различные тенденции в развитии семантических структур единиц данного участка семантического пространства.

У концепта «man» происходит усиление семантического признака «male» и изменение экстенционала: часть объектов, получавших ранее

означивание этой единицей, теперь обозначается словом «woman». Кроме того, у этой единицы усиливается семантический признак «любой», что можно считать абстрактивизацией лексического значения или даже его грамматикализацией.

В связи с изменениями в семантике «man» у других концептов также происходят изменения, которые можно назвать компенсирующими. Так, у «human being» усиливается основной интегрирующий признак «homo sapiens» и противопоставляющие признаки «–божественная сущность», «–сверхчеловеческая сущность» и «–животное», то есть утверждается идея человека именно как носителя общечеловеческих признаков.

У концепта «person» усиливается основной интегрирующий признак «homo sapiens», а также семантические признаки «любой» и «свойства личности». Интересно, что усиление семы «любой» происходит, по-видимому, по аналогии с синонимом «man» (радиация синонимов), а «высветление» семы «свойства личности» – как компенсация ослабления этой семы у концепта «man».

Перераспределение семантических признаков между английскими единицами, по-видимому, связано с изменением отношения к слову «man» в культурно-концептуальной картине мира под влиянием «политической корректности». Вынужденно избегая употребления этого слова в таких контекстах, где это могло бы быть расценено как «сексизм» или «мужской шовинизм», носители языка прибегают к другим единицам. В результате неизбежно происходят изменения в семантике всей синонимической группы.

У русских концептов тенденции развития значений можно суммировать следующим образом. Во-первых, здесь уместно упомянуть о том, что на предыдущем этапе вышло за рамки нашего исследования.

У слова «человек» стало устаревшим значение «слуга, официант», то есть значение с уничижительной коннотацией. В основном значении произошло усиление признаков «homo sapiens» и «свойства личности», что привело к значительным отличиям семантической структуры этого концепта от английского «man».

У концепта «личность» по сравнению с английским «personality» происходит усиление признака «социальное существо», что проявляется в таких контекстах, как «личность и общество», «права личности». В сопоставлении с другими частичными эквивалентами русский концепт «личность» отличает отсутствие семы «любой», присутствующей у ан-

глийской единицы «person», и наличие признака «свойства личности», отсутствующего у английского концепта «individual».

Усиление таких признаков, как «свойства личности» и «социальное существо» также можно объяснить изменениями в культурной картине мира носителей языка.

Динамика российской культуры на протяжении последних двух десятилетий приводит к повышению самосознания личности, усилению индивидуализма. Об этом свидетельствуют и не-которые заимствования из английского. Так, одним из недавних заимствований стало придание слову «идентичность» нового значения под влиянием английского слова «identity» – «самосознание, самоопределение личности».

Таким образом, предлагаемая нами методика кросслингвистического анализа, сочетающая семантический и концептуальный подходы к единице языка, позволяет выявить динамику изменений в ценностно-отношенческих установках культурной картины мира народа – носителя определенного языка.

Кроме того, она помогает раскрыть те языковые механизмы, в которых эти изменения проявляются. Как показало наше исследование, таким механизмом, в частности, является перераспределение семантических признаков между единицами определенного участка лексико-семантического поля под влиянием изменений в семантике одной из них.

А.В. Сафронов

**«ПРАВДА БЕЗ ПРИКРАС» В ЖАНРЕ «ПУТЕШЕСТВИЙ»
И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЛИСТИКЕ
«ИЗ ЖИЗНИ ОТВЕРЖЕННЫХ»**

Проблемы преступности в России вплотную заинтересовали широкую общественность начиная с середины XIX века. Это связано было с реформами императора Александра Второго, в том числе и судебной реформой. Интерес вызывали многие вопросы: рост преступности в народной среде, причины преступлений и их последствия, эффективность системы наказаний, условия тюремного быта, причем возникали они в контексте раздумий об исторической судьбе русского народа, о будущем России.

В 1860–1861 годах Ф.М. Достоевский опубликовал первые главы «Записок из Мертвого дома». Эта книга впервые глубоко и масштабно на конкретном жизненном материале познакомила читателей с судьбой целой категории людей, впервые общественность получила возможность заглянуть в один из неведомых уголков русской жизни. Среди последователей Ф.М. Достоевского, которых беспокоило состояние в России судебного дела, тюрем, ссылки и каторги, были С. В. Максимов («Сибирь и каторга»), А.П. Чехов («Остров Сахалин»), П.Ф. Якубович-Мельшин («В мире отверженных»), В.М. Дорошевич («Сахалин»), В.Г. Короленко (цикл сибирских очерков и рассказов), В.А. Гиляровский (очерки и репортажи), А.И. Свирский («Казенный дом») и др.

К концу XIX века сложились основные особенности жанра документального повествования о мире «виноватых и обвиненных», «несчастных» (определения принадлежат С.В. Максиму), «отверженных» (определение заимствовано П.Ф. Якубовичем-Мельшиным переведенного на русский язык произведения В. Гюго), кандалников и поселенцев. Имеются достаточные основания утверждать, что «литература факта», посвященная каторге и ссылке, активно восприняла традиции другого документального жанра – путевого очерка, или жанра «путешествий».

Путевой очерк в русской литературе имеет многовековую историю. Генетически он восходит к широко бытовавшим в Древней Руси путевым запискам, называвшимся «хождениями», «путниками», «странниками», «паломниками». Классическим образцом этого жанра является «Хождение игумена Даниила», созданное в XII веке. Популярен и ныне памятник литературы XV века «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

К XVI веку сформировались и другие жанровые разновидности путешествий: «статейные списки» и «рописи» послов, «отписки» землепроходцев. Единство структуры и стиля было свойственно всем жанровым разновидностям: общая задача – точно и ясно рассказать обо всем, что видел и слышал путешественник; общая структурная часть – информация о маршруте и времени путешествия; традиционные приемы описания увиденных городов и поселений; краткие очерки о природе, быте и нравах; нередко легендарные и сказочные сведения о жизни в чужих землях.

Центральным персонажем уже в русском Средневековье выступает сам путешественник-повествователь, от имени которого ведется рассказ и дается оценка людям и событиям. Как правило, это благочестивый паломник, предприимчивый купец, образованный дьяк Посольского приказа, волевой и деятельный землепроходец из казаков или служилых людей.

Путевые записки XII–XVI веков документальны в своей основе, однако к концу этого периода проявляется стремление беллетризовать их за

счет утраты достоверности, в них вводятся литературно обработанные увлекательные легенды, замаскированные под достоверные.

В Древней Руси документализм и художественный вымысел сливались в одном произведении, лишь впоследствии документальная письменность и художественная литература постепенно стали размежевываться. В дальнейшем оба эти вида словесного творчества развивались во взаимодействии, во взаимовлиянии.

В последней четверти XVIII века под влиянием западноевропейской литературы и на основе национальных многовековых традиций складываются основные формы литературы «путешествий»: путевой очерк, очерковые послания-письма о «странствиях» в чужих краях и вымышленные литературные произведения о путешествиях, записки, отрывки, прогулки, дневник. Вглядываясь в только что открывшееся перед ними новое, незнакомое, «иное» пространство, путешественники пытались познать самих себя, историю страны, ее будущее. Таковы «Письма из Франции» Д.И. Фонвизина, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.И. Радищева.

К 1950-м годам путевой очерк вытесняет господствовавший ранее физиологический очерк. «Письма из Франции и Италии» А.И. Герцена, «Фрегат "Паллада"» И.А. Гончарова, показывая героя и среду в развитии, в движении, готовили расцвет очерковой литературы следующего десятилетия. «Каликами переходжими» называли в 60-е годы очеркистов П.И. Якушкина, С.В. Максимова, В.А. Слепцова, А.И. Левитова, изучавших жизнь в непосредственном общении с русским народом, писавших «правду без прикрас», показывавших «горе сел, дорог и городов», прошедших и проехавших в «литературных путешествиях» всю Россию с севера до юга и с востока до запада.

Само предназначение документальных жанров, в том числе и жанра путешествий, заставляет писателей избирать для изображения наиболее важное и достойное. Присущий им лаконизм не позволяет размениваться на мелочи. Для всех жанров «литературы факта» основополагающим является правило: писать только о том, что видел и слышал сам автор. Только при условии бережного обращения с фактом он становится ценным источником исторического познания жизни в ее многообразии. Но наряду с этим путевые записки есть явление искусства, словесного творчества, явление языка разговорного, публицистического и художественного, есть «мышление образами».

Правомерен в данном случае вопрос о возможности искажения действительности в «литературе факта». Современное литературоведение признает возможность вымысла и домысла в ней. Помимо этого степень правдивости зависит и от такой важной вещи, как отбор фактического

и художественного материала. Если автор избирает нехарактерные факты, опирается на недостаточно достоверные источники, то возможно и неадекватное отражение действительности.

В.А. Михельсон («Путешествия» в русской литературе»), Н.М. Маслова («Путевой очерк: проблемы жанра») и другие в числе основных особенностей путевого очерка XIX века отмечают своеобразный способ композиции, зависящий от маршрута: повествование от имени автора-путешественника, который не ограничивается описанием картин пути, а вводит многочисленные вставные элементы (рассказы встречных людей, собственные размышления, документы и статистику, исторические отступления), наличие нраво- и бытоописания. Содержание каждой главы определяют краткие подзаголовки, точно определены отправная точка пути и время начала путешествия. В путевых очерках соседствуют научность и популярность; путешественник, как правило, изучает быт, фольклор и язык «туземцев». Автор-рассказчик, наряду с массовыми зарисовками, представляет читателю яркие портреты, которые привлекли его внимание в наибольшей степени. Портретные характеристики, как и пейзаж, соединяют в себе документальность и лиричность, однако среда и обстоятельства большей частью подчеркнута деромантизируются. Многие эпизоды в «путешествиях» представляют собой «сценки из жизни», передают живую речь персонажей. Наличие таких структурных элементов – результат становления и укрепления позиций реализма во всех, в том числе и документальных, жанрах русской литературы. Это подтверждается при анализе следующих произведений: «Письма русского офицера» Ф.Н. Глинки, «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина, «Фрегат "Паллада"» И.А. Гончарова, «Корабль "Ретвизан"» Д.В. Григоровича, «Год на Севере» и «На Востоке. Поездка на Амур» С.В. Максимова, этнографические очерки П.И. Якушкина и др. Эти произведения являют собой яркую иллюстрацию стилового разнообразия данного жанра, многогранность форм построения, богатейшей идейной и тематической палитры, подтверждая в то же время наличие закономерностей формы, композиции, стиля.

Некоторые из перечисленных выше структурных составляющих элементов путевого очерка широко использовал Ф.М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома»: план в начале главы, подробное описание быта и нравов, портреты туземцев-каторжан, их рассказы-исповеди.

Параллельно с Достоевским и независимо от него работал над книгой о жизни «несчастных» уже завоевавший к тому времени авторитет и популярность писатель-путешественник С.В. Максимов (1831–1901), которого исследователи относят к «этнографической школе» русского реализма (А.И. Ревякин и др.). С.В. Максимов был первым писателем, изучившим сибирские централы и остроги, их архивы, статистику и другие до-

кументы. Книга «Ссылльные и тюрьмы» была признана опасной для широкой публики и вышла в 1862 году с пометой «секретно» тиражом лишь 500 экземпляров. Полностью очерки о каторге, тюрьмах и ссылке увидели свет только через семь лет в «Вестнике Европы» и некрасовских «Отечественных записках», а отдельное издание, названное «Сибирь и каторга», – в 1871 году.

В книге С.В. Максимова тесная взаимосвязь «каторжной» документальной прозы с «путешествиями» проявилась наиболее ярко. Огромный материал, собранный автором, требовал особой композиции, и принципы, выработанные в процессе создания предыдущих книг, представлявших собой циклы очерков-путешествий, были весьма продуктивно использованы. Каждая из трех частей («Несчастные», «Винюватые и обвиненные», «Политические и государственные преступники») – своеобразное путешествие. В первой автор проходит со своими героями от начала этапной дороги («В дороге») через все круги каторжного ада: «На каторге», «В бегах», «На поселении». Вторая часть знакомит с различными типами преступников; «маршрут» пролегает от самых страшных, вроде Коренева, убийцы 18 человек («Злодеи»), до людей, чья вина гораздо меньше («Преступники против семейных прав»). Между этими крайними точками располагаются убийцы, бродяги и беглые, воры и мошенники, поджигатели, преступники против веры. Третья часть – путешествие в историю. Здесь представлены политические и государственные преступники с конца XVI века (открывают этот печальный список угличане, сосланные в 1592 году «по делу царевича Димитрия») до «народных заступников» – декабристов и восставших в 1862 году поляков.

Точными, документально выверенными статистическими данными утверждается в «каторжной» прозе, как и в «путешествиях», суровая, ничем не прикрытая правда жизни. Позднее А.П. Чехов также использует в своей книге сведения, полученные из канцелярских ведомостей, таблиц, чиновничьих приказов, отчетов, рапортов, донесений и прошений. Он и сам, выступив в роли собирателя статистических сведений, предпринял перепись сахалинского населения, которая давала ему не только формальное, но и моральное право входить в каторжные бараки и в избы поселенцев. Присутствует статистический материал и у В.М. Дорошевича.

А.П. Чехов, подобно С.В. Максимова, которого признавал своим учителем¹, строит повествование как первооткрыватель, по маршруту «от частного к общему». С каждой главой расширяется представление о Сахалине: тюремные камеры, избы поселенцев, пища, одежда, духовная

¹ Подробнее см. об этом: Сафронов, А.В. «Высокая» литература и этнографическая беллетристика (А.П. Чехов и С.В. Максимов) // Проблемы истории литературы : сб. статей / МГОПУ. – М., 1998. – Вып. 4).

жизнь, нравственность, преступление и наказание, побег с острова, болезни и смерть. Охватываются все слои сахалинского населения, все стороны человеческого существования – рождение, свадьбы, похороны. С каждой главой усиливается впечатление о страшном острове, острове-аде.

Наряду с точным фактом и достоверным документом, путешественники в страну «виноватых и обвиненных» обращают свое внимание и на прямо противоположные явления: легенды, предания, песни. С фольклорной традицией связано начало «Сибири и каторги», в котором С.В. Максимов передает свое впечатление от песни «Милосердная». С этой песней арестанты, идущие по этапу, просят милостыню:

Милосердные наши батюшки,
Не забудьте нас, невольников,
Заклученных, – Христа ради! –
Пропитайте-ка, наши батюшки,
Пропитайте нас, бедных заключенных!

В старинных разбойничьих песнях писатель видел отражение жизни широкой и вольной, полной борьбы и тревог. Их авторами народная молва считала самих разбойничьих атаманов: Степана Разина, Кармелюка, Гусева, Ваньку Каина. Легенды и предания поэтизировали разбойников как заступников за бедных, им приписывались красота, поэтический и певческий таланты, великодушие и справедливость.

Рисуя образ Сахалина-ада, А.П. Чехов включает в текст шутивную легенду о «происхождении Сахалина», сочиненную каторжанами. Автор жалеет, что не застал в живых старейшего сахалинского офицера, штабс-капитана Шишмарева, который поселился на Сахалине в «доисторические времена, когда еще не начиналась каторга». Поэтому поселенцы в легенде связали его имя с геологическими переворотами: «Когда-то, в отдаленные времена, Сахалина не было вовсе, но вдруг, вследствие вулканических причин, поднялась подводная скала выше уровня моря. И на ней сидели два существа – сивуч и штабс-капитан Шишмарев».

В.М. Дорошевич посвящает поэтическому творчеству каторжан главу «Поэты-убийцы», где приводит тексты песен, которые поют на каторге («Песни каторги»), в том числе и «Милосердную», но «чаще всего каторга молчит». Есть на Сахалине и «бульварные романисты», «Понсон-дю-Терайли, Ксавье-де-Монтепены каторги», однако автор не заостряет на них своего внимания – «рассказы в рассказе» о действительно совершенных преступлениях гораздо страшнее.

Практически для всех, писавших о каторге (Ф.М. Достоевский, С.В. Максимов, А.П. Чехов, В.Т. Короленко, В.М. Дорошевич, П.Ф. Якубович-Мельшин, А.И. Свирский, В.А. Гиляровский), характерно сравне-

ние ее с адом и не столько в силу каких-то внешних признаков, сколько потому, что здесь особая, удушающая, убивающая человеческую личность атмосфера и нравственные пытки составляют основу системы наказаний. В этом сравнении можно увидеть и продолжение древнерусской традиции: любое путешествие за границу, в чужую страну рассматривалось как путешествие на тот свет, по путешественнику даже служили молебны за упокой.

Образ путешественника придает путевым очеркам подчеркнутую индивидуальность, предлагая взглянуть на описываемую среду под авторским углом зрения. По-разному предстают перед читателем «путешествующие в неведомую страну». Ф.М. Достоевский свои функции наблюдателя и исследователя мира каторги передает двойнику – Александру Петровичу Горянчикову, не политическому преступнику, каким был сам автор, а осужденному за убийство жены. С.В. Максимову в «Сибири и каторге» удалось занять позицию, независимую от материала: он наблюдает за происходящими в стране «виноватых и обвиненных» событиями как путешественник, ученый, этнограф, приподнося их читателю как на ладони, и непосредственно в тексте дает им анализ своим веским, точным, хлестким словом: «На вопрос, где происходит окончательная порча ссыльных и приобретается ими привычка жить чужим трудом, давно уже готов ответ положительный... вам единогласно ответят: в тюрьме!»

А.П. Чехов также не маскируется за вымышленным образом: авторское «Я» – писателя, врача, аналитика, исследователя – присутствует буквально на каждой странице, отсюда (не в последнюю очередь) – определение его книги как «очеркового романа». Создание личности наблюдателя, автора оказалось для него, как он сам признается, наиболее трудным в процессе работы над книгой. В.М. Дорошевич, как и В.А. Гиляровский, часто сам присутствует в своих сюжетах, его роль – это роль «активного наблюдателя», его очерки – это насыщенные сенсационностью репортажи с места событий. П.Ф. Якубович-Мельшин, хотя и «прячется» за образом Ивана Николаевича, подобно Достоевскому, но пишет свою автобиографию, вместе со своими героями «проходит путь», переживает горести и лишения.

Преступный мир воспринимается всеми авторами как «неведомая страна» со своей географией, образом жизни, психологией, языком и не только в силу особого, отдаленного от Европейской России расположения Сибири и Сахалина – В.А. Гиляровский в очерках о знаменитой Хитровке рисует этот «особый район Москвы» как отдельное государство со своим населением, законами, нравами.

Для того чтобы наиболее ярко и полно охарактеризовать описываемые явления, выразить свое к ним отношение, автор-путешественник часто ис-

пользует прием сопоставления или противопоставления явлений, чаще всего как параллель «незнакомое» (экзотическое) – «знакомое». В повествованиях о каторжном мире это принимает форму антитезы «тюрьма» – «воля» или «человек до преступления» – «он же – на каторге». Примером может служить «благообразный старик», в глазах которого «еще было много жизни, а во всех чертах лица много мягкости и ничего злодейского ни во взгляде, ни в улыбке» и который, оказывается, осужден за участие в ограблении почты и убийстве почтальона и ямщика («Сибирь и каторга» С.В. Максимова). Среди героев В.М. Дорошевича – крестьянин Новгородской губернии Глухаренков, ныне – бродяга Немой («Лазарет»), костромской мещанин из духовного звания Комлев, теперь – старейший и «уважаемый» сахалинский палач («Комлев»), горец Балад-Адаш, сильная и гордая натура, превратившийся на каторге в пьяницу, вора, лгуна и доносчика («Исправился»). Встречаются примеры, правда редко, как и в условиях ада человек сохраняет в себе человеческое (декабристы у С.В. Максимова, баронесса Геймбрук и бывший гвардейский офицер-сапер Ландсберг у В.М. Дорошевича, Егор Ефремов у А.П. Чехова).

Тюремный социум в стране «виноватых и обвиненных» организуется в «общину» со специфическими иерархическими структурами. «В этих тюрьмах, где должны «исправляться» и «возрождаться» преступники, царили самоуправство, произвол «иванов», полная власть сильных над слабыми, отпетого негодяя над порядочным человеком», – пишет В.М. Дорошевич [6].

Мир каторги – это зеркальное отражение внешнего мира со своими законами, моралью, взаимоотношениями между людьми. Здесь то же разделение на касты, обуславливающие положение заключенного в этом мире. В.М. Дорошевич выделяет следующие «касты» в каторжном мире:

«Иваны» – зло, язва, бич каторги, всевластные и авторитетные убийцы, самоутверждающиеся любой ценой, дерзющие администрации тюрьмы, выманивающие последние гроши, заработанные тяжким трудом.

«Храпы», «глоты» — люди, не имеющие собственного мнения, самые продажные, способные за определенную сумму поддержать авторитет того или иного «ивана». Кроме них есть еще «игроки», «жиганы», «шпанка» [6. С. 220].

Иерархия тюремного мира по классификации А.И. Свирского несколько отлична: «Собственно «тюремный мир» составляют так называемые «фартовые ребята», или «фартовики», которые «разделяются на классы, роды и виды». Это: 1) «жиганы» – каторжники и бродяги, 2) «шпана» – воровы и 3) «счастливыцы» – мошенники и шулера. «Жиганы» распадаются на три вида: а) «орлы» – беглые с каторги, б) «пустынники» – не помнящие родства

и в) «монахи» – ссыльные на Сахалин. В свою очередь «шпана» разделяется на восемь видов» [22. С. 14–15].

Преимущество «каторжной» документальной прозы и «путешествий», помимо усвоения отдельных элементов формы, объясняется, на наш взгляд, еще и тем, что всегда сильна была в русской литературе и в русской ментальности традиция восприятия человеческой жизни как некоего пути – пути поиска счастья, правды, пути страданий, пути искупления вины.

Традиция «путешествий» нашла свое продолжение и в «лагерной прозе» XX века: «маршрут» героини «Крутого маршрута» Е.С. Гинзбург, путь русского интеллигента в книге О.В. Волкова «Погружение во тьму», «удивительная», «почти невидимая, почти неосязаемая» страна, «географией разорванная в архипелаг, но психологией скованная в континент» в «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына.

Наиболее значительные произведения художественно-документальной «тюремной» и «лагерной» прозы второй половины XX века появились в открытой печати в конце 80-х годов, хотя задумывались и создавались в большинстве своем гораздо раньше – на рубеже 50-х и 60-х, после XX съезда КПСС. Они основаны на личном опыте людей, пострадавших от репрессий. Традиции исторически достоверного, честного, художественно убедительного изображения жизни «несчастных», «отверженных», а чаще «без вины виноватых», оказались восприняты такими во многом разными авторами, как О.В. Волков, Е.С. Гинзбург, А.В. Жи-гулин, Л.Э. Разгон, Н. А. Заболоцкий, А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов, С.Д. Довлатов, А.Д. Синявский, И.М. Губерман, Э. Лимонов.

Жанровые определения своим произведениям названные выше авторы дают разные: «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург – «хроника времен культа личности»; «Непридуманное» Л.Э. Разгона – «повесть в рассказах»; «Черные камни» А.В. Жигулина – «автобиографическая повесть», И.М. Губерман считает свое повествование дневниками, хотя отдельные главы написаны в эпистолярном жанре; Н.А. Заболоцкий написал о своих злоключениях, связанных с арестом, краткий автобиографический очерк, вероятно намереваясь продолжить его описанием жизни в лагерях («История моего заключения»); «Погружение во тьму» О.В. Волкова можно определить как автобиографический роман; «Зона» С.Д. Довлатова представляет собой характерный для этого автора синтез факта и вымысла; «Голос из хора» А.Д. Синявского явственно перекликается с философскими «коробами» В.В. Розанова.

А.И. Солженицын жанр своей книги определил как «опыт художественного исследования». Художественное исследование, как считает писатель, – это такое использование фактического (не преобразенного) жиз-

ненного материала, когда из отдельных фактов, соединенных, однако, возможностями художника, общая мысль выступает с полной доказательностью, причем не слабее, чем в научном исследовании [24]. В наших работах мы даем определение этой книги как художественно-документальной эпопеи.

Жизненный материал А.И. Солженицын черпал из собственного опыта, из писем 227 других бывших заключенных; использовал множество исторических источников, статистический материал, «много важных фактов и даже цифр, и сам воздух, которым дышали: чекист М.Я. Судрабс-Лацис; Н.В. Крыленко – главный государственный обвинитель многих лет; его наследник А.Я. Вышинский со своими юристами-пособниками, из которых нельзя не выделить И.Л. Авербах» [24. Т. 1. С. 12]. Здесь же как важный источник – позорная книга 36 советских писателей о Беломорканале.

Эпичность книги достигается широтой охвата событий, постановкой большого количества проблем, глубокими экскурсами в историю, огромным количеством невыдуманных персонажей. Произведение состоит из 3 томов, 7 частей, 64 глав, повествующих о законодательстве, тюремной системе, следствии, судах, этапах, лагерях, ссылке.

Структурная организация упомянутых выше произведений, опора на факт позволяют отнести их к очерковым циклам, объединенным темой, единой публицистической мыслью, образом автора-повествователя. Все они открывают для читателя неведомую ранее страну. Другой важной чертой следует признать стремление к эпичности: авторы рассматривают скитания и страдания героев на историческом фоне, насыщают тексты множеством подробностей из истории, политики, географии, населяют книги множеством невыдуманных героев со схожими судьбами, при этом судьба отдельного персонажа рассматривается в контексте «судьбы народной». Различна при этом степень лиризма и философичности, но ни один из авторов от них не отказывается.

Близость к жанру путешествий проявляется при наличии общей тенденции в соответствии с индивидуальностью каждого автора, с большими или меньшими углублениями в поэтику этого жанра соразмерно с целями и задачами, поставленными каждым автором, с той поэтикой, которую они выбирают в качестве доминирующей.

Определение лагерного мира как отдельной страны встречаем у Н.А. Заболоцкого. Когда эшелон с арестантами доставил поэта к месту отбывания лагерного срока, в Комсомольск-на-Амуре, его автобиографический персонаж отмечает: «Царство БАМа встречало нас, своих новых поселенцев. Поезд остановился, загрохотали засовы, и мы вышли из своих убежищ в этот новый мир, залитый солнцем, закованный в пятидесятиградусный хо-

лод, окруженный видениями тонких, уходящих в самое небо дальневосточных берез» [10. С. 671].

А.Д. Синявский ощущение времени, проведенного в лагере, как пути, скитания, странствования, пребывания в «ином мире», в «другой стране», передает по-своему: «Иногда кажется – время остановилось и мы летим в снаряде или ковчеге. Неподвижность совпадает с чувством полета – нет, не птицы – земли. Это же чувство поддерживает ветер. Он обдувает остров и свистит в ушах – рассекая время. Очень устаешь жить на постоянном ветру» [23. С. 460].

«Лагерная жизнь в психологическом отношении, – отмечает А.Д. Синявский, – похожа на вагон дальнего следования. Роль поезда исполняет ход времени, которое одним своим движением создает иллюзию осмысленности и насыщенности пустого существования. Чем бы ты ни занимался – «срок все равно идет», и, значит, дни проходят недаром, целенаправленно и как бы работают на тебя и на будущее и уже за счет этого наполняются содержанием. И как в поезде – пассажиры не очень склонны заниматься полезным трудом, поскольку их пребывание оправдано уже неуклонным, хоть и медленным приближением к станции назначения» [23. С. 458]. Чрезвычайно характерны литературные реминисценции в начале книги (что совпадает с началом лагерного срока): автор вспоминает тех писателей, в чьем творчестве явственен мотив путешествия, скитания. Это авторы «Приключений Робинзона» и «Путешествий Гулливера» Даниэль Дефо и Джонатан Свифт, автор «Острова Сахалин» А.П. Чехов, страдалец и скиталец мятежный протопоп Аввакум.

Вынесенное в заглавие слово «маршрут» определяет композицию книги Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут»: это действительно своеобразное путешествие через тюремные камеры, кабинеты следователей, «столыпинские» вагоны, лагерные пункты, «больнички», обнесенные колючей проволокой. В пути – множество встреч: со следователями, конвойными, надзирателями, заключенными (уголовницы, эсерки, коминтерновки, «ортодоксальные коммунистки»). Довольно четко прослеживается антитеза: интеллигентные заключенные, с одной стороны, и с другой – туповатые, как правило, грубые и жестокие следователи и охранники. Трудным оказывается для героини – заметим, что и для автора, ибо здесь они слиты неразрывно, – путь приближения к истине, к пониманию причин происходящего с человеком, попавшим в сталинскую мясорубку. Коммунистка, пережившая «симфонию безумия и ужаса» [2. С. 12], но оставшаяся «верной знамени», становится «в конце маршрута», по словам Р. Орловой и Л. Копелева, «писательницей, поведавшей правду, и значит вне зависимости от ее намерений, разоблачающей систему» [2. С. 698].

Свой путь и у русского интеллигента Олега Волкова, пережившего двадцать восемь лет тюрем, лагерей и ссылок за отказ стать секретным осведомителем ГПУ. О том, что именно так воспринимается автором его судьба, свидетельствуют названия глав: «Погружения во тьму», «Начало длинного пути», «Я странствую», «В Ноевом ковчеге», «В краю непуганых птиц», «По дороге декабристов».

А.И. Солженицын прямо называет систему тюрем и лагерей «удивительной», «почти невидимой, почти неосязаемой» страной, «географией разодранной в архипелаг, но психологией скованной в континент» [24. Т. 1. С. 8]. Населяет эту страну «народ зэков», они же – «туземцы», они же – «рабы». «Географична» вторая часть книги – «Вечное движение»: «Корабли Архипелага», «Порты Архипелага», «Караваны невольников», «С острова на остров». Углубляясь в не слишком далекую историю, автор повествует о том, как «Архипелаг возникает из моря», «Архипелаг дает метастазы», «Архипелаг каменеет», разъясняет, «На чем стоит Архипелаг», каковы «Зэки как нация», описывает «Туземный быт».

Эта книга наиболее полно отвечает представлению о «художественно-документальном эпосе» из жизни «несчастливых» XX века. В ней нередко упоминаются «Остров Сахалин», «Записки из Мертвого дома», «В мире отверженных». С их авторами Солженицын часто полемизирует, иногда находит подтверждение своим мыслям. Имя С.В. Максимова ни разу им не упоминается. Автору этих строк Александр Исаевич в 1994 году в Рязани сказал, что оно ему незнакомо, но именно традиции «Сибири и каторги», воспринятые через тех писателей, которые испытали на себе его прямое влияние (А.П. Чехов, В.Г. Короленко, П.Ф. Якубович-Мельшин), отчетливо прослеживаются в этом обобщающем произведении о лагерном мире советской эпохи. Через столетие загадочными путями, потаенными тропами дошли до нашего выдающегося современника стремление к обрисовке «путей», «маршрутов» страданий всего народа и отдельных его представителей, соединение статистики, легенд, интервью и репортажей в единую эпическую структуру, страстная, публицистическая, человеколюбивая мысль.

Параллельно с рассказом о «долгом и мучительном скольжении страны по наклонной кривой террора» [24. С. 284] А.И. Солженицын рассказывает и свою историю с момента ареста до освобождения после ссылки. Путь героя и путь державы от первых карательных указов советской власти до середины 70-х годов пересекаются, причем герой идет по пути нравственного возрождения, подпитываемого сопротивлением режиму, страна же — по пути падения, вызванного беззаконием, бесчеловечностью. Пройдя через попытки удушить свой народ жестокими карательными мерами («Закон – ребенок», «Закон мужает», «Закон созрел», «К выс-

шей мере)), коммунистическая власть так и не смогла придать себе, по мнению автора, легитимные, цивилизованные формы. Последняя глава заканчивается словами: «Вторые полвека висит огромное государство, стянутое стальными обручами, и обручи есть, а закона – нет» [24. Т. 3. С. 547].

Подчеркивая принципиальный разрыв с традициями, С.Д. Довлатов заявляет: «...меня абсолютно не привлекают лавры современного Вергилия. (При всей моей любви к Шаламову)» [5. С. 154]. И все же, обращаясь к издателю, он говорит о «совместном путешествии» по лагерному миру: «...оно закончено. Тормоза последнего многоточия заскрипят через десять абзацев» [5. С. 170].

Э. Лимонов в книге «По тюрьмам» провозглашает символический отказ от Пути: «Тюрьма – это империя крупного плана. Тут все близко и вынужденно преувеличено. Поскольку в тюрьме нет пространства, тюрьма лишена пейзажа, ландшафта и горизонта» [12. С. 6–7]. Однако этнографические описания «другой страны», портреты «туземцев», лингвистические изыскания и фольклор занимают у него немало места.

«Лагерная» проза, сохраняя присущий «путешествиям» быто- и нраво-описательный элемент, подробно и тщательно, стараясь не упустить даже второстепенные детали, описывает аресты, обыски, этапирование заключенных, «интерьер» тюремных камер и лагерных бараков, баню и общие работы, вплоть до способов приготовления чифиря и выноса параши.

Писатели создают обширную галерею тюремных и лагерных типов, исследуют причины преступлений, психологию героев и их жизненную философию, взаимоотношения между «блатными» и «политическими». Вопреки страданиям и унижениям, сохраняется гуманистический взгляд на сокамерников и солагерников: «Не преступники здесь сидят, а несчастные», – утверждает И.М. Губерман, повторяя определение каторжан, данное С.В. Максимовым [4. С. 407]. Анализируются своеобразные социальные, иерархические структуры, сложившиеся в «мире отверженных». А.Д. Синявский отмечает, что в лагере «...на первом месте по почету и уважению не грабеж, не разбой с оружием в руках, «на гоп-стоп», но тонкое мастерство специалиста-карманника, «щипача» – вора в истинном смысле (в метафизическом значении – фокусника)... власть в руках чародея... власть в руках искусства» [23. С. 543].

Характерно, что здесь в отличие от книг А.П. Чехова, В.Г. Короленко и других чрезвычайно редок, иногда почти полностью отсутствует пейзаж. В случаях, когда пейзаж включен в текст, как, например, в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова, он предельно лаконичен; выразительность достигается минимумом художественных средств:

«Река ревела, вырывая деревья и бросая их в поток. От леса, к которому мы причалили утром, не осталось ни куста – деревья были подмыты, вырваны и унесены страшной силой этой мускулистой воды, реки, похожей на борца. Тот берег был скалистым – река отыгралась на правом, на моем, на лиственном берегу.

Речушка, через которую мы переправлялись утром, превратилась давно в чудовище» [26. Т. 2. С. 271].

«Мы снова были в пути, мы скакали по лесной дороге странной прямы. Молодой березняк кое-где перебежал дорогу, ели с обеих сторон протягивали друг другу косматые старые лапы, порыжелые от старости, но сильнее небо не закрывалось ветвями ни на минуту. Красный от ржавчины вагонный скат рос из земли, как дерево без сучьев и листьев» [26. Т. 1. С. 227].

В.Т. Шаламов убежден, что сегодняшний читатель спорит только с документом и убеждается только документом («О прозе»). В силу этого «меняется вся шкала требований к литературному произведению», в частности, снижается роль пейзажа: «Пейзаж не принимается вовсе. Читателю некогда думать о психологическом значении пейзажных отступлений. Если пейзаж и применяется, то крайне экономно. Любая пейзажная деталь становится символом, знаком и только при этом условии сохраняет свое значение, жизненность, необходимость» [26. Т. 4. С. 358].

Нельзя не согласиться с В.Т. Шаламовым, тем более, что писатели XIX века (С.В. Максимов, А.П. Чехов) могли рисовать пейзажи «с натуры», в то время как узники века XX века, лишённые в заключении возможности писать, восстанавливали его позже по памяти, субъективно окрашивали, – словом, «сочиняли», исходя из эстетических и политических задач (Е.С. Гинзбург, О.В. Волков, А.В. Жигулин).

Совпадает с традицией предшественников и изображение лагерного мира, как ада, однако современные писатели, обогащённые опытом российской истории, пытаются расширить это толкование. Так, например, С.Д. Довлатов пишет: «Ад – это мы сами. Просто этого не замечаем» [5. С. 127]. Он же утверждает: «Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключёнными и надзирателями. Между домушниками-рецидивистами и контролерами производственной зоны. Между зеками-нарядчиками и чинами лагерной администрации. По обе стороны запретки расстилался единый и бездушный мир» [5. С. 63].

«Создание Врага Рода Человеческого – лагерь, порождённый силами зла, – по природе своей не способен вместить начал добра и счастья», – пишет О.В. Волков [1. С. 68].

«Обе эти бани были сущим испытанием для нас. Каждая была похожа на преисподнюю, наполненную дико гогочущей толпой бесов и бесенят» [10. С. 671].

А.Д. Синявский пишет: «Когда соберешь мысленно все горе, причиненное тобою другим, сосредоточив его на себе, как если бы те, другие, все это тебе причинили, и живо вообразишь свое ревнивое, пронзенное со всех сторон твоим же злом, самолюбие, – тогда поймешь, что такое ад.

Дьяволу все люди не нужны. Ему нужны некоторые. Я – ему нужен. Но я не поддамся» [23. С. 486].

А вот первая камера Евгении Гинзбург: «Подвал на Черном озере. Это словосочетание вызывало ужас. И вот я иду в сопровождении конвоира в этот самый подвал. Сколько ступеней вниз? Сто? Тысяча? – не помню. Помню только, что каждая ступенька отдавалась спазмами в сердце, хотя в сознании вдруг мелькнула почти шутивная мысль: вот так, наверно, чувствуют себя грешники, которые при жизни много раз, не вдумываясь, употребляли слово «ад», а теперь, после смерти, должны воочию этот ад увидеть» [2. С. 36].

А. Ларина-Бухарина: «Длинный коридор Саратовской тюрьмы с затхлым, потерявшим прозрачность дымным воздухом казался адом» [11. С. 34].

В «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова смерть, небытие человека являются композиционной основой всего произведения, тем миром, в котором разворачиваются сюжеты. Персонажи возникают из смерти и уходят туда, откуда явились, грань между жизнью и смертью исчезла для них в момент ареста. Образ лагеря у Шаламова – образ абсолютного зла.

При этом лагерный ад мироподобен. В нем нет ничего, чего не было бы на воле, в его устройстве социальном и духовном. Лагерные идеи только повторяют переданные по приказу начальства идеи воли. Если А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» открыто обличает режим, основанный на произволе, скрепляющий страну «стальными обручами» насилия, то Т.В. Шаламов демонстрирует другую точку зрения, «взгляд изнутри», и этот тезис доказывает от противного: раз лагерь подобен воле, то верно и обратное – общество, «мир воли» подобны лагерю. Лагерь не только убивает, но и растлевает людей. В шаламовском аду доходяга, зек, достигший предельной степени истощения, становится нравственно невменяемым. Унижение начинается с мук голода, постепенно человек превращается в опасного зверя, который будет рыться в отбросах, драться насмерть за кусок хлеба, дойдет до каннибальства: «Человек, который невнимательно режет селедки на порции, не всегда понимает (или просто забыл), что десять граммов больше или меньше – десять граммов, кажущихся десять граммов на глаз, – могут привести к драме, к кровавой драме, может быть. О слезах же и говорить нечего...» [26. С. 374].

«Портретная галерея» в очерковых циклах о лагерях и тюрьмах весьма обширна. Рисуя своих персонажей, авторы хранят верность фактам, избе-

гают вымысла, пытаясь в судьбе реально жившего, встреченного ими на «островах Архипелага» человека разглядеть бесчеловечность эпохи. Ими решительно отвергается «верноподданная стряпня Дьяковых, Алдан-Семеновых и прочих ортодоксов» [7. С. 453], в которой подчас делается попытка поменять местами палачей и их жертвы.

Л.Э. Разгон стремится к выявлению сложности, неоднозначности, масштабности, «парадоксальности» героев. К примеру, резко индивидуален, но в то же время достаточно типичен созданный им образ Ивана Михайловича Москвина — крупного партийного работника, ставшего жертвой сталинских репрессий. Комдивы и командармы, уничтоженные в тридцать восьмом, бывшие герои гражданской войны, обрисованы с ностальгическим сочувствием: «На наших глазах гибли боги, которых мы, — как это положено по нашему материалистическому мировоззрению — сами создали» [17. С. 56]. Яркий и неповторим Михаил Сергеевич Рощаковский, аристократ, друг царя, убежденный, что только победа большевиков может сохранить Российскую империю, но испытавший настоящее счастье, когда «увидел тюрьмы, набитые коммунистами... коминтерновцами, евреями, всеми политиками, которые так и не понимают, что же с ними происходит» [17. С. 132].

Тюремные начальники в книге Л.Э. Разгона — «проводники точного смысла и буквы инструкции» (Залива, Намятов), «законченные типы рабовладельца» (Гарасюк) — симпатий авторских не вызывают: «Если бы эти добрые люди получили приказ жечь нас живьем, то — конечно, страдая при том — они бы нас жгли. И при этом заключали между собою договоры на социалистическое соревнование: кто скорее сожжет» [17. С. 275]. Нетрудно заметить прямую аллюзию с Михаилом Булгаковым — «добрыми людьми» Иешуа называет Понтия Пилата, Крысобоя и Иуду. Однако автор помнит, что «тюремщиков приходится делать из людей» [17. С. 319] и что граница между палачами и жертвами довольно зыбкая, чему примером служит судьба сотрудника оперотдела НКВД Корабельникова, вместе со своими жертвами плывущего отбывать срок в северные лагеря.

Как отмечалось выше, Е.С. Гинзбург охотно использует прием антитезы в раскрытии образов персонажей. Ее отношение к тюремщикам однозначно подчеркивается явно вымышленными фамилиями и кличками и подчеркивающими их тупость, низость и ограниченность деталями. Например, начальник лагеря Тимошкин с удивлением — «Скажешь тоже!» — узнает, что Земля — шар, вращающийся вокруг своей оси [2. С. 424]. Один из следователей Е.С. Гинзбург фигурирует под прозвищем Людоед [2. С. 107], начальник тюрьмы — Коршунидзе-Гадиашвили, корпусной надзиратель — Сатрапюк, коридорные надзиратели — Вурм (в переводе с немецкого — «червяк»), отвратительный узкогубый прыщавый тип, Свя-

той Георгий, Пышка [2. С. 132]. Одного из лагерных начальников называют по фамилии – Артемов, «потому что он действительно добрый парень» [2. С. 297].

Резко контрастирует портрет оптимиста и шутника доктора Вальтера с портретами его пациентов, умирающих от страшных лагерных болезней. Не прекращая шутить, он «кусачками Люэса» ампутирует отмороженные пальцы рук и ног. «К концу приема бачок, наполненный гнилой вонючей человечинной, выносят два санитары» [2. С. 413]. Тем не менее, у Е.С. Гинзбург — чистый, наивный взгляд на мир; случается, что даже блатные в ее изображении — хорошие люди; они помогают «пятьдесят восьмой» в работе, угощают политических чаем и белым хлебом (глава «На легких работах»). Героиня способна на сочувствие к своим мучителям: «Как хорошо, что благодаря любви к мужчине судьба Савоевой переломилась! Еще несколько лет беличьиного владычества — и она окончательно погибла бы, превратившись в палача!» [2. С. 432]. Близки мыслям Л.Э. Разгона о богах, созданных материалистическим мировоззрением, слова Е.С. Гинзбург о людях своего поколения: «Мы были порождением своего времени, эпохи величайших иллюзий... идеалистами чистой воды при всей нашей юношеской приверженности к холодным конструкциям диамата» [2. С. 400].

У О.В. Волкова практически все «начальство» – следователи, конвойные, охранники – безымянное. Вот характерный пример: «За моей спиной вынырнул военный в фуражке с алым околышем. Форменный сморчок: сутулый, с бегающими глазками и нездоровым желтым лицом. За ним в дверях купе – два рыжих вышколенных красноармейца с кобурами на поясах» [1. С. 95]. Ни имени, ни прозвища, не достаивается в отличие от персонажей Е.С. Гинзбург даже более или менее симпатичный начальник тюрьмы, с сочувствием отнесшийся к заключенному Волкову.

А.В. Жигулина волнует проблема предательства, поэтому в его портретном ряду много места отведено предателю Чижову, выдавшему членов созданной в конце 40-х годов «Коммунистической партии молодежи». Создавая образы лагерников и их охранников, Жигулин верен традициям предшественников: он писательски объективен и честен, не избегает натуралистических деталей, но иногда добавляет в портреты романтические краски, оправданные юношеским восприятием мира автобиографическим героем-рассказчиком.

Антитезу «зеки – начальство», снижение образов «вертухаев» встречаем и у И.М. Губермана: «В наш штрафной изолятор ничего не стоило попасть, до пятнадцати суток срок давался: за расстегнутую пуговицу на одежде, за небритость и нестриженность, за водку или карты, за найденные утаённые деньги, за коллективную драку, по доносу. Даже и такой был параграф: «За угрожа-

ющий взгляд в сторону офицера, проходящего по плацу»... Лично я трое суток просидел, не зная, за что торчу, и меня даже вытащить пытался один начальник, только никто моей причины не знал. Но вернулся с охоты наш заместитель по режиму капитан Овчинников, сразу дернули меня к нему наверх, и он сказал с похмельной угрюмостью:

– Почему ты, сукин сын, такие письма своей теще пишешь, что я их понять не могу?» [4. С. 540].

У людей, выдержавших испытание «адам», преобладают жесткие, натуралистические краски в описаниях «опустившихся»: «В куче отбросов, сваленных за тесовым навесом уборной, копошатся, зверовато-настороженно оглядываясь, трое в лохмотьях. Они словно готовы всякую минуточку юркнуть в нору. Роятся они в невообразимых остатках, выбрасываемых сюда с кухни. Что-то острыми, безумными движениями выхватывают, прячут в карман или засовывают в рот. Сторожкие вороны, что, непрерывно вертя головой, кормятся на свалках...

Даже самые опустившиеся, обтерханные обитатели пересылки ими брезгают, им нет места на нарах: они – отверженные, принадлежат всеми презираемой касте. Мне они внове, я смотрю на них с ужасом. Жалость вытесняется отвращением: человеку ни на какой ступени отчаяния недопустимо обращаться в пожирающую отбросы тварь. И тут же думаешь, что затяжное, беспросветное голодание способно разрушить в людях преграды и барьерчики, сдерживающие животное начало» [1. С. 231–232].

«На тыквах и щетинистых яйцах голов в зэках прорезаны рваные отверстия глаз. Они мохнаты и, как пруды – камышом, обросли ресницами и бровями. Это мутные, склизкие пруды и дохлый камыш. Отверстия глаз окружены ущельями морщин на лбу и рытвинами морщин под глазами. Нос с пещерами ноздрей, мокрая дыра рта, корешки зубов или молодых и свежих, или гнилых пополам с золотыми. И далее пошли серые ущелья морщин подбородка. Таким зэковское личико предстает таракану, ползающему по нему во сне, но можно увидеть его и такому специальному зэку, как я», – пишет Э. Лимонов [12. С. 7]. Им лидер национал-большевиков противопоставляет революционеров, прежде всего самого себя.

В «Архипелаге ГУЛАГ» «стальные обручи» большевистского режима определяют судьбу самых разных людей: белогвардейцев, социалистов, «околокадетской» интеллигенции, крестьян, солдат, попавших в фашистский плен, кронштадтских матросов, «врагов народа» и членов их семей. Крупным планом высвечиваются жертвы системы и их палачи: генерал А.А. Власов и его однофамилец В.Г. Власов, осужденный по «кадыйскому делу», видный ученый-генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский и «послевоенные мальчики» в камере Бутырской тюрьмы, убежденный беглец Георгий

Тэнно и один из «отцов» «истребительно-трудовых» лагерей Нафталий Френкель. Рассказы о них – литературные портреты, большинство же персонажей эпизодичны, безмянны, но и эти образы трогают душу читателя, врезаются в память. Лаконичные рассказы о многих невыдуманных людских судьбах служат ярким свидетельством кошмара и абсурда сталинской эпохи:

«Портной, откладывая иголку, вколол ее, чтоб не потерялась, в газету на стене и попал в глаз Кагановичу. Клиент видел. 58-я, 10 лет (террор)...

Заведующий сельским клубом пошел со своим сторожем покупать бюст товарища Сталина. Купили. Бюст тяжелый, большой. Надо бы на носилки поставить да нести вдвоем, но заведующему клубом положение не позволяет: «Ну, донесешь как-нибудь потихоньку». И ушел вперед. Старик-сторож долго не мог приладиться. Под бок возьмет – не обхватит. Перед собой нести – спину ломит, назад кидает. Догадался все же: снял ремень, сделал петлю товарищу Сталину на шею и так через плечо понес по деревне. Ну, уж тут никто оспаривать не будет, случай чистый. 58-8, террор, 10 лет» [24. Т. 2. С. 270].

«А чтение Есенина? Ведь все мы забываем. Ведь скоро объявят нам: «так не было, Есенин всегда был почитаемым народным поэтом». Но Есенин был – контрреволюционный поэт, его стихи – запрещенная литература. М.Я. Потапову в рязанском ГБ выставили такое обвинение: «как ты смел восхищаться (перед войной) Есениным, если Иосиф Виссарионович сказал, что самый лучший и талантливый – Маяковский? Вот твое антисоветское нутро и сказалось» [24. Т. 2. С. 277].

Среди источников, помогающих автору создать трагический образ Архипелага и его жителей, — статистические данные. Процитировав слова В.И. Ленина о том, что советская власть сравнительно легко подавила сопротивление контрреволюционеров, А.И. Солженицын опровергает это высказывание с помощью цифр: «И во сколько же обошлось нам это «сравнительно легкое» внутреннее подавление от начала октябрьской революции? По подсчетам эмигрировавшего профессора статистики И.А. Курганова, от 1917 до 1959 года без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости, — оно обошлось нам в... 66,7 миллиона человек (без этого дефицита — 55 миллионов)» [24. Т. 2. С. 12]. «Сухие цифры» несут в себе огромный эмоциональный заряд. Автор использует их и для антитезы «история – современность»: «Каковы штаты были в центральном аппарате страшного III отделения, протянутого ремненной полосой через всю великую русскую литературу? При создании — 16 человек, в расцвете деятельности — 45. Для захолустнейшего губЧК — просто смешная цифра» [24. Т. 2. С. 13]. Отсут-

ствие статистических данных — также факт, используемый автором. Например, неизвестно, сколько нацистских преступников осуждено в Восточной Германии: «значит, перековались, ценят их на государственной службе» [24. Т. 1. С. 174].

В художественном исследовании А.И. Солженицына быто- и нраво-описательный элемент естественным образом сочетается с анализом политических, философских, нравственных проблем. В главе «Голубые канты» автор пытается понять психологию «ночных катов, терзающих нас», и делает вывод об отсутствии у них высших духовных интересов: «Они по службе не имеют потребности быть людьми образованными, широкой культуры и взглядов — и они не таковы. Они по службе не имеют потребности мыслить логически — и они не таковы... владели ими и направляли их сильнейшие (кроме голода и пола) инстинкты нижней сферы: инстинкт власти и инстинкт наживы. (Особенно — власти. В наши десятилетия она оказалась важнее денег)» [24. Т. 1. С. 149].

Помимо подробностей повседневного существования зэков в главах «Тюремный быт», «Придурки», «Благонамеренные», «Социально-близкие» мы находим примеры тщательного анализа, например, того, почему люди, арестованные в 1937 году («государственные люди! просвещенные марксисты! теоретические умы!»), «переработали и осмыслили заранее не разжеванное, в газетах не разъясненное историческое событие» как ловкую работу иностранных разведок, вредительство, измену в рядах партии, историческую необходимость, но никто не обвинил Сталина, никто не пробовал бороться, никто не усомнился в законности происходящего [24. Т. 2. С. 303–305].

В отличие от каторжной прозы XIX века образ автора нечасто предстает перед читателем в ипостаси объективного, стороннего наблюдателя. Лишь у С.Д. Довлатова авторский двойник Алиханов глядит на «сидельцев» со стороны, да и тот не отделяет себя от остального лагерного мира. Чаще всего автобиографический герой-рассказчик — жертва режима, исследователь «неизвестной страны» изнутри, участник и комментатор происходящих событий.

В отличие от тех очерковых циклов, где герой и автор неразрывно слиты, образ автора в «Архипелаге ГУЛАГ» раздваивается. С одной стороны, это капитан Солженицын, арестованный в конце войны и проходящий по кругам гулаговского ада, с другой — писатель Александр Солженицын, рассказывающий об этом, комментирующий воспоминания других героев, оценивающий с позиций жизненного опыта факты из истории Архипелага, из истории нашей страны, из собственной биографии и личного духовного опыта.

Еще дальше идет И.М. Губерман, создававший свои записки после знакомства и под влиянием «Архипелага». Он предстает перед читателем

в качестве трех персонажей, каждый из которых наделен автобиографическими чертами, это – Деляга, Писатель, Бездельник, причем все они выступают собеседниками рассказчика во время его «прогулок вокруг барака». Перед окончанием срока и освобождением «...растаяли в холодном воздухе, исчезли сразу же мои верные лагерные собеседники. И Деляга, и Писатель, и Бездельник. Потому что не было их, потому что сам себе вспоминал я всяческие истории, одиноко или в компании гуляя вокруг барака, потому что именно так именовал бы я себя в трех жизнях, тех трех руслах, по которым текла уже много лет моя троящаяся судьба... И тюрьма с лагерем, этот бесценный опыт, не даваемый больше ничем на свете, тоже воспримется мной, я знаю, неоднозначно, а через сознание этих трех» [5. С. 604–605].

Характерная черта «лагерной» прозы – обилие литературных реминисценций. Свою судьбу герои постоянно сравнивают с судьбами персонажей русской классики. Обильно цитируются Н.А. Некрасов, А.С. Пушкин, ведется диалог с Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским. Сочиняется и вспоминается множество стихов, причем на первом месте поэты Серебряного века.

Е.С. Гинзбург вспоминаются многие образы мировой классики: Жан Вальжан на каторге, Фамусов, Кафка и Оруэлл, произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, К. Гамсун, М.А. Цветаевой.

«Вся наша камерная жизнь была насквозь пронизана духом Эзопа» [2. С. 133].

«После двух лет тюрьмы я впервые видела над своей головой звезды. С моря доносилось дыхание свежести. Оно было связано с каким-то обманчивым чувством свободы. Созвездия плыли над моей головой, иногда меняя очертания. Со мной снова был Пастернак...

Ветер гладил звезды
Горячо и жертвенно...
Вечным чем-то,
Чем-то зиждущим, своим...» [2. С. 218]

«...Дареная казанская кофточка оказалась для меня в этот момент гриневским заячьим тулупчиком» [2. С. 241].

Обнаружив на проталинке прошлогоднюю бруснику, спасавшую от голода и цинги, автор зовет подругу:

«– Галя, Галя, закричала я потрясенным голосом, – брось топор, скорее иди сюда! Смотри... Тут «златистогрезный черный виноград»...

Да, отлично помню, именно этими северянскими «изысками» я обозначила свою находку» [2. С. 268].

Узнав о смерти Сталина, ее героиня, заглядывая в завтрашний день, рефлектирует на литературные темы: «И хотя еще никто не знал, что ско-

ро с легкой руки Эренбурга вступит в строй весеннее слово «оттепель», но уже вроде услышали, как артачатся застоявшиеся льдины, но уже шутили, повторяя формулу Остапа Бендера «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!» [2. С. 545].

Автобиографический персонаж О.В. Волкова в тульской тюрьме ведет мысленный диалог с Л.Н. Толстым:

«Тульская губернская тюрьма высилась на выезде из города рядом с кладбищем и огромным корпусом водочного завода. Это дало повод – так гласит легенда – Толстому, ездившему мимо по пути в Ясную Поляну, произнести несколько обличительных слов в адрес царских порядков: народ спаивают, прячут за решетку, и единственное избавление – в сырой земле... А что бы нашел сказать Лев Николаевич, проведи его современный Вергилий по тем же местам спустя неполную четверть века после его смерти? Если бы, взяв старого графа под руку, он предложил ему переступить высокий порог калитки в тюремных воротах и под лязг отпираемых и запираемых бесчисленных запоров повел по гулким коридорам и лестницам, распахивая перед ним одну за другой двери камер, набитых под завязку? Вглядитесь пристальнее, граф! Среди этих сотен и сотен грязных, истерзанных и забитых существ – ручаюсь! – многочисленные ваши знакомые, мужички вашего Крапивинского и соседних уездов, их дети, сколько раз окружавшие вас, чтобы поговорить, а то и поглазеть попросту на диковинного барина-мужика, изъездившего и исходившего все их путидорожки... Они не только наверняка пожалуются вам, что вот, мол, дожили до такого срама, сделались острожниками, но робко попросят объяснения: «За что это нас так, ваше сиятельство? Ведь и вы нам говорили, что труд наш святой и мир кормит... Вот мы и старались, пахали землю...» [1. С. 128–129].

В лагере Волков «зажигал большую керосиновую лампу и занимался забытой «письменностью»: переводил на французский Тютчева, составлял на память антологию забытых стихов. Словом, коротал время: книг не было» [1. С. 146].

А. Ларина-Бухарина пишет: «Я, как Алиса в Стране чудес, все падала и падала в глубокий колодец, но в отличие от нее знала, на какой широте и долготе я нахожусь... Мне не надо было, как Алисе, пояснять, что говорить о том, что думаешь, и думать, что говоришь, – не одно и то же» [11. С. 81–82].

Среди «собеседников» А.Д. Синявского – У. Шекспир, Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, О.Э. Мандельштам, Н.С. Лесков, И.Э. Бабель, Э. По, Т.Г. Шевченко, Н.С. Гумилев, А.А. Ахматова.

Чрезвычайно характерны литературные реминисценции в начале «Голоса из хора» (что совпадает с началом лагерного срока): герой воспомина-

ет тех писателей, в чьем творчестве явственен мотив путешествия, скитания.

Э. Лимонов вспоминает аббата Фариа и Пазолини, Тараса Бульбу, но наиболее примечательным выглядит рефрен, проходящий через всю книгу, характеризующий взаимоотношения главного автобиографического героя с «народом», населяющим Саратовскую тюрьму: я – «брат их, мужичок в пугачевском тулупчике» [12. С. 8]. «Пугачевский тулупчик» выдает уровень политических претензий вождя национал-большевиков.

В «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына литературные реминисценции достаточно четко подразделяются на тематические и ассоциативные. Первые служат для сопоставления, а чаще для противопоставления системы наказаний и положения людей на каторге и в тюрьме при царском режиме и в советское время. Автор привлекает для этого «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, «Воскресение» Л.Н. Толстого, «Остров Сахалин» А.П. Чехова, «В мире отверженных» П.Ф. Якубовича-Мельшина. Сравниваются еда и одежда заключенных, каторжные работы, путь по этапу, положение политических и уголовных преступников: «На Сахалине рудничные и «дорожные» арестанты в месяцы наибольшей работы получали в день: хлеба – 4 фунта (кило шестьсот!), мяса – 400 граммов, крупы – 250! И добросовестный Чехов исследует: действительно ли достаточны эти нормы или, при плохом качестве выпечки и варки, их недостает? Да если б заглянул он в миску нашего работяги, так тут же бы над ней и скончался» [24. Т. 1. С. 139].

Реминисценции ассоциативные более личностны, связаны с образом автора – носителя гуманистической традиции русской классики. А.И. Солженицын цитирует или просто упоминает А.П. Чехова («Спать хочется», «Крыжовник», «Человек в футляре», «Вишневый сад»), Л.Н. Толстого («Смерть Ивана Ильича», «Война и мир», «Много ли человеку земли нужно»), М.Е. Салтыкова-Щедрина («Как один мужик двух генералов прокормил»), И.С. Тургенева («Порог», «Русский язык»), Ф.М. Достоевского («Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание»), Н.В. Гоголя («Мертвые души»), Н.А. Некрасова («Кому на Руси жить хорошо»), М.Ю. Лермонтова («Прощай, немытая Россия...»), Л.Н. Андреева («Рассказ о семи повешенных»).

Писатель сравнивает реальных людей, встреченных им на Архипелаге, с литературными персонажами: Павел Николаевич Зиновьев, сосед по камере, «замкнутый внутренне, замкнутый внешне, с неторопливым прожевыванием, с осторожностью в поступках, — он был подлинный человек в футляре по Чехову, настолько верно, что остальное можно и не описывать, все, как у Чехова, только не школьный учитель, а генерал МВД» [24. Т. 2. С. 96].

Реминисценции помогают писателю создавать антитезы «в книгах» – «в жизни», например, при описании состояния приговоренного к смерти: «Догадки более ранних художников, например, Леонида Андреева, сейчас поневоле отдают крыловскими временами... Да и какой фантаст мог бы вообразить, например, смертные камеры 37-го года? Он плел бы обязательно свой психологический шнурочек: как ждут? как прислушиваются?» [24. Т. 2. С. 64].

Объекты реминисценций фиксируют совпадение авторских мыслей с тем, что говорили великие предшественники. Анализируя психологию «голубых кантов» — следователей-палачей, А.И. Солженицын вспоминает одного из толстовских героев: «Помните, что пишет о власти Толстой? Иван Ильич занял такое служебное положение, при котором имел возможность погубить всякого человека, которого хотел погубить! Все без исключения люди были у него в руках, любого, самого важного можно было привести к нему в качестве обвиняемого. (Да ведь это о наших голубых! Тут и добавлять нечего). Сознание этой власти («и возможность ее смягчить» – оговаривается Толстой, но к нашим парням это уж никак не относится) составляли для него главный интерес и привлекательность» [24. Т. 2. С. 189].

В «диалоге» А.И. Солженицына с русской классикой часто присутствует неприкрытая полемика, но в то же время и восприятие ее наследия в проблематике и поэтике. Каждая строчка Солженицына наполнена силой и энергией непримиримого протеста против чудовищных злодеяний идеологов коммунизма и исполнителей их злой воли. Но каждое слово писателя направлено в защиту честных, безвинно страдающих людей, нацелено на восстановление справедливости и уничтожение зла. В этом проявляется истинный гуманизм автора «Архипелага ГУЛАГ», унаследованный им вместе с лучшими традициями русской классической литературы.

Достоверному воссозданию нравов и быта тюрем и лагерей помогает использование тюремного языка и фольклора, ведь особая речь, отличающаяся от той, что «на воле», – одна из важных особенностей субкультуры заключенных. Словарь каторжан относительно устойчив (И.М. Губерман, например, упоминает слово «балдоха», которое «на фене» означает «солнце»; об этом писал еще С.В. Максимов), однако XX век расширил его весьма значительно. К тому же в наши дни слова и выражения из «блатной музыки» все чаще проникают в язык художественной литературы, средств массовой информации, в повседневную разговорную речь. В.С. Елистратов по этому поводу замечает, что сам по себе всплеск популярности жаргона – «продукт «романного» времени, где «аномалия» стремится победить «аналогию», экспрессия – логику, эффект – суть... Общество начинает интенсивно рефлексировать на жаргоне и о жаргоне» [8. С. 232].

А.И. Солженицын составляет, подобно С.В. Максимова, словарь тюремно-лагерных терминов, многие из которых возникли в советскую эпоху, дает им свое собственное объяснение: БУР – барак усиленного режима, внутрелагерная тюрьма; каэры – «контрреволюционеры» (в 20-е годы административное название всех политических, кроме социалистов); лишены – лишены избирательных прав; форма административного утеснения нежелательных социальных элементов в 20-е годы; намордник – 1) тюремное наконное устройство, загораживающее вид из окна; 2) лишение гражданских прав после отбытия тюремно-лагерного срока; придурок – заключенный, устроившийся так, чтобы не работать руками (более легкая, привилегированная работа); помпобит – «помощник по быту», лагерная комендантская должность, придурок в помощь надзору [24. Т. 3. С. 564]. По мнению Солженицына, «интеллигентным языком» описать Архипелаг невозможно, оттого столь много внимания он уделяет языку «туземцев».

Е.С. Гинзбург в отличие от А.И. Солженицына «не согласна, что о блатных нужно писать их же языком» [2. С. 719]. Ее повествование, как считают Р. Орлова и Л. Копелев, «брезгливо обтекает грязные пороги, зато иногда оно вспенивается такой старосветской патетикой и сентиментальностью, которые напоминают не только о стиле великих авторов прошлого — русских и зарубежных, но родственны и вторичной беллетристике начала века» [2. С. 721].

А.В. Жигулин впервые употребленное слово тюремного языка дает вразбивку и тут же поясняет в тексте или в сноске, если значение непонятно: «Вор, начавший, согласившийся работать, становился сукой, то есть ворм, нарушившим, потерявшим воровской закон» [9. С. 152]. «В бараке были не сплошные нары, а так называемые вагонки. Это деревянная, но сделанная без единого гвоздя четырехместная кровать [9. С. 196].

В суровых «Колымских рассказах» В.Т. Шаламов хотя и поясняет жаргонизмы, но чаще употребляет как понятные, знакомые читателю, ибо его герои не воспринимают их как нечто чуждое: «Он был из «бытовиков», к пятьдесят восьмой статье не имел никакого отношения. В лагерях на «материке» он был так называемым «председателем коллектива», настроен был не то что романтически, но собирался «играть роль» [26. 1, С. 373—374].

И.М. Губерман, попавший в лагерь в 1979 году, в том числе и за чтение запрещенной литературы (ссылки на А.И. Солженицына находим неоднократно), многие слова уже и не объясняет читателю (к примеру, «придурок»), но зато дополняет тюремный словарь Солженицына своими наблюдениями:

«Можно было, например, «подкричать на решку» – перекликнуться со знакомым через решетку» [4. С. 375];

«А на третий день с утра его вызвали (по фене – дернули) из камеры, чтобы везти в суд» [4. С. 379].

«...тяжелой железной миской (шленками называются они на фене) ударил его наотмашь по голове» [4. С. 430].

«...наступил он – нечаянно, разумеется, – на край подушки своего же приятеля (кента, по-тюремному) [4. С. 440].

«Отогревшись, только что разошлась бригада, а я остался – с понтом, чтобы караулить инструмент. (Понт – это любая показуха. Понтуются, создавая видимость работы, усердия, прилежания, благоразумия, с понтом все мы твердо стояли на пути исправления и перековки) [4. С. 442].

«Кивалами называются всюду народные заседатели – очень точное отыскалось слово для бессмысленных и бесправных этих двух лиц, представителей якобы общественности (вот уж понт!), могущих на заседании суда разве что кивать головой, когда судья ради соблюдения формы вопрошает их, во всем ли они с ним согласны» [4. С. 454].

И.М. Губерман приводит и анализирует примечательный факт, отражающий процесс изменения лексического значения жаргонного слова, вызванный необходимостью выразить психологическое состояние, для которого нет аналогов на воле: «Так вот *гонки* (выделено нами. – А.С.) – понятие, ничего не имеющее общего со спортивным смыслом этого слова. И нет общего у него со словом «гнать» (тоже из уголовной фени), означающим, что человек что-то утверждает – гонит... Но бывает, очень часто здесь бывает – ясно видишь, как тускнеет и уходит человек в себя. От общения уклоняется, не поддерживает разговор, нескрываясь стремится побыть в одиночку с самим собой... Что-то думает человек тяжело и упорно, что-то переживает, осмысливает, мучается, не находит себе места, тоскует. Сторонится всех, бродит сумрачный или лежит, отключенно глядя в пространство, но вокруг ничего не видит, вроде и не слышит тоже. Гонки. Это после свидания с родными почти у всех бывает, это вдруг из-за каких-то воспоминаний, это мысли могут быть пустячные, но неотвязные. Гонки» [4. С. 392].

«Многим новым словам обучился я уже на зоне. Часть из них теперь останется со мной. Например, прекрасное здесь бытует слово – тащиться. Но не в смысле изнуренного медленного движения, а как понятие удовольствия, блаженства, отдыха и покоя. Тащатся от водки и чая, от каликов и колес (таблеток), тащатся от тепла и солнца (балды), просто растянувшись блаженно и на полчаса забыв обо всем – тащатся» [4. С. 441].

А.Д. Синявский дает жаргон без объяснений и комментариев: «А ему уже четвертак корячился», «профура», «крытка», «хаванина», «ломом подпоясанный», «фуцан, дико воспитанный, – ни украсть, ни покарау-

лить», «подогрев», «крысятничать», «выдурить фраера», «сука», «сучья масть», «бур».

Он анализирует особенности лагерной речи:

«Искусство рассказывания в значительной мере держится на постепенности вхождения в частности и детали. Речь должна быть медленной, глубокомысленной, рассеченной паузами на предметно-весомые отрезки.

Мало сказать:

– Иду в баню.

Лучше растянуть, углубиться:

– Иду – в б а н ю. Беру... (что беру?) м ы л о. (Да? подумал-помолчал еще секунду.) П о л о т е н ц е. (С усилием, с каким-то восторгом.) М о ч а л к у!!

И все слушают – замороженные. Жаль, не всегда хватает самоуверенности в произнесении слов. Сбиваешься на скороговорку – в урон рассказу. Важно хотя бы простое членение, вроде:

– Баба. Кацапка. Такие вот титьки. Тамара.

Также – закон композиции. Начало должно быть вкрадчивым. Удар кинжалом наносится в конце первой главы.

Еще речь должна быть душистой или лучистой. Чтобы к ней хотелось еще и еще вернуться. Чтобы фраза дышала тайным восторгом, азартом. Чтобы, читая, хотелось еще в нее поиграть» [4. С. 514–515].

В очерке «Аполлон среди блатных» («Очерки преступного мира») В.Т. Шаламов анализирует тюремный фольклор и другие способы удовлетворения «эстетической потребности» обитателей тюрем: «Потребность блатарей в театре, в скульптуре, в живописи равна нулю... Блатарь ничего не понимает в балете, однако танцевальное искусство, пляска, «цыганочка» входит с давних пор в блатарское «юности честное зеркало» [26. Т. 2. С. 78–79]. Тюремных же песен, как отмечает автор, очень много. Он делит их на эпические, повествующие о деяниях «звезд преступного мира», и лирические, сентиментальные, жалобные и трогательные. К первым относятся «Гоп со смыком», «Остров Соловки», «Помню я ночку осеннюю, темную», ко вторым – «Судьба», «Мурочка Боброва», «Луной озарились зеркальные воды». В.Т. Шаламов описывает специфическую манеру исполнения, отмечает нелюбовь современных ему уголовников к хоровому пению («несчастливые» у С.В. Максимова исполняют «Милосердную» именно хором, так же, как и персонажи Ф.М. Достоевского): «Хоровых песен у блатных нет, хором они никогда не поют... Пение блатных — исключительно сольное пение, сидя где-нибудь у зарешеченного окна или лежа на нарах, заложив руки за голову. Петть блатарь никогда не начнет по приглашению, по просьбе, а всякий раз как бы неожиданно, по собственной потребности... певец негромко, тщательно выговаривая слова, поет

одну песню за другой — без всякого, конечно, аккомпанемента» [26. Т. 2. С. 82].

Очерк «Как тискают р`оманы» из того же цикла и посвящен двум специфическим жанрам тюремного фольклора. Первый – «воспоминания», «мемуарное» вранье, наполненное взаимной похвальбой, чудовищным хвастовством, гиперболизированными рассказами о грабежах и прочих похождениях. Этот жанр является «пропагандистским и агитационным материалом блатного мира», это «блатной университет, кафедра их страшной науки» [64. Т. 2. С. 93]. Вторым жанром – «р`о м а н ы», с ударением именно на первом слоге. Это весьма широкое понятие: «и роман, и повесть, и любой рассказ, подлинный и этнографический очерк, и историческая работа, и театральная пьеса, и радиопостановка, и пересказанный виденный кинофильм, возвратившийся с языка экрана к либретто. Фабульный каркас переплетен собственной импровизацией рассказчика» [64. Т. 2. С. 97]. Основой для «р`о м а н о в» служат «Рокамболь», «Шайка червонных валетов», «Граф Монте-Кристо», даже «Милый друг» Ги де Мопассана, «Анна Каренина» и биография Н.А. Некрасова.

В книге Е.С. Гинзбург мы редко встречаем тюремные песни, их место занимают стихи Н.С. Гумилева, Б.Л. Пастернака, И. Северянина, М. Цветаевой, Н.А. Некрасова, А.А. Блока, соответствующие вкусам и уровню культуры ее героинь, в большинстве своем – образованных женщин, осужденных по 58 статье и с миром уголовников соприкасающихся редко. Однако есть и – весьма нечастые – цитаты из «старинного» тюремного фольклора:

«Что ж поделаешь, терпеть надо. Тюрьма так она и есть тюрьма. Не курорт... Как в песне-то поется. «Это, барин, дом казен-н-най...»

– «А-лек-санд-ров-ский централ», – подхватывает кто-то нараспев... Заглушая стук колес, из вагона выбивается на воздух вековая каторжная песня, сибирская этапная:

...За какие преступ-ле-е-нья

Суд на каторгу сослал?» [2. С. 211].

«Скрип-скрип... Дзинь-бом... Слышен звон кандалный... Как хорошо, что еще до кандалов не додумались! Интересно, заковывали ли женщин при царе? Оказывается, я не знаю этого...» [2. С. 344].

«По сибирской дороге
ехал в страшной тревоге
заключенных несчастный народ.
За троцкизм, за терроры,
за политразговоры,
а по правде – сам черт не поймет!» [2. С. 186] –

эта песня на популярный в 20–30-е годы мотив «По военной дороге // шел в борьбе и тревоге // боевой восемнадцатый год» уже, безусловно, образец «новейшего» фольклора 30-х годов, песня, рожденная, скорее всего, в среде тех, кто окружал героиню – осужденных по 58 статье.

Е.С. Гинзбург упоминает о многочисленных легендах о Колыме (не исключено, созданных искусственно, по «социальному заказу» и целенаправленно распространяемых «компетентными органами»), которые «создавали образ советского Клондайка, где инициативный человек (даже заключенный!) никогда не пропадет, где сказочные богатства, вроде огромных кусков оленины, кетовой икры, бутылок рыбьего жира, в короткий срок возвращают к жизни любого доходягу. Не говоря уже о золоте, на которое можно выменивать табак и барахло». Но на той же странице, как комментарий к этим псевдофольклорным сочинениям – горькие строки, рожденные на этом самом «Клондайке»:

Колыма ты, Колыма, дальняя планета,
Двенадцать месяцев – зима, остальное – лето... [2. С. 227].

А далее – поговорка, больше, чем любые официальные утверждения, характеризующая истинное положение дел на «дальней планете»: «Колыма-то, она на трех китах держится: мат, блат и туфта» [2. С. 267].

Упоминает автор «Крутого маршрута» и о «р`оманах»: «...в пути Федька непрерывно требует, чтобы я ему т и с к а л а р`о м а н ы. До Ягодного еще полпути, а я уже успела изложить ему извилистые биографии Атоса, Портоса и Арамиса. Теперь перехожу к злоключениям и победам славного виконта де Бражелона» [2. С. 419].

А.В. Жигулин приводит такие образцы новейшего лагерного песенного фольклора, как «На железный засов ворота заперты» [9. С. 129], «Цыганка с картами, дорога дальняя» [9. С. 132–133], «Я помню тот Ванинский порт» [9. С. 185–186], «Я живу близ Охотского моря» [9. С. 245].

С.Д. Довлатов, подобно А.Д. Синявскому, несколько парадоксально утверждает, что тюремный язык – одно из восхитительных украшений лагерной жизни, потому что лагерный язык «менее всего рассчитан на практическое использование. И вообще, он является целью, а не средством» [5. С. 99]. Еще Ф.М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома» утверждал, что «можно ругаться из удовольствия, находить в этом забаву, милое упражнение, приятность» [7. С. 150]. В то же время автор «Зоны» отмечает, что искусство лагерной речи опирается на давно сложившиеся традиции: «Здесь существуют нерушимые каноны, железные штампы и бесчисленные регламенты. Плюс – необходимый творческий изыск. Это

как в литературе» [5. С. 100—101]. Размышляя о лагерном фольклоре, С.Д. Довлатов говорит, что в лагере «без нажима и принуждения торжествует метод социалистического реализма» [5. С. 122]. Лагерные песни – «чушь, лишенная минимального жизненного правдоподобия». Лагерные мифы подтверждают авторскую мысль об условности в советском обществе границы между лагерем и свободой: «Возьмите лагерные мифы. Наиболее распространенным сюжетом является успешный массовый побег. Как правило, через Белое море – в Соединенные Штаты... И организатором побега непременно будет доблестный чекист. Бывший полковник ГПУ или НКВД. Осужденный Хрущевым сподвижник Берии или Ягоды. Ну, чего их, спрашивается, тянет к этим мерзавцам?! А тянет их оттого, что это – знакомые, привычные, советские герои. Персонажи Юлиана Семенова и братьев Вайнеров...» [5. С. 123].

Любопытным образом, пародийно, перекликается с соответствующим эпизодом «Записок из Мертвого дома» рассказ в «Зоне» о постановке заключенными под руководством замполита к юбилею Октябрьской революции одноактной пьесы «Кремлевские звезды»: «Ленина играет вор с ропчинской пересылки. Потомственный щипач в законе... В роли Дзержинского – Цуриков, по кличке Мотыль, из четвертой бригады... В роли Тимофея – Геша, придурок из санчасти...» [5. С. 138].

Авторский двойник И.М. Губермана – Бездельник – рассказывает историю бедного еврейского аптекаря Мейера, который, эмигрировав в Америку, изобрел застежку «молния», разбогател, а полученные деньги вложил в производство «лекарства от тоски», став основателем знаменитой кинофирмы «Метро Голдвин Мейер» [4. С. 538–539]. В главе 8 перед читателем разворачивается целая серия легенд, историй, баек: о еврее, ухитрившемся обмануть самого Генри Форда, евреев не любившего, о мошенничествах и ограблениях, история «чудесного излечения» безнадежно больного катаlepsией и т. п.

Теснейшим образом связан с фольклорной традицией и «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Множество пословиц и поговорок органично включены автором в текст. Уже на первых страницах читаем: «Но те же самые руки, которые завинчивали наши наручники, теперь примирительно выставляют ладони: «Не надо!.. Не надо ворошить прошлое!.. Кто старое помянет – тому глаз вон!» Однако доканчивает пословица: «А кто забудет – тому два!» [24. Т. 1. С. 9].

В пародийной главе «Зэки как нация», имеющей иронический подзаголовок «Этнографический очерк Фан Фаныча», автор сопоставляет пословицы, созданные «народом зэков», и русские пословицы, собранные В.И. Далем: «От многих таких случаев, усвоили зэки прочно: не делай сегодня того, что можно сделать завтра. На зэка где сядешь, там и слезешь». Срав-

нив их с пословицами, сложившимися при крепостном праве, «Фан Фаныч» задает риторический вопрос: «Что ж это получается? Что через все светлые рубежи наших освободительных реформ, просветительства, революций и социализма, екатерининский крепостной мужик и сталинский зэк, несмотря на полное несходство своего социального положения, – пожимают друг другу черные корявые руки?..» [24. Т. 2. С. 471–472].

Исследуя язык «племени зэков», А.И. Солженицын отмечает проникновение его «в нашу страну и прежде всего в язык молодёжи»: «...«вдруг с недоумением и радостью он услышал от первокурсников те самые выражения, к которым привыкло его ухо на Архипелаге и которых так до сих пор не хватало русскому языку: «с ходу», «всю дорогу», «по новой», «раскурочить», «заначить», «фраер», «дурак, и уши холодные», «она с парнями шьется» и еще многие, многие!» [24. Т. 2. С. 492].

Подводя итоги, можно сделать определенные выводы о некоторых общих тенденциях современной «тюремной» и «лагерной» документальной прозы в соотнесенности с традицией прозы рубежа XIX–XX веков. Достаточно четко проявляется в очерковых циклах тяготение к форме «путешествия». Силен здесь также нравоописательный элемент: подробности тюремного и лагерного быта, система взаимоотношений, языка, фольклора. В целом каторжная и лагерная проза тяготеет к эпичности, претендует на раскрытие описываемого мира во всей совокупности его бытийных элементов, в развитии (хотя в последнем случае можно говорить и об «антидинамике», ибо ад не может эволюционировать по определению).

Исследуется своеобразная философия каторги в соотношении с религиозным мировоззрением и официальной идеологией. Авторы стремятся запечатлеть реальных людей, встреченных ими на «крутых маршрутах», воссоздать типичные характеры «сажавших» и «сидевших». Индивидуальные и коллективные портреты свидетельствуют о стремлении авторов воплотить черты национального характера. Описывая жизнь «отверженных» XX века, писатели-документалисты остаются верными реалистическим принципам обрисовки тяжелой, кошмарной действительности, отдавая при этом некоторую дань и натурализму.

Типологически общим является использование оппозиций «на воле» – «на каторге», «заключенные» – «охранники», «палачи» – «жертвы», «протестующие» – «смирившиеся», «тюремный язык» – «язык литературный». Нередко «лагерная» проза полемизирует со своей «предшественницей», сохраняя при этом преемственность как этических, так и эстетических категорий. Образ ада, например, противопоставлялся в прозе XIX века «нормальному» миру, в конце XX века границы между мирами размыты, «лагерь» представлял собой повторение и отражение «воли» – в нашем случае советской действительности.

Литературные реминисценции как содержательный и формообразующий элемент присутствуют в «лагерной» прозе достаточно часто, и не только в качестве повода для полемики с представителями «каторжной» прозы – они помогают углублению психологической и социальной характеристики персонажей. Образы русской классической прозы XIX века и поэзии Серебряного века помогают «сохранению души», дают надежду пережить тяжелые испытания.

Нельзя не отметить принципиально иную во многом проблематику современной «лагерной» прозы, в том числе и вершины ее – «Архипелага ГУЛАГ», по сравнению с произведениями XIX – начала XX века о тюрьмах, каторге и ссылке. Опыт трагической истории России позволяет авторам выдвинуть на первый план проблему преступной по отношению к народу власти. Отсутствует в связи с этим и проблема исправления, ибо наказание героев — это, как правило, наказание без преступления. Резко обозначено в «лагерной» прозе противостояние между «социально близкими» — блатными и «пятьдесят восьмой» — политическими заключенными. Старая проза о тюрьмах и каторге такого непримиримого антагонизма не знала: каторжный «злодей», уголовник Орлов, по утверждению С.В. Максимова, уважительно приветствовал прибывших на Нерчинские рудники декабристов, герой П.Ф. Якубовича-Мельшина находит общий язык с уголовниками. Царская власть не использовала уголовников для подавления и физического уничтожения «политических».

Основанные на личном опыте произведения «лагерной» прозы отличаются большим лиризмом. Внутренний монолог автора-рассказчика встречается здесь гораздо чаще, авторская позиция – и гражданская, и эстетическая – отличается большей определенностью.

Во многих эпизодах, в самой структуре этих книг, складывающихся в целом в художественно-документальную эпопею о народных страданиях, присутствуют категории Пути, Испытания, Судьбы, звучит мотив стойкости и силы человека в нечеловеческих условиях, вера в идеалы гуманизма. Все это, на наш взгляд, подтверждает, что не прервалась связь современной художественно-документальной прозы о «несчастных» с «хождениями» и «путешествиями», с «Илиадой и Одиссеей каторжной жизни» XIX века – книгой С.В. Максимова «Сибирь и каторга», с воистину написанными кровью «Записками из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, с правдивыми и подлинно народными книгами А.П. Чехова, В.Г. Короленко, В.А. Гиляровского, П.Ф. Якубовича-Мельшина, В.М. Дорошевича, А.И. Свирского.

Художественно-документальная литература, посвященная «каторжной» и «лагерной» теме, обладает рядом специфических особенностей, позволяющих рассматривать ее как самостоятельное жанровое образование, имеющее свои имманентные законы развития, свою поэтику.

«Каторжная» и «лагерная» проза наследует традиции жанра «путешествий» («дорога», «путь», «маршрут» в качестве композиционной доминанты, связующая роль автора-путешественника, прием «рассказ в рассказе», этнографичность описания быта тюрьмы и каторги, изучение языка и истории «туземцев»).

Произведения русских документалистов, посвященные судьбам «несчастливых», обогатили палитру русского реализма благодаря проникновению в мрачные, темные, потаенные стороны действительности, показу малоизвестных уголков жизни, исследованию побудительных мотивов странных и жестоких человеческих поступков, обрисовке новых социальных и психологических типов. Углублялось представление о российском народе, о ранее неизвестных особенностях национального характера.

Сюжеты, человеческие типы, проблематика, приемы письма нередко «переходили» из документальных повествований, из «литературы факта» в «литературу вымысла», помогая классикам – Ф.М. Достоевскому, Н.А. Некрасову, М.Е. Салтыкову-Щедрину, Л.Н. Толстому, А.П. Чехову – в создании бессмертных образов.

«Каторжный опыт» оказал влияние на дальнейшую творческую судьбу многих писателей, как прямо – на уровне использования сюжетов и образов, почерпнутых из увиденного и пережитого в «аду» (Ф.М. Достоевский), так и опосредованно, проявляя себя на уровне стиля и метода (А.П. Чехов).

Одной из особенностей «каторжной прозы» XIX века явилась принципиальная деромантизация типов преступников, с убийц и мошенников снимался флёр загадочности, таинственности и притягательности, который был присущ романтизму и который предлагала читателям массовая беллетристика.

Русская «каторжная» проза явилась прямой предшественницей обширного пласта «лагерной прозы» второй половины XX века, передав ей многие особенности поэтики, гуманистический пафос, тревогу за судьбу русского народа.

«Лагерная проза», усвоив опыт своей родоначальницы, новаторски переосмыслила ряд элементов поэтики, по-иному трактуя природу социального и художественного конфликта, выявляя и публицистически заостряя новые философские и нравственные проблемы мира «отверженных».

«Каторжная» и «лагерная» проза, несмотря на обилие различных жанровых образований (очерковый цикл, лирические и портретные очерки, репортаж, художественно-документальное исследование, автобиография), тяготеет к эпосу, вмещающему в себя совокупность вышеобозначенных признаков. При этом «базовым» остается очерк («очерк-преступление»

с элементами путевого) во всей совокупности характерных для этого жанра особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков, О.В. Погружение во тьму: Из пережитого. – М. : Советская Россия, 1992. – 432 с. – (Крестный путь России).
2. Гинзбург, Е.С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. – М. : Книга, 1991.
3. Гиляровский, В.А. Москва и москвичи. – Куйбышев, 1965.
4. Губерман, И.М. Пожилые записки. Прогулки вокруг барака. – М. : Эксмо, 2003.
5. Довлатов, С.Д. Зона // Собр. соч. : в 3 т. – СПб. : Лимбус Пресс, 1994. – Т. 1.
6. Дорошевич, В.М. Сахалин. – М. : Пресса, 1996.
7. Достоевский, Ф.М. Записки из Мертвого дома // Повести и рассказы : в 2 т. – М. : ГИХЛ, 1956. – Т. 2.
8. Елистратов, В.С. Как лингвисты жаргон опять по зонам рассадили // Знамя. – 2000. – № 6.
9. Жигулин, А.В. Черные камни: автобиографическая повесть. М. : Московский рабочий, 1989.
10. Заболоцкий, Н.А. История моего заключения // Серебряный век. Мемуары : сборник / сост. Т. Дубинская-Джалилова. – М. : Известия, 1990. – 672 с.
11. Ларина-Бухарина, А.М. Незабываемое. – М. : Вагриус, 2003. – 447 с.
12. Лимонов, Э. По тюрьмам. – М. : Ад Маргинем, 2004.
13. Максимов, С.В. Ссылные и тюрьмы. – Т. 1 : Несчастные. – СПб., 1862.
14. Максимов, С.В. Сибирь и каторга : в 3 т. – СПб. : Изд-во Губинского, 1900.
15. Маслова, Н.М. Путевой очерк: проблемы жанра. – М. : Знание, 1980.
16. Михельсон, В.А. «Путешествие» в русской литературе. – Ростов н/Д, 1974.
17. Разгон, Л.Э. Непридуманное: повесть в рассказах. – Ставрополь, 1989. – 320 с.
18. Орлова, Р. Мы жили в Москве: 1956–1980. / Р. Орлова, Л. Копелев. – М. : Книга, 1990. – 447 с.
19. Русские писатели, XX век : Библиогр. Словарь : в 2 ч. / под ред. Н.Н. Скатова. – М. : Просвещение, 1998. – Ч. 1, 2.
20. Сафронов, А.В. «Сибирь и каторга» С.В. Максимова и современная «лагерная» проза // Вестник РГПУ. – 1997. – № 1/5.
21. Сафронов, А.В. «Высокая» литература и этнографическая беллетристика (А.П. Чехов и С.В. Максимов) // Проблемы истории литературы : сб. статей. – М., 1998. – Вып. 4.
22. Свирский, А.И. Казенный дом. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.
23. Синявский, А. Голос из хора // Собр. соч. : в 2 т. – М. : ЭКСМО, 1999. – Т. 1.
24. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. : в 3 т. – М. : Книга, 1990.
25. Чехов, А.П. Из Сибири; Остров Сахалин / вступ. ст. и примеч. М.Л. Семановой. – М. : Правда, 1985.
26. Шаламов, В.Т. Собр. соч. : в 4 т. – М. : Художественная литература, 1998.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Валентина Александровна,

доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики РГУ имени С.А. Есенина.

Комерова Ирина Вячеславовна,

соискатель кафедры всеобщей истории и международных отношений РГУ имени С.А. Есенина.

Костикова Лидия Петровна,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков факультета истории и международных отношений РГУ имени С.А. Есенина.

Котляров Иван Дмитриевич,

кандидат экономических наук Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета.

Лосев Юрий Иванович,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, проректор по научной работе РГУ имени С.А. Есенина.

Плеханов Андрей Евгеньевич,

кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений РГУ имени С.А. Есенина.

Сафронов Александр Викторович,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы РГУ имени С.А. Есенина.

Шеина Ирина Михайловна,

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка и методики его преподавания, проректор по международной деятельности РГУ имени С.А. Есенина.

Подписаться на журнал можно
в любом отделении связи
Индекс журнала № 36249 в каталоге «Роспечать»

Научное издание

Вестник
Рязанского
государственного
университета
имени С.А. Есенина

Научный журнал

Главный редактор *Лиферов Анатолий Петрович*

Редактор *Т.Н. Свитнева*

Технические редакторы

Н.Н. Дроздова

В.В. Дмитриева

Подписано в печать 28.05.07. Поз. № 084. Бумага офсетная. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 10,32. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 500 экз. Заказ № 296.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано в редакционно-издательском центре РГУ имени С.А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Урицкого, 22